

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ—1985

6

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

БАКУ—1985

МОД

Мо
ду част
Н. К. Д
тике и
можно
«частни
Модал
функци
ния го
ких-ли
Фу
няет р
ном яз
имеют
икэн, и
Ф. Ю.
по мне
ным сл
литера
Сагито
Кл
может
ретице
ется на
роли с
части

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Адрес редакции: 370143, Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

¹ Н
² А
1956, ст
³ Т
⁴ В
⁵ С
фология
⁶ Т
⁷ С
теле м
⁸ «
логия)»
⁹ С

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Р. Г. СИБАГАТОВ

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА В ФУНКЦИИ ПРЕДИКАТИВНЫХ СРЕДСТВ

Модальные слова обычно рассматриваются как нечто среднее между частицей и отдельным словом (самостоятельной частью речи). Н. К. Дмитриев писал: «По функции это — частицы, а по своей фонетике и этимологии — отдельные слова»¹. А. Н. Кононов говорит о возможности объединения частиц и модальных слов под единым термином «частицы», выделяя при этом «собственно частицы» и «имена-частицы»². Модальные слова или имена-частицы, пишет он, «суть отдельные слова, функционально соответствующие частицам, выражающим волеизъявления говорящего или отношение к действительности, к сообщениям о каких-либо фактах, устанавливаемое самим говорящим»³.

Функциональное соответствие модальных слов частицам затрудняет разграничение этих двух разрядов слов в том или ином конкретном языке. В частности, в татарском языкознании в их классификации имеются некоторые расхождения. Например, такие слова, как *имеш*, *икән*, *инде*, отнесенные в классификации В. Н. Хангильдина к частицам⁴, Ф. Ю. Юсупов считает модальными словами⁵. Слово *тугел*, являющееся, по мнению Ф. Ю. Юсупова, частицей⁶, М. А. Сагитов относит к модальным словам⁷. Слова *инде*, *бугай* в грамматике «Современный татарский литературный язык» фигурируют как в разделе «Частицы» (автор М. А. Сагитов), так и в разделе «Модальные слова» (автор Ф. Ю. Юсупов)⁸.

Классификация слов модального содержания, по всей видимости, может быть уточнена на основе учета их синтаксических функций. Теоретические основы такого подхода уже разработаны. При этом указывается на две основные функции модальных слов: 1) употребление их в роли сказуемого или в составе сказуемого в качестве вспомогательной части его; 2) употребление в роли вводных слов⁹. При подобном под-

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М. — Л., 1948, стр. 131.

² А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М. — Л., 1956, стр. 346.

³ Там же.

⁴ В. Н. Хангильдин. Татар теле грамматикасы. Казан, 1959, стр. 297.

⁵ См.: «Современный татарский литературный язык (Лексикология, фонетика, морфология)». М., 1969, стр. 350—351.

⁶ Там же, стр. 350.

⁷ См.: З. М. Вәлиуллина, К. З. Зиннәтуллина, М. А. Сәгыйтов. Хәзерге татар әдәби теле морфологиясе. Казан, 1972.

⁸ «Современный татарский литературный язык (Лексикология, фонетика, морфология)», стр. 345, 351—352.

⁹ См.: «Современный татарский литературный язык (Синтаксис)», М., 1971.

ходе круг модальных слов ограничивается определеннее: частицы, употребляющиеся в составе и сказуемого, и других членов предложения (например, такие, как *инде*, *түгел*), в названный круг не попадают. (Модальные слова с другими членами предложения сочетаются только как самостоятельные члены предложения, ср., например: *бар байлык* 'все богатство', *юк эш* 'нестоящее дело', *кирэк кеше* 'нужный человек'¹⁰).

В татарском языке в роли сказуемого или в составе его употребляются следующие модальные слова и словосочетания: *бар* 'есть', *юк* 'нет', *мөмкин* 'можно', *кирэк* 'надо', *булса кирэк/булырга кирэк* 'может быть', *тиеш* 'должен', *булырга тиеш* 'должен быть', *ярый* 'ладно', *бугай* 'кажется', *икән* 'оказывается' и др.; функцию вводных слов выполняют модальные слова: *әлбәттә* 'конечно', *ахры/ахрысы* 'по-видимому', *янаса* 'дескать', *хәер* 'впрочем', *ниһаять* 'наконец', *имеш* 'якобы', *ичмасам* 'хотя бы', 'по крайней мере', *ихтимал* 'возможно', 'по всей вероятности', *шайть* 'наверно' и т. д.

Модальные слова в функции сказуемого или вспомогательной части его. Модальные слова, употребляемые в функции сказуемого (предиката) двусоставного предложения, характеризуют подлежащее (субъект) непосредственно, как любая другая самостоятельная часть речи или полнзначное слово. Например: *Китап бар* 'Книга есть', *Дәфтәр юк* 'Тетради нет', *Бусы ярый* 'Это можно', *Ярдәм кирэк* 'Помощь нужна', *Син тиеш* 'Ты должен', *Бөтенесе дә мөмкин* 'Все возможно'. Модальные слова в этой функции могут быть не только ремой (предикатом), но и темой (субъектом), когда логическое ударение падает не на них, а на другие члены предложения, предположим, на подлежащее. Например: *Сезгә Фәрит Зарипович кирэк идеме?* — *Әйе, ул кирэк иде* (А. Расих) 'Вам нужен Фарит Зарипович? — Да, нужен он'. В этих предложениях выступают подлежащие (*Фәрит Зарипович, ул*), а сказуемые, выраженные модальным словом *кирэк* (в первом случае вместе с зависимым членом *сезгә*), выражают тему (субъект). Предложения в данном членении воспринимаются так: «Тот, кто вам нужен, — это Фарит Зарипович? — Да, тот, кто (мне) нужен, — это он».

Модальные слова, употребляемые в составе сказуемого (как его вспомогательная часть), по своим синтаксическим функциям приравниваются к частицам. Они, как и частицы, характеризуют отношение между подлежащим (субъектом) и сказуемым (предикатом). Например: *Ул яшәргә тиеш* (Ә. Баянов) 'Он должен жить'; *Бер утар — бер хужалык булса кирәк* (Ә. Еники) 'Каждая усадьба, должно быть, составляет одно хозяйство'; *Боларның этләре бик усал бугай* (Г. Ибраһимов) 'Собака у них, кажется, очень злая'; *Бу тоташы белән алма бакчасы икән* (Ә. Еники) 'Это, оказывается, сплошной яблоневый сад'.

Модальные слова, формально, синтагматически включенные в состав сказуемого, так же как и частицы, могут относиться и к другим членам предложения, если логическое ударение падает на них: *Дошман сукыр килеш, чамалап кына ата булса кирәк* (Ә. Еники) 'Враг, видимо, стреляет вслепую, наугад'. Здесь логически выделяются однородные обстоятельства: *сукыр килеш, чамалап кына*

¹⁰ Трудности в определении границ модальных слов существуют и в других тюркских языках. В частности, М. В. Зайнуллин указывает на такие трудности в башкирском языке. (См.: М. В. Зайнуллин. Модальные слова и словосочетания как лексико-грамматическое средство выражения модальности в современном башкирском языке. — «Советская тюркология», 1979, № 2, стр. 9—19).

'вслеп
этой ч
ложе
Ответ
будет
ответе
в сост

В
мого
ния, с
есть
Синта
ционн
вается
предл
ман/с
знако
ным с
рение
враг?
перво
зуюмо
ной с
более
слова
мым,
ние, «
мого,
шылс
ной)

М
тельн
функц

Э
'нет',
делит
лифи
ди к
в чис
включ

Ф
ния в
стью
ные (
вых, н
жения
ются;
В
скую
предл

11
югурск
12

‘вслепую, наугад’. Отношение модального словосочетания *булса кирэк* к этой части предложения можно выявить, если поставить вопрос к предложению и дать краткий ответ на него. Вопрос: «Как стреляет враг?» Ответ в виде неполного предложения, содержащий только предикат, будет следующим: *Сукыр килеш, чамалап кына булса кирэк*. В этом ответе модальное слово оказывается в составе обстоятельства, то есть в составе того члена (предиката), к которому оно фактически относится.

В случаях, когда модальное слово, находящееся в составе сказуемого (рядом с ним), фактически характеризует другой член предложения, оно, как и частицы, обнаруживает тенденцию к обособлению, то есть произносится после очень короткой, но вполне уловимой паузы. Синтагматическая целостность состава сказуемого (или иначе, интонационная связь между основной частью его и модальным словом) оказывается в известной мере ослабленной. Ср. интонационное оформление предложения, содержащее ответ на вопрос «Как стреляет враг?»: *Дошман/сукыр килеш/чамалап кына атабулса кирэк* (паузы указаны знаком /). Пауза между основной частью сказуемого (*ата*) и модальным словосочетанием (*булса кирэк*) снимается, когда логическое ударение переносится на сказуемое (при ответе на вопрос: «Что делает враг?»). При наличии явных признаков обособления модальных слов в первой позиции, то есть в случаях, когда логически выделяется не сказуемое, а другие члены предложения, вероятно, нельзя говорить о полной синтагматической изоляции присказуемых модальных слов. Тем более, что это положение невозможно распространить на все модальные слова без исключения. Модальные слова, находящиеся рядом со сказуемым, интонационно, а иногда и грамматически завершают предложение, «округляя» сказуемое. Форма и интонация основной части сказуемого, особенно на *-ырга/-ерга*, *-са/-сә* (например, *айтерга тиеш*, *аңлашылса кирэк*), явно предполагают наличие вспомогательной (модальной) части.

Модальные слова, употребляемые в составе сказуемого, в значительно большей степени, нежели частицы, приспособлены к выполнению функций предикативного средства.

Э. Р. Тенишев, отмечая, что слова саларского языка *вар* ‘есть’, *жох* ‘нет’, сарыг-югурского — *раг* ‘есть’, *јоқ* ‘нет’ способны выступать в определительной и предикативной функциях, то есть в роли сказуемого, квалифицирует их по последней, грамматической функции именно как предикативные слова или предикативы¹¹. К. М. Мусаев в число предикативов в караимском языке, наряду с названными выше, включает слова *керяк* ‘нужно’, *тиш(ли)* ‘необходимо’, *борчлу* ‘должно’¹².

Функционирование вводно-модальных слов. Особенности выражения вводно-модальными словами предикативной функции еще полностью не выявлены. В лингвистике распространено мнение, что вводные (модальные) слова имеют следующие характерные черты: во-первых, не вступают в синтаксическую связь с каким-либо членом предложения и с предложением в целом; во-вторых, интонационно обособляются; в-третьих, место их в предложении не фиксировано.

Вводно-модальные слова, несмотря на их указанную синтагматическую подвижность, кажущуюся изолированность, функционируют в предложении как часть целого — это зависимые модальные члены пред-

¹¹ Э. Р. Тенишев. Строй саларского языка. М., 1976, стр. 185; *его же*. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976, стр. 115.

¹² К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка. М., 1964, стр. 309—310.

ложения. Вводно-модальные слова, как и другие модальные средства, характеризуют предложение через отношение к предикатируемому члену (реме) и связаны с ним. Эта связь опирается на интонацию, порядок слов. Данный способ связи можно назвать интонационно-позиционным.

В предложениях, актуальное и синтаксическое членения которых совпадают, вводно-модальные слова занимают три известные позиции:

1) находятся в начале предложения, перед подлежащим (субъектом), за которым следует сказуемое (предикат). Например: *Ниһаять, кәткән минутлар килеп җитте* (М. Әмир) 'Наконец, долгожданные минуты наступили'; *Ичмаса м, син дә китәсәң, Илгиз* (Ф. Шәфигуллин) 'Да и ты, к сожалению, уезжаешь, Ильгиз'; *Дөрес, күзләре ничектер бик кычкырып тормыйлар* (Р. Кәрами) 'Правда, глаза у нее как-то не сразу привлекают';

2) находятся в середине предложения, между подлежащим (субъектом) и сказуемым (предикатом). Например: *Мин, әлбәттә, шат идем* (Ә. Еники) 'Я, конечно, была рада'; *Ул, ахрысы, миннән батыррак* (Г. Ибраһимов) 'Он, кажется, сильнее меня'; *Ул, и меш, Шәкүр карак шайкасыннан качып котылган кеше* (Г. Ахунов) 'Он, говорят, человек, бежавший из шайки вора Шакура';

3) находятся в конце предложения, рядом со сказуемым (предикатом). Например: *Ул, әкрен барам дип уйласа да, шактый кызу бара, и меш* (А. Расих) 'Он, хотя и думал, что идет медленно, на самом деле, оказывается, шел довольно быстро'; *Берсе рустыр, ахыры* (Г. Ибраһимов) 'Один из них русский, наверно'; *Бу вакыйга шул килеш сүрелгән, онытылган да булып иде, шәт* (Ж. Рәхимов) 'Это событие, возможно, и так отошло, забылось бы'.

На связь вводно-модальных слов со сказуемым (предикатом) в первой позиции, в начале предложения, указывает логическое ударение. Вводно-модальные слова, как и другие субъективно-модальные средства, притягиваются к тому члену предложения (здесь — к сказуемому), на который падает логическое ударение. Для вводно-модальных слов в этой позиции характерно полное интонационное обособление. При этом они образуют отдельную синтагму. Следует сказать, что такую синтагматическую обособленность нельзя рассматривать как некое абсолютное, а тем более специфическое, свойство вводных слов — модальных членов предложения. В данном случае проявляется лишь общая закономерность: зависимая (характеризующая) часть предложения, отдаленная от господствующей (характеризуемой) части, образует отдельную синтагму. Ср.: *Кайткач/бөтенесе дә билгеле булып* 'Когда придем, все будет известно'; *Иртәгә/бөтенесе дә билгеле булып* 'Завтра все будет известно'; *Ниһаять/бөтенесе дә билгеле булып* 'Наконец, все будет известно'. Каждое из выделенных слов (второстепенные члены *кайткач*, *иртәгә*, вводно-модальное слово *ниһаять*) относится к сказуемому (*билгеле булып*), отдалено от него, составляет одну синтагму. Разница лишь в том, что отношение второстепенных членов к сказуемому определяется грамматической формой и лексическим значением их, а отношение вводно-модального слова — логическим ударением.

Во второй и третьей позициях, когда вводно-модальное слово находится в середине предложения, между подлежащим (субъектом) и сказуемым (предикатом), и в конце предложения, рядом со сказуемым (предикатом), появляется дополнительный показатель связи: ослабляется или полностью исчезает интонационное обособление вводно-модального слова. Во второй позиции, перед сказуемым (предикатом), вводно-модальное слово отделяется полной паузой только со стороны подлежа-

щего
корот
этой
деник
скажу
нең б
вобра
алма
предл
норма
(әлба
жыйг
Во вт
баттә
вообл

начи
слова
слова
одно
зывает
в обл
О
жаем
являе
относ
очлы
дочер
межд
носит
пауза
рым
циони
ввод
Т
во вт
пози
синта

щего (субъекта); пауза со стороны сказуемого (предиката) бывает очень короткой или исчезает вообще. Кроме того, вводно-модальное слово в этой позиции, перед сказуемым (предикатом), имеет тенденцию к вхождению или входит в общую мелодическую схему сказуемого (группы сказуемого). Ср., например, предложения: 1) *Алар//элбатта/табигатьнең бөтен төсләрен үзләренә жыйганнар* (Ә. Маликов) 'Они, конечно, вобрали в себя все цвета природы'; 2) *Мин//элбатта, бер сүз дә әйтә алмадым* (Г. Ахунов) 'Я, конечно, не смог сказать ни слова'. В первом предложении, при произнесении его соответственно интонационным нормам литературного языка, между вводно-модальным словом (*элбатта*) и группой сказуемого (*табигатьнең бөтен төсләрен үзләренә жыйганнар*), по всей видимости, имеется пауза, хотя и незначительная. Во втором предложении пауза между вводно-модальным словом (*элбатта*) и группой сказуемого (*бер сүз дә әйтә алмадым*) отсутствует вообще.

Мелодическая схема начала первого предложения:

А лар эл бат та би гать нең

Мелодическая схема начала второго предложения:

Мин эл бат та бер сүз дә әйтә

В первой схеме с третьего слога вводно-модального слова (*элбатта*) начинается понижение тона, продолжающееся до последнего слога слова *табигатьнең*. Во второй схеме со второго слога вводно-модального слова (*элбатта*) начинается повышение тона, которое продолжается до односложного слова *сүз*. В первом случае вводно-модальное слово оказывается включенным в общую линию понижения тона, а во втором — в общую линию повышения тона, наравне с другими членами синтагмы.

Связь вводно-модального слова со сказуемым (предикатом), выражаемая интонационно-позиционным способом, особенно наглядно проявляется, когда это слово находится между однородными сказуемыми и относится только к одному из них. Например, в предложении *Кызы очлы иякле, күрәсең әнисенә охшаган* (Ә. Маликов) 'Подбородок дочери острый, видимо, как у матери'. Вводное слово *күрәсең* находится между однородными сказуемыми (*очлы иякле, әнисенә охшаган*) и относится к последнему из них, поэтому от первого отделяется полной паузой и входит в одну синтагму (в одно интонационное целое) со вторым сказуемым. Это синтаксическое явление фиксируется и пунктуационно; существует правило (исключение), согласно которому такие вводные слова выделяются запятой только с одной стороны.

Таким образом, интонационное обособление вводно-модальных слов во второй позиции, перед сказуемым (предикатом), неполное. Они в этой позиции имеют тенденцию к вхождению или полностью входят в одну синтагму со сказуемым, а также зависимыми от него членами.

вводные слова, относящиеся к отдельному члену предложения, не отделяются от него паузой и остаются с ним под одним синтагматическим ударением¹³.

Таким образом, есть основания считать, что связь вводно-модальных слов с другими членами предложения и предложением в целом — вполне реальное явление. Эта связь осуществляется двумя основными способами:

1) вводно-модальное слово, отдаленное от предиктируемого (логически выделяемого) члена, интонационно обособляется. Это указывает на то, что вводно-модальное слово в данном случае связано не с тем членом предложения, при котором оно находится, а с тем, на который падает логическое ударение. Данный способ связи характерен в основном для модальных слов и частиц;

2) вводно-модальное слово, находящееся рядом с предиктируемым членом, входит в одну синтагму с ним. Это один из обычных способов связи в словосочетании, где компоненты находятся рядом.

Комбинирование модальных слов с другими модальными единицами. В татарском языке для субъективно-модальной характеристики сказуемого (предиката) комбинируются:

1) модальные слова, употребляемые в составе сказуемого, и частицы, например:

нэкъ...икән: Сез нэкъ элеккечә икән (М. Мәһдиев) 'Вы, оказывается, точно такой же, как раньше';

әнә...икән: Эшләп әнә ничек икән! (Ә. Еники) 'Вот, оказывается, какие дела!';

менә...икән: Хикмәт менә нәрсәдә икән (разг.) 'Вот, оказывается, в чем дело';

менә-менә...гына икән: Курслар менә-менә оешып кына килә икән (А. Гыйләжев) 'Курсы, оказывается, только-только стали организовываться';

2) вводно-модальные слова и частицы, например:

бәлки...дыр: Бу, бәлки, минем тормышымдагы бер борылыш ноктасы булгандыр (Г. Ахунов) 'Это, может быть, было одним из поворотных пунктов в моей жизни';

ихтимал...дыр: Ихтимал, бу дөрестер (Г. Ахунов) 'Возможно, это правда';

ахрысы...дыр: Саткай, ахрысы, хәл жыйя баргандыр (Г. Ибраһимов) 'Саткай, видимо, по пути отдыхал';

белми...дыр: Белми, бухат тәрәзә төбенә ничәк килеп төшкәндер (Ә. Еники) 'Не знаю, как это письмо попало на подоконник';

3) вводно-модальные слова и модальные слова, употребляемые в составе сказуемого:

димәк...икән: Димәк, шушы икән Әхмәтсолтан Габәши! (Ә. Еники) 'Значит, это и есть Ахметсултан Габаши!';

чыннан да...икән: Чыннан да бу сугыш дигәннәре әллә нинди куркыныч нәрсә икән (М. Мәһдиев) 'Война и правда, оказывается, вещь невероятно страшная';

4) одно вводно-модальное слово с другим:

чынлап та, күрәсең: Үлем, чынлап та, бугазымнан ала язган, күрәсең (Ә. Еники) 'Смерть и на самом деле была, кажется, очень близка';

¹³ М. З. Зәкиев. Хәзерге татар әдәби теле (синтаксис). Казан, 1974, стр. 131.

хээр, ихтимал: Хээр, яшьлар, ихтимал, аны болай да күрмэслэр иде (Г. Бәширов) 'Впрочем, молодые, возможно, и так не видели бы этого';

хээр, бәлки: Хээр, диде ул, берәз көткәч, — бу, бәлки, буш хыял гына дыр (Ә. Маликов) 'Впрочем, — сказал он, немного погода, — это, возможно, неосуществимая мечта'.

Характерно, что компоненты одних комбинаций синтагматически объединены с предиктируемым членом (например: *накъ элеккечә икән, мәнә нәрсәдә икән*), компоненты же других синтагматически разобщены. В этом (последнем) случае комбинации указанных модальных единиц образуются исключительно на основе общности их семантико-синтаксической функции, то есть характеристики одного и того же члена (предиката).

При комбинировании указанных модальных средств при сказуемом предикативный характер функции последнего подчеркивается сильнее. Соответственно обогащается субъективно-модальная характеристика отношения между подлежащим (субъектом) и сказуемым (предикатом).

Как и комбинируемые частицы, модальные слова, комбинируясь друг с другом и с частицами, усиливают, дополняют значения друг друга. Отношение усиления характерно для единиц, находящихся в одной семантической группе. Например: *бәлки...дыр, ихтимал...дыр, ахырысы...дыр*; обе части комбинаций выражают неуверенность, сомнение. Отношение дополнения устанавливается в комбинациях единиц различных семантических групп. Например: *димәк... икән* (значения обобщения и неожиданного результата); *чыннан да...икән* (значения удостоверения и неожиданного результата). Кроме того, модальные слова, относящиеся к различным семантическим группам, могут функционировать самостоятельно, не вступая друг с другом в тесные семантические отношения, характеризуя предикативный член (и предложение в целом) с различных сторон. Таково отношение, например, вводно-модальных слов: *хээр, ихтимал* 'впрочем, возможно'; *хээр, бәлки* 'впрочем, наверное'.

Можно сделать вывод, что модальные слова выполняют в предложении следующие функции: 1) выступают в роли сказуемого; 2) входят в состав сказуемого в качестве вспомогательной части его; 3) являются вводными словами. Если в первом случае модальным словам вообще присуща функция предиката, то во втором и третьем случаях, они, характеризуя предикат и отношение предиката к субъекту, непосредственно участвуют в формировании предикативной структуры предложения.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Р. А. ЮНАЛЕЕВА, Р. Г. ГАТАУЛИНА

О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОДУКТИВНОСТИ ТЮРКИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Показателем освоенности заимствованной русским языком иноязычной лексемы является не только то, что она претерпевает семантическую адаптацию и обретает соответствующую грамматическую категорию русского языка, но и то, что она становится производящей основой для ряда новообразований. Словообразовательная продуктивность, таким образом, является одним из основных проявлений освоенности иноязычной по происхождению лексемы.

Тюркизмы далеко не одинаковы по своим словообразовательным возможностям. Часть из них полностью их лишена, например: *альник* 'род женского головного убора'; *науруз* 'праздничный головной убор мусульман', *папах* 'высокая меховая шапка', *чебак* 'меховая шапка с наушниками', *чпаг* 'кошелек', *курпей* 'кисть на шапке', *чиптама* 'короткая женская безрукавка', *папук* 'кисть', *джияк* 'узорчатая обшивка ворота, рукавов', *кирега* 'решетки и стенки кочевой кибитки', *кудук* 'степной колодец', *кяриз* 'гидротехническое сооружение для вывода на поверхность подземных вод' и т. д.¹ Подавляющее большинство этих тюркизмов относится к экзотизмам, и этим определена их безучастность в образовании новых форм. И в то же время наблюдаются любопытные явления: с одной стороны, например, тюркизм *папах*, довольно распространенный в качестве обозначения определенного вида головного убора, не имеет каких-либо производных, а явный экзотизм *чалма* оброс рядом дериватов: *чалмишка*, *чалмище*, *чалмовый*, *чалмоносец*, *чалмообразный*.

Экзотизм *чалма* по своей структуре сходен со словами типа *кайма*, *пройма*, *обойма*, *пойма* и образует производные аналогичного ряда (ср. *чалмовый*, *чалмишка* и *каймовый*, *каймишка*; *обоймовый*, *обоймишка* и т. п.). Тюркизм *папах* по типу слов *рубаха*, *птаха*, *черепаха*, *сваха* и т. п., образующих производные: *рубашечка*, *свашенька* и т. п., мог бы иметь по аналогии производные: *папашечка*, *папашенька* и т. п. Однако это исключается ввиду явной их омонимичности с формами, образованными от названия лица. Эти примеры лишний раз подтверждают, что положение и возможности иноязычного слова полностью зависят от его системных связей в заимствующем языке.

Как известно, слова могут заимствоваться в процессе устного общения или через письменный язык. Слова, заимствованные русским язы-

¹ В качестве лексических примеров авторами используются тюркизмы — названия одежды и строительная терминология.

ком книжным путем, чаще всего не отличаются словообразовательной активностью. Так, в русском языке известно лишь одно новообразование от слова *киоск*—*киоскер* (по аналогии *шахта*—*шахтер*, *лифт*—*лифтер* и т. д.).

Такие тюркизмы, как *терлик* 'род длинного кафтана', *юшман* 'панцирь', *бутурлык* 'доспехи для ног всадника', *керемень* 'крепость', не образуют производных, ибо употребление их ограничено в хронологическом и функциональном аспектах.

Словообразовательные возможности некоторых тюркизмов крайне незначительны. Так, от слов *зепь* 'карман', *очкур* 'пояс', *дербень* 'изба при мельнице', *духан* 'трактир', *мечеть* 'мусульманский молитвенный дом', *минарет* 'башня при мечети', *ропоть* 'иноверческий храм' образуется лишь по одному производному: *зепные* («два полотенца зепных»), *очкурные* («очкурные штаны»), *дербеничик* 'мельник', *духаничик* 'хозяин духана', *мечетный*, *минаретный*, *ропатный* («на ропатном углу»). По два производных известны у тюркизмов—*калита*: *калитка* 'мошна', *калитарочка* 'сумочка кожаная'; *катран*: *катранить* 'покрывать крышу смолой', *катранка* 'покрытые смолой чего-либо'. По три-четыре и более новообразований отмечено у слов—*лачужа*: *лачужка*, *лачужник*, *лачужный*; *саман*: *саманка* 'хата из самана', *саманный*, *самануха*; *кисет*: *кисетик*, *кисетный*, *кисеточный*, *кисетник*, *кисетница*; *бахрома*: *бахмарка*//*бахморочка*//*бахморчик* — уменьшительно-ласкательная форма, *бахморик* 'пучок нитей', 'кисточка'; *бахморить* 'выдергивать из ткани поперечные нити'; *кутаз* 'украшение в виде шнура с кистью': *кутазик*, *кутазишко*, *кутазник*, *кутазный*; *кибитка*: *кибиточка*, *кибиточный*, *кибиточник* и *кибитчик* 'кибиточный мастер'.

Отдельные тюркизмы как производящие основы весьма активны и широко используют при этом русские слово- и формообразующие форманты. Это такие лексемы, как *азям*, *армяк*, *амбар*, *кафтан*, *карман*, *кайма*, *кирпич*, *тесьма*, *шалаш*, *шатер*, *халат*, *сарафан*, *тулуп*, *фата*, *колпак* и т. д., насчитывающие по восемь—десять и более производных.

Некоторые старые тюркизмы проявляли довольно высокую словообразовательную активность еще на ранней стадии заимствования. Более того, по данным письменных памятников, некоторые производные были зафиксированы раньше их производящих основ, что позволяет углубить датировку самой основы. В качестве примеров можно привести: форму *армячное* (1568 г.) от основы *армяк* в значении «ткань», зафиксированной в 1705 г. [1, вып. 1, с. 47] или в 1618—1619 гг. [2, с. 184]; *карманник* (1584 г.) от основы *карман* (XVII в.); *япончица* («Слово о полку Игореве») от основы *япанча*//*епонча* — (1488 г.) и т. д. Предположение, что производящая основа была ассимилирована русским языком еще до появления производных, подтверждается тем, что эти производные вписываются в систему аналогичных образований. Ср. *япончица*, которая полностью соответствует формально-семантической модели наиболее употребительных названий древнерусской одежды: *сорочица*, *понявица*, *утреница*, *власяница*, *ноговица*, *багряница*, *червеница* и др.

Как сочетаемостные возможности тюркизмов, так и круг их производных различны для разных периодов их функционирования. Довольно широким был в свое время круг производных от слова *азям*: *азямский*, *азямной*, *азяминый*, *азямовы*, *азямник*, *азямко*, *азямец*, *азямчик*, *азямишко*, *азямище*, *азямина*, *азямища*; от слова *кафтан*: *кафтанник*, *кафтанушка*, *кафтанка*, *кафтанишко*, *кафтанец*, *кафтанище*, *кафтаничик*, *кафтанчик*, *кафтанниково*, *кафтанный*, *полукафтаны*; от слова *ям*: *ямской*, *ямник*, *ямленин*, *по-ямски*, *ямчужный*, *ямщик* (*ямщицкий*,

ямщиц
терем
ный,

В
ским
набл
преим
него
заимс
матич
субъе
и т. п
разря

В
щей с
или н
умень
кая д
шьет»
хонка
ный п
[3, т.
с. 182
— «т
пичнь

В
мание
имеет

В
карма
карма
в XVI
(1621
маннь
более
карма
мацон
манни
по изг
'тот, к
басма
женик
основ
меры,
лочни
ник, л
связан
ризуо
вом».

В
измен
изводн
слова.
«...а пр

ямичка, ямичкин, ямичий, по-ямички, ямичить); от слова *терем*: *теремец, теремок, теремочек, теремичка (теремичок), теремский, теремный, теремком*.

Временем наиболее активного пополнения русского языка тюркскими новообразованиями был период XVII—XVIII веков. В XIX веке наблюдается живое употребление всего комплекса таких производных, преимущественно в диалектах русского языка. Однако к началу нынешнего столетия, вследствие сокращения функциональной роли тюркских заимствований как производящих основ, стал сужаться и круг их грамматических дериватов: дольше других продержались образования субъективной оценки (*азямец, кафтанишко, армячишко, зипунишко* и т. п.), которые вместе с производящими их основами переместились в разряд пассивной лексики.

В ряде случаев тюркизмы в русском языке выступают производящей основой большого числа слов и форм, далеких от них по смыслу или не связанных с ними значениями. Так, *балахончик* — это не только уменьшительно-ласкательное от *балахон*, но и «женская кофта», «широкая длинная рубаша из белого холста»; а *балахончик* — это «тот, кто шьет», «тот, кто носит», «тот, кто продает балахоны» и «монах»; *балахонка* — это «жильница города Балахны», «ветряная мельница», «рыбный пирожок, не защищенный, а с прорешкой, растегай», «распашонка» [3, т. I, с. 42; 4, с. 27]; *сарайный* — «относящийся к сараю» [5, т. XIII, с. 182—183] и «домовой, живущий в сарае» [3, т. IV, с. 137]; *кирпичник* — «тот, кто делает кирпичи», «представитель партии владельцев кирпичных заводов» [6, с. 192] и «зобный корень» [7, с. 452].

В производных от тюркских заимствований обращает на себя внимание явление энантиосемии. Так, в псковских говорах слово *тюремник* имеет значения: «надсмотрщик» и «заклученный» [8].

Высокой словообразовательной активностью отличается лексема *карман*. Уже в середине XVI века употреблялись образования от него: *карманник* «мастер по изготовлению карманов, сумок», *кармашек*, в XVII—XVIII веках состав производных пополнился новыми: *карманец* (1621 г.), *кармашные* («...с зимних кармашных ловель» — 1665 г.), *карманные* (1705 г.). В дальнейшем круг грамматических дериватов еще более расширился: *карманчик, карманишко, карманище, карманничать, карманок* «карманчик» (псковские говоры), *карманья, кармашичек, кармацонки* — уменьшительное к *карман* (архангельские говоры). Форму *карманник* следует выделить особо. Она употреблялась в значении «мастер по изготовлению карманов». Здесь суффикс *-ник*, как и в словах *армячник* «тот, кто шьет армяки»; *бархатник* «ремесленник, выделяющий бархат»; *басманник* «пекарь, выпекающий басманы (хлеб)» и т. п., служил выражению значения «изготовитель предмета, названного мотивирующей основой». В современном русском языке сохранились единичные примеры, в которых данный суффикс выступает в этой роли: *сеточник, иголочник, булавочник, пробочник, пуговичник, решетник, каретник, баласник, лавочник, матрасник*. Современное употребление слова *карманник* связано с другим значением форманта *-ник*, а именно: «лицо, характеризующееся отношением к предмету, названному мотивирующим словом». В данном случае произошло переосмысление суффикса.

В ряде случаев новообразования от тюркизмов характеризовались изменением семантики, что привело к возникновению целого ряда производных, семантически связанных с новым значением заимствованного слова. Тюркизм *курган* вошел в русский язык в значении «крепость»: «...а прокъ ихъ въбеже съ воеводою своимъ... въ курганъ половчъскый» —

1224 г., Нов. I лет., 218 [1, в. 8, с. 136]. Однако в этом значении слово не нашло широкого употребления. Утрата данной семы, по-видимому, объясняется тем, что понятие «крепость» в русском языке того времени (XIII в.) и в последующие эпохи передавалось словами: «град», «город», «крепость», «осад» и т. д. Начиная с XV века памятники письменности фиксируют слово *курган* в значении «холм, могильная насыпь». Новообразования *курганец* [1, в. 8, с. 136], *курганчик* [9, т. II, с. 496; 5, т. V, с. 1858] — уменьшительно-ласкательное к *курган*; *курганистый* [10, с. 161] — «курганистая местность» (ср. холмистая); *курганиха* [11, с. 137] — «небольшой горный кряж»; *курганный* [9, с. 496] — «относящийся к кургану»; *курганищик* [5, т. V, с. 1858] — «тот, кто занимается раскапыванием курганов» — связаны с семой «высокая земляная насыпь, (могильный) холм», развившейся на почве русского языка. Производных, семантически связанных с первоначальным значением данного слова, нам обнаружить не удалось.

В процессе функционирования некоторые тюркизмы полностью утрачивают конкретную предметно-понятийную определенность и начинают использоваться исключительно в рамках экспрессивной лексики. Так, чтобы подчеркнуть убогость любого вида жилища, в русском языке употребляется слово *лачуга* [5, т. VI, с. 84—85]. Первоначально это слово выступало в значении «небольшое временное сооружение для жилья, шалаш». Однако уже в XVIII веке слово *лачуга* фиксируется в русском языке в современном значении. Отмечаемые в словарях производные *лачужоватый* — «похожий на лачугу» [3, т. II, с. 240]; *лачужник* — «живущий в лачуге», *лачужный* — «относящийся к лачуге» [3, т. II, с. 240; 5, т. VI, с. 84—85] восходят к переносному значению производящей основы.

Нередко изменение значения производящей основы приводит к изменению значения и его производных. Лексема *ям*, известная с конца XIII века, вошла в русский язык как обозначение «подати, денежного сбора на ямскую гоньбу», «ямской повинности»: «ненадобе имъ (попам) никоторая дань, ни *ямъ*, ...ни иные которые пошлыны» — 1361—1366 гг. [12, с. 9]. Значение производных *ямник*, *ямщик* — «должностное лицо, ведающее сбором яма (подати)», *ямской* — «относящийся к яму», *ямщина* — «денежный сбор на ямскую гоньбу» связано с семантикой производящей основы. Ср.: «Потоле волостели мои не въезжаютъ,... ни *ямъникъ*, ни боровникъ» — 1402 г. [13, т. III, с. 1658]; «Тако же... волостели не всылають къ нимъ нипочто, и данницы наши, и *ямъщици*» [12, с. 9]; «Посадскіе люди... доправили... въ *ямщину* семь рублевъ» — 1589 г. [13, т. III, с. 1659].

Появление *ямов* — «пунктов, на которых проезжавшие могли остановиться и поменять лошадей», относится ко второй половине XV века: «...монастырские крестьяне... на тех *ямах* с подводами отъстоят...» — 1543 г. [14, с. 88]. В тот же период (с конца XV века) слово *ям* зафиксировано в значении «почтовый двор», «селение, жители которого управляют почтовую гоньбу». В XVI веке это значение являлось единственным: «...станичные головы бьютъ челомъ государю царю, чтобъ государь... велель устроить для скорыхъ вестей *ямъ* или два» [15, т. I, с. 3]. Соответствующим образом меняется и значение производных. Так, слово *ямщик* начинает обозначать «кучер на ямских лошадях». Ср.: «... и живет ныне в Сибири... в *ямщиках*» — 1662 г. [16, с. 569]. Слово *ямщина* также приобретает новое значение — «обязанность ямщиков стоять на яму». В этом значении слово *ямщина* приобрело широкое распространение, о чем свидетельствуют сохранившиеся в говорах устой-

чивые
в ямш
Л
шалаи
языке
языка
из жер
шалаи
лья»
в ином
«...лав
сп. XV
Д.

Д.
тотек
го язы
заимст
торгов
середин
ныхъ
произс
ная не
венно
ние зн
основн
шается

В
наряд
перен
В этом
[8]. Во
не обу
послед
гично
рое в
кого п

Н
образо
ту», «
значен
третье
шение
ностей
нолог
ным. Д
перен
в наст
халат
варно
дерив
халат
гол х
жизнь
стал в
явить

чивые сочетания: «вести (гонять, стоять) ямщину» [17, с. 233], «ходить в ямщину» [11, с. 339].

Любопытно проследить изменение значения прилагательного *шалашный*. Слово *шалаш* широко употребляется в современном русском языке и, как отмечает «Словарь современного русского литературного языка», имеет значение «временная небольшая постройка для жилья из жердей и т. п.» [5, т. XVII, с. 1243] и соответственно производное *шалашный* — «относящийся к шалашу — временной постройке для жилья» [5, т. XVII, с. 1245]. Однако ранее слово *шалашный* употреблялось в ином значении: «относящийся к шалашу — торговой палатке»: «...лавки... избы харчевныя и места *шалашные*...» Кн. п. Балахн., 1676 г., сп. XVIII в., с. 109 [18].

Данные исторических словарей, а также материалы картотек «Словаря русского языка XI—XVII вв.» и «Словаря русского языка XVIII в.» свидетельствуют о том, что слово *шалаш* было заимствовано русским языком в значении «временно поставленная торговая палатка», которое было наиболее употребительным вплоть до середины XVIII века. Ср.: «...*шелаши* естовые...» — 1589 г.; «...у кисельных *шалашевъ*...» — 1711 г. [18]. В процессе функционирования слова произошло переосмысление его значения. Вторичное значение «временная небольшая постройка для жилья» становится основным. Соответственно изменяется и значение производного *шалашный*. Обычно изменение значения производного происходит вслед за изменением значения основного слова. Однако известны случаи, когда это положение нарушается.

В современном русском языке у существительного *тюремщик*, наряду со значением «надзиратель в тюрьме», существует и другое переносное — «тот, кто попирает свободу, угнетатель» [19, с. 751]. В этом же значении данное слово употребляется в псковских говорах [8]. Возникновение переносного значения существительного *тюремщик* не обусловлено семантической структурой слова «тюрьма», ибо значение последнего не осложнено экспрессивно-оценочным мотивом. Аналогично в этом отношении возникло и значение слова *шалашовка*, которое в псковских и новосибирских говорах обозначает женщину легкого поведения [8; 20, с. 592].

Нечто сходное произошло и с производным *халатный*. При своем образовании прилагательное *халатный* означало «относящийся к халату», «связанный с халатом». В дальнейшем оно стало употребляться в значении «склонный к праздности, покою, лени» и, наконец, появилось третье его значение — «небрежно-безразличное и недобросовестное отношение к кому-либо, к чему-нибудь, к работе, выполнению своих обязанностей». Из трех значений лишь первое соотносится с исходным терминологическим значением слова «халат», но оно стало малоупотребительным. Два же других значения связаны с производящей основой лишь в переносном, оценочно-характеризующем смысле. Третье значение стало в настоящее время главным, основным. В словаре С. И. Ожегова слово *халатный* приводится в данном значении, но дается уже отдельной словарной статьей [19, с. 789]. Оно само уже обросло в русском языке дериватами: *халатность* — «небрежное, халатное отношение к работе»; *халатничество* — «бездеятельность, косность, лень»; появился даже глагол *халатничать*, вначале в значении «вести бездеятельную, ленивую жизнь» (сейчас относится к числу устаревших), а затем этот глагол стал выступать в третьем указанном значении: «быть халатным», «проявить халатность», носящем разговорный характер. Глагол *халатничать*

проник и в говоры, где используется в значении «недобросовестно работать» [21, т. III, с. 210].

Из общего числа словообразовательных форм большую часть составляют имена существительные, меньшую — прилагательные и **незначительную** — глаголы и наречия. По способу образования этих форм выделяются суффиксальные, префиксальные и префиксально-суффиксальные лексические единицы. Наиболее характерными словообразовательными типами являются новообразования с формантами, приносящими субъективно-оценочное значение (*теремок, кафтанец, амбарец, фатица, башмачишко, шалашнишка*), признак, мотивированный основой (*кумачный, чалмовая, кисетный, кирпичный, турлунный*), и значения профессии деятеля (*клобучник, колпачник, башмачница, кирпичник, саманик, шатерщик, учужик*). Большое число и разнообразие эмоционально-оценочных образований (*клобучек, теремец, карманище, армячишко, чуланишко, амбарушка* и т. п.) объясняется, во-первых, тем, что все тюркизмы обозначают обычно конкретные понятия, более всего подверженные оценке; во-вторых, тем, что они особенно легко воспринимаются живой речью, характеризующейся яркой эмоциональностью, и, наконец, в-третьих, основная сфера бытования устной речи (просторечно-диалектная) создает благоприятные условия для продуцирования эмоционально-оценочных образований.

Ретроспективный взгляд на производные от тюркизмов показывает в целом постепенный спад количества новообразований. Однако такие, например, лексемы, как *тулуп, халат, карман, кирпич, амбар, сарай*, в отличие от многих других тюркизмов, сохранили большинство своих производных, что объясняется жизнеспособностью самой производящей основы.

Среди новообразований имеются производные самого различного характера: некоторые из них являются историзмами, другие — диалектизмами, а иные вошли в русский литературный язык. К историзмам относятся образования от слов, сфера употребления которых ограничена рамками распространения обозначаемых ими реалий: *кутазник, кутазный, кутазик; башмачник, башмачницын, башмачничать, башмачничая; епанечник, епанечный, епанчик, епанчиковый; шатерщик* 'тот, кто ставит шатры', *учужик* 'тот, кто строит учюги', *ямщик, ямской, ямчужный* и т. д.

Производные диалектизмы характерны лишь для диалектной речи, например: *азямина, азямщина* 'материя для азяма' (уральские говоры), *карманок* — уменьшительное к *карман* (псковские говоры), *кармацонки* (архангельские говоры), *шароварцы, шароварки* (архангельские говоры), *тулупёшко* (архангельские говоры), *штанёшки* 'детские короткие штаны' (пермские говоры), *саманка, самануха* 'хата из самана' (донские и новосибирские говоры), *курганиха* 'небольшой горный кряж' (приамурские говоры) и т. д.

Многие производные от тюркизмов употребительны в современном русском литературном языке, например: *каблук, каёмочка, карманный, кармашек, кисетик, колпачок, атласный, сарафанчик, тесемка, халатик, халатный, сарайчик, тюремный, чердачный* и т. д.

Большим числом производных отличаются не обязательно те тюркизмы, которые сохранились в живой речи до настоящего времени. В ряде случаев наблюдается обратная картина. Так, из исторически весьма продуктивных тюркизмов в настоящее время употребительны далеко не все (ср. *азям, армяк, кафтан, тулуп, кабак, кибитка, рундук, чертог*), а такие активно функционирующие тюркизмы, как *сарафан*,

штаны, халат, тюрьма, шалаш и т. п., никогда не отличались большим числом производных.

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что словообразовательная активность указывает лишь на реальные потенциальные возможности в этом отношении того или иного тюркизма, но вовсе не гарантирует ему сохранение в лексической системе языка; равно как и незначительная словообразовательная продуктивность еще не предопределяет судьбу и место слова в языке, его функциональную активность.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Словарь русского языка XI—XVII вв.», вып. 1—9. М., 1975—1982.
2. Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959.
3. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М., 1955.
4. Б. Бурнашев. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. I—II. СПб., 1843—1844.
5. «Словарь современного русского литературного языка», т. I—XVII. М.—Л., 1950—1965.
6. «Лексика русского литературного языка XIX—начала XX века». М., 1981.
7. Н. Анненков. Ботанический словарь. СПб., 1878.
8. Картоотека Псковского областного словаря (ЛГУ).
9. «Словарь церковно-славянского и русского языка». СПб., 1847.
10. А. В. Миртов. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929.
11. «Словарь русских говоров Приамурья». М., 1983.
12. «Памятники истории крестьян XIV—XIX вв.». М., 1910.
13. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I—III, СПб., 1893—1903.
14. «Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря (1506—1619 гг.)». Л., 1983.
15. «Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьков, Курск, Воронежская губерния) в XVI—XVII столетии». Собр. Д. И. Багалеев. Харьков, 1886.
16. Н. А. Цомакион. Словарь языка мангазейских памятников XVII—первой половины XVIII в. Красноярск, 1971.
17. «Словарь русских говоров Кузбасса». Новосибирск, 1976.
18. Картоотека Словаря древнерусского языка XI—XVII вв. (Институт русского языка АН СССР, г. Москва).
19. С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1978.
20. «Словарь русских говоров Новосибирской области». Новосибирск, 1979.
21. «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби». Т. I—III. Дополнения I, II. Томск, 1964—1975.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Х. Г. КОРОГЛЫ

СЮЖЕТ «ЮСУФ И ЗУЛЕЙХА» В ТЮРКСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ

Сюжет поэмы «Юсуф и Зулейха» после первых тюркоязычных авторов (Кул Али, Шайят Хамза, Сули Факих — XIII в.) разрабатывался в последующем многими тюркоязычными поэтами на протяжении целых шести-семи веков. Это тем более показательно, что то был период, казалось, абсолютного господства персидского языка в литературах Ближнего Востока и Средней Азии.

В Средней Азии в XIII—XIV веках данный сюжет входил в книгу «Кысас-и Рабгузи» Насираддина Рабгузи¹. По свидетельству этого автора, его труд являлся переводом с персидского языка книги «Кысас ал-анбия», очевидно, Абу Исхака Нишапури. В основу же персидского оригинала, по-видимому, была положена арабоязычная книга Ваххаба ибн Мунаббиха, созданная в V веке хиджры (XII в.).

Как известно, книга Рабгузи состоит из 72 глав-повестей (кысса), в число которых входит и кысса о Юсуфе, который, как и в Коране, назван одним из пророков. Основой сюжета для произведения Рабгузи и его первоисточника послужил коранический сюжет, хотя стиль изложения книги этого автора весьма отличается от стиля Корана. Сочинение Рабгузи — перевод, но вместе с тем это своеобразное высокохудожественное тюркоязычное произведение. В повести чувствуется стремление автора создать впечатляющие художественные образы, используя для этого яркие эпитеты, меткие сравнения и другие средства. Так, в самом начале повествования Рабгузи дает следующую портретную характеристику Юсуфа:

اون بيرينجي يوسف ايردى صورتى بسيار پذير
لعل ايچره كوهر اكوپ لؤلؤ لالارى
يوزيني كوردى ياروق كون خيرى قالدى آى باقىب
قايدى ييتسون انكلارينه باغ ارم لالهلى
كورك قيليق زينت ملاحت هم نبوت هم كرم
باش آياقته تكير و برچا مولى نينك آلارى

‘Одиннадцатым был Юсуф, ликом прекрасный,
В масе яхонтов блистал он цветом тюльпана.
Его лицо затмевало яркость Солнца, удивляло Луну,
Сравним ли с ним тюльпаны из Райского Сада (Ирама).
Весь он в украшениях, излучает симпатию,
божественность и доброту.

С ног до головы он — воплощение величия!’.

قصص ربغوزى، قصص الانبياءه رباط اوغوزى نيزال قاضى سى برهان الدين اوغلى ناصرالدين
تصنيفى دور، قران ۱۸۵۹

В К
читатели
точник д
характер
ная к от

‘По
айа 11)
Раб
дения пр

يوب حمل
س آقايير.
شمين بيزار
ن سورتار
ن چالارلار

‘О, о
мове по
Хамал;
туч, цве
ля укра
напудри
запели,
пир...’.

При
часть кн
фолькло
отметит
диции т
характер
в послед
шие) сл
В тюрк
контами
конченн
живани

К с
привлек
исследо
большу
туре пос
Е. З
язычном
свое соч
тересова
рих-и а
(крымс
др. В и

В Коране события излагаются фрагментарно, в расчете на то, что читатель уже знаком с сюжетом легенды. Книга Рабгузи и ее первоисточник дополняют каждый фрагмент Корана яркими подробностями и характерными деталями. В Коране просьба сыновей Якуба, обращенная к отцу, отпустить с ними Юсуфа изложена предельно кратко:

ارسله معنا غدا يرتع و يكعب و انا له لحاظون

‘Пошлите его поиграть с нами, мы будем охранять его’ (сура 12, аяа 11).

Рабгузи эту же просьбу дополняет ярким описанием весны, пробуждения природы:

ای آتا یاز کونی بولدی بو کون آتلغ سلطان حوت آتلغ فیضلاقنی قویوب حمل
آتلغ ییلاق غه اوغدادی ادیزکوک یغلار یغیزیرکولار سولوت کوزларیدین یاش آقسایر.
چچاکلار تکمه سین یرتیب یوزار لاله کوилаکی ینасین تارقیب اوزار یر یوزیکا نقشین بیزار
بارچا کل لارتون قراسیدین قاش کوژیکا سرمه تارتار کونلوز نوریندین کیرشان سورتار
تالی ییفاچلار سالینیب اوینار سنداوج سیوونوب سیرار قمری لار میزی بولوب اونون چالارلار
طوطی قوش فاکر بولوب مجلس توتار²

‘О, отец! Наступил весенний день, сегодня Султан на коне покинул зимовье под названием Хут. На коне и отправился на летовку, называемую Хамал; высокое небо плачет, а земля смеется, дожди льются из очей туч, цветы рвут свои бутоны, тюльпаны разрывают на себе ворот, земля украшена всеми цветами; розы подвели свои глаза сурьмой, ночи напудрились светом дня, деревья распустили свои кудри, певчие птицы запели, горлинки заворковали, полугай заговорил, устроив веселый пир...’.

Примечательно, что эта тирада, как и вообще вся прозаическая часть книги, написана автором широко применявшейся в литературе и фольклоре персо-тюркоязычных народов ритмической прозой. Можно отметить и еще одну особенность книги Рабгузи — она написана в традиции тюркоязычного эпоса, в котором проза чередуется с поэзией. Это характерно и для средневековой арабо-персидской литературы, однако в последней короткие стихи (как правило, двуступишие или четверостишие) служат лишь поэтической иллюстрацией к прозаическому тексту. В тюркоязычной словесности, в том числе и у Рабгузи, стихотворения, контаминированные с прозой, представляют собой самостоятельные законченные художественные фрагменты, выражающие душевные переживания героя.

К сожалению, замечательное художественное творение Рабгузи не привлекло должного внимания ученых. Осталась, например, почти не исследованной поэтика этого произведения, сыгравшего, несомненно, большую роль в становлении эпического стиля в тюркоязычной литературе последующих веков.

Е. Э. Бертельсу принадлежит первый труд еще об одном тюркоязычном поэте, авторе поэмы «Юсуф и Зулейха» — Дурбеке, создавшем свое сочинение на чагатайском языке в 1409 году. Сюжет о Юсуфе интересовал и великого Навои, который упомянул его в своей книге «Тарих-и анбия». В XIV веке поэмы о Юсуфе написали золотоордынский (крымский) поэт Абдулмаджид, азербайджанский поэт Кади Дарир и др. В исследованиях о восточном средневековье упоминается еще ряд

тюркоязычных авторов, писавших на этот сюжет, в частности, турецких: Хамди Челеби, Ликай, Бехишти и др., среднеазиатских и хорасанских: Ходжа Максуд Гулистани, Бадри Бухаран, Назим-и Хирави и др. В XVIII веке сюжет о Юсуфе лег в основу высокохудожественного сочинения туркменского поэта Андалиба. Туркменский исследователь Гельди Назаров составил любопытный реестр имен поэтов, писавших о Юсуфе³. Хотя этот список далеко неполный, однако в нем названы имена 117 арабо-персо-тюркоязычных поэтов с X по XX век. Среди них 45 тюркоязычных поэтов, что свидетельствует о широкой популярности этой темы среди тюрков. К сожалению, большинство из этих тюркоязычных авторов остаются малоизвестными, а их сочинения еще ждут своих исследователей.

Данная статья посвящена двум тюркоязычным произведениям на сюжет о Юсуфе.

Первое из них — турецкая народная версия сюжета о Юсуфе, известная под названием «Юсуф иле Зилейха». Судя по названию, данному составителем этой версии, в ее основу лег один из вариантов «Кысас ал-анбия». С уверенностью можно утверждать лишь то, что составителем или сказителем этой народной версии, кроме текстов Корана и «Кысас ал-анбия», была знакома и библейская легенда об Иосифе Прекрасном. Об этом свидетельствуют отдельные детали повествования, которых нет в Коране. Характерной особенностью этой фольклорной версии является то, что в ней глубокую трактовку получила тема любви. Зулейхи к рабу из Ханаана. Это находится в соответствии со стилем и содержанием любовно-приключенческих народных повестей (*halk hikayeleri*), получивших широкое распространение в Турции начиная с XVII века. Композиция произведения характеризуется чередованием прозы и поэзии. При этом поэтическая часть состоит из четверостиший, по форме соответствующих принятой в тюркоязычной народной поэзии системе рифмовки: первое четверостишие рифмуется *a b a b* или *a b c b*, последующие четверостишия — *a a a b*.

Проза написана в стиле современной народной речи с присущими ей фразеологизмами, аллегоричностью, легкой иронией и т. п. Когда братья Юсуфа вручают своему отцу рубашку брата и заявляют, что Юсуфа съел волк, отец с иронией говорит: — *Yazıklar olsun size... dedi. Kurtlar kadar olmanızın. Dağda gezen kurt sizden merhametli imiş. Çünkü Yusufu parçaladığı halde gömleğine dış geçirmemiş⁴* 'Жаль мне вас! Волки оказались умнее вас! Обитавшие в горах волки оказались великодушнее вас. Разорвав Юсуфа на куски, не тронули его рубашки'.

Вот еще один образец стиля народной повести—описание Зулейхи, данное сказителем: *Mısır hazine-darının genç, güzel bir karısı vardı. Zileyha diye anılırdı. Zileyha, namuslu bir kadındı, kocasına bağlı idi. Fakat Yusufun güzelliği karşısında, akli yavaş yavaş celindi* 'У египетского казначея была молодая, красивая жена. Ее звали Зулейха. Зулейха была честной женщиной, она была предана мужу, но перед красотой Юсуфа постепенно теряла разум'.

Таким простым, доступным стилем написана вся книга. В ней много характерных для фольклорной литературы диалогов. Внесены изменения и в само развитие популярного сюжета. Так, сказителю показа-

³ Нурмухаммет Андалиб. Юсуп—Зулейха (танкыты текст). Ашгабат, 1973 (предисловие).

⁴ «Yusuf ile Zileyha». Istanbul, 1959, стр. 116.

лось, с
ными.
и вино
нию в
Данны
с соо
тии та
сначал
выдае
детале
зеркал
ренной
ся, как
детали

В
по сюж
хожде
(«Родо
хан, ка
Бухару
состар
зы-тег
на уме
хану п
зы-тег
шар. Д
менем
ралась
лась н
зы-тег
ру, а з
ней. О
нена.

К
Абулга
он зап
На
ковари
с имен
вус же
же ма
бы то
рения
удае
знае
приним
рывает
помощ
зороас
мым с
этим с

⁵ А.
М.—Л.,
6

лось, очевидно, неубедительной причина расправы фараона с придворными. По народной турецкой версии, фараон бросил в темницу пекаря и виночерпия за то, что они якобы помышляли отравить его по наущению врага — византийца, специально для этого посланного в Египет. Данный эпизод, включенный в текст легенды, введен в сюжетную канву с соответствующей группой персонажей: подосланный из Византии тайный враг, его подручные, хозяйка жилища византийца, которая сначала помогает ему в осуществлении его гнусных замыслов, а затем выдает его и т. д. В турецкую народную повесть введен еще целый ряд деталей фольклорного характера. Например, Зулейха велит построить зеркальный дворец для приема Юсуфа, чтобы предстать перед ним озаренной, в лучах света. Турецкая народная повесть о Юсуфе завершается, как и в Библии, смертью героя. В ней отсутствуют некоторые другие детали из жизни Юсуфа, в частности, его женитьба на Зулейхе.

В Средней Азии была распространена еще одна легенда, близкая по сюжету к поэме «Юсуф и Зулейха». Эта легенда, огузская по происхождению, зафиксирована автором книги «Шаджара-и таракама» («Родословная туркмен») хивинским ханом XVII века Абулгази⁵. Бограхан, как правитель, превзошел всех своих предшественников, завоевав Бухару, Самарканд, Хорезм. Много лет он благополучно царствовал, а состарившись, передал царство среднему из трех своих сыновей — Кузы-тегину, и сам удалился на покой. Через некоторое время у Бограхана умерла жена. Немного спустя, сын сказал ему: «Беки говорят, что хану приличествует стать мужем» и сколько хан не противился, Кузы-тегин все же женил его на красавице Коркели-йахши из племени авшар. Девушка лелеяла втайне надежду, что молодой правитель со временем приблизит ее к себе. Став женой старого хана, она всячески старалась завлечь молодого правителя. Но, не преуспев в этом, она решилась на коварство: велела одному из слуг ночью выкрасть сапоги Кузы-тегина и проложить ими по снегу следы от своих покоев к его шатру, а затем подняла шум, обвинив правителя в совершении насилия над ней. Однако коварная женщина вскоре была изобличена во лжи и казнена.

К сожалению, еще не удалось установить источник, использованный Абулгази, но чрезвычайно важно замечание автора о том, что свой труд он записал со слов туркменских старейшин и знатоков старины.

На территории Средней Азии имела хождение еще одна легенда о коварной мачехе. Этот сюжет входит в «Шахнаме» Фирдоуси и связан с именем Сиявуша⁶. Согласно этой легенде шах древнего Ирана Кейкавус женится на девушке Судабе. Эта молодая мачеха (у Абулгази также мачеха) была поражена красотой своего пасынка и решила во что бы то ни стало добиться его расположения. Но Сиявуш на все ее ухищрения увлечь его, отвечал лишь сыновним почтением. Наконец, Судабе удается заманить молодого человека в свою опочивальню, где сна признается ему в любви. Отказ Сиявуша ответить на ее чувство она воспринимает как оскорбление и решает жестоко отомстить ему. Она разрывает на себе платье (ср. с рубашкой Юсуфа) и громко призывает на помощь, восклицая, что Сиявуш пытался обесчестить ее. По верованиям зороастрийцев, осужденный мог оправдать себя, лишь пройдя невредимым сквозь огонь. Сиявуш проходит сквозь огонь невредимым, доказав этим свою невиновность. Более того, он проявляет редкое великодушие,

⁵ А. Н. Кононов. «Родословная туркмен». Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М.—Л., 1958, стр. 62 и сл.

⁶ Шахнаме Фирдоуси, متن انتقادی، جلد ۳، مسکو ۱۹۶۵

прося своего отца простить Судабе ее коварство и не предавать ее заслуженной казни.

Сюжет иранской легенды имел широкое хождение в Средней Азии, в частности в районе Бухары, где в X веке обитали огузы. Он, как легенда, зафиксирован в XI веке знаменитым везиром туркмено-огузской династии Сельджукидов Низам аль-мульком в его политическом трактате «Сиясат-наме»⁷. Иранская легенда во многом схожа с приведенной выше огузской легендой: старый правитель и его молодая жена, страсть царицы к своему пасынку, отказ молодого человека от преступной любви, месть разъяренной женщины, ее разоблачение и т. д.

С другой стороны, приведенный эпизод из «биографии» древнеиранского богатыря Сиявуша имеет много общего с легендой о Юсуфе и Зулейхе. Одна из ранних версий библейско-коранической легенды об Иосифе—Юсуфе приписывается Фирдоуси. Однако если даже дастан «Юсуф и Зулейха» принадлежал знаменитому поэту, то между легендой о Сиявуше и дастаном имеются большие расхождения; общее здесь лишь настойчивость коварной женщины и непреклонность молодого мужчины. В остальном много расхождений: в «Юсуфе и Зулейхе» герой — раб, в сказании о Сиявуше, как и в огузской легенде, это богатырь и сын правителя. Совершенно различны причины и методы, к которым прибегают для осуществления своих замыслов Зулейха, Коркели-йяхши и Судабе, а также поведение этих героинь после провала их попыток достичь своих целей. Судабе и Коркели-йяхши озлобляются, не встретив взаимности. Зулейха же продолжает любить Юсуфа. Различны и их характеры. Зулейха остается верной своему чувству. Состарившись и ослепнув, она, как нечто бесценное для нее, собирает все сведения, касающиеся Юсуфа. Ее страсть столь пламенна, что от ее дыхания вспыхивает кнут Юсуфа. У Судабе и Коркели-йяхши страстная любовь переходит в лютую ненависть. Важные расхождения имеются и в мотивах поведения героев. В «Юсуфе и Зулейхе» твердость и непреклонность героя проистекают из его личных добродетелей. В легендах о Сиявуше и Кузы-тегине поведение героев обусловлено их патриархальными взглядами и верностью сыновнему долгу.

Мотив любви замужней женщины к юноше (пасынку, брату, племяннику, рабу мужа) дошел до нас в древнеиранской повести «Вис и Рамин», в древнеегипетском рассказе «Два брата», в древнегреческом мифе об Ипполите, в библейско-коранической легенде об Иосифе—Юсуфе, в русских былинах и др. Это дает основание считать приведенные выше ирано-огузские легенды явлением типологическим. Однако локализация легенд в одном ареале, тесные взаимосвязи ранних огузов с иранским населением Средней Азии, а также точные совпадения отдельных деталей легенд не исключают возможности влияния древнеиранской легенды на формирование огузской. Можно выдвинуть еще одну гипотезу. Огузы, расселенные на огромной территории от Центральной и Средней Азии до поймы Волги, а затем на Кавказе, в Иране и на Балканах, могли быть знакомы с сюжетом о Юсуфе по произведениям ранних тюркоязычных поэтов, таких, как Кул Али, Шайят Хамза, Сули Факих, Дурбек и других, и использовали его. Эта проблема нуждается в дальнейшем исследовании.

⁷ «Сиясат-наме. Книга о правлении везира XI столетия Низам аль-мулька». М.—Л., 1949.

О Н О М А С Т И К А

С. К. КАРАЕВ

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ТОПОНИМЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Процесс этногенеза народов Средней Азии весьма сложен, ибо в нем последовательно принимали участие многочисленные этнические общности, принадлежавшие к разным языковым семьям. «На заре истории, еще в эпоху первобытнообщинного строя, здесь были распространены языки, относящиеся к одной из древнейших доиндоевропейских семей. Во II тысячелетии до н. э. (или, по крайней мере, с начала I тысячелетия) в Средней Азии распространяются языки иранской группы, восточноиранской подгруппы, к которым относились и языки таких народов древности, как саки, массагеты, хорезмийцы, согдийцы, бактрийцы и др.»¹.

Все эти древние народы, участвовавшие в этногенезе народов региона, оставили свои следы в его исторической топонимии. Поэтому древнейшими топонимическими образованиями являются иранские (доиранские топонимы пока не установлены).

Однако основная часть нынешних топонимов Средней Азии образована из тюркских элементов. «Та масса тюркских названий, которую мы находим по всему вилайету (Самаркандскому. — С. К.) ныне, обязана своим происхождением главным образом последнему столетию»².

В. А. Шишкин о появлении тюркских географических наименований писал: «Анализ населенных пунктов и местностей (Бухарского оазиса. — С. К.), упоминаемых в вакуфных и иных документах, показывает, что тюркоязычные названия (каналы Кара-арык, Кушчи, селения Ямгур, Карабаг, Каракуль, местность Ак-тепе) нередко встречаются в XVI веке»³.

Эти выводы основаны на изучении авторами географических названий Зерафшанской долины, подвергшейся тюркизации позднее других областей края. Но и в этом регионе географические названия тюркского происхождения существовали еще до монгольского нашествия⁴. В. В. Бартольд в связи с событиями начала VIII века высказался вполне определенно относительно появления тюркских топонимов: «Озеро... уже тогда носило название Кара-куль, из чего можно вывести заключение, что даже (выделено нами. — С. К.) в Бухарской области... уже тогда был некоторый турецкий (то есть тюркский. — С. К.) элемент»⁵. При этом В. В. Бартольд утверждал, что название реки Урал (Яик), отмеченное у Птолемея и Менандра в форме Даикс, «может считаться древнейшим хронологически установленным турецким словом»⁶.

В связи с этим немаловажное значение имеет установление языковой принадлежности древнейшего названия реки Амударья. Ее антич-

ное название, встречающееся в греческих источниках в форме *Окс* или *Оксус*, некоторые ученые считают древнетюркским топонимом: *Огуз* или *Окуз* 'река'⁷.

Махмуд Кашгари в своем «Диване» писал: «Окуз — это название таких (крупных) рек, как Джейхун, Евфрат... В стране тюрков несколько других рек также наречены этим именем» («Диван», т. I, стр. 91).

Таким образом, тюркское слово *okuz* и арабское *zeihun* означают одно и то же; у арабов «большая река называется *джейхуном*, хотя (слово) Джейхун собственно есть название той большой реки, которая течет мимо Термеза и впадает в Дженское озеро»⁸.

Слово *okuz* широко представлено в топонимах; в форме *узбой* (*okuz+boj*—'поречье') оно означает сухие русла, мертвые долины в пустынях Средней Азии. Древнейшая долина, протянувшаяся от Сарыкамышской впадины до Каспийского моря, и по сей день называется *Узбой* (по этому руслу когда-то текли к Каспию воды Амударьи). В составе гидронимов *Кок-озек*, *Сары-озек* ясно прослеживается компонент *окуз+ак* ('малая река', 'речка'), что точно определяет характер объекта: как правило, такие названия носят малые реки.

Геродот приводит легенду, повествующую о том, что три сына Таргитая жили в горах Алтунтаг, кочевали на яйлах в области Мастаг. В связи с этим казахский топонимист А. Абдрахманов писал: «Здесь топонимы Алтунтаг и Мастаг не вызывают никакого сомнения в том, что они являются тюркскими словами: *алтын* — 'золото', *муз* — 'лед', *таг* или *тау* — 'гора'. Топоним Мустаг поныне сохранился в названии горы Алма-Атинской области»⁹.

Все эти примеры (названия *Окуз*, *Алтантаг*, *Мастаг*) позволяют, на наш взгляд, предположить, что первые тюркские слова появились на данной территории в еще более древнюю эпоху.

Другим древнетюркским топонимическим термином является слово *арт* со значением «нагорье, гора, горный перевал». Как писал В. В. Бартольд, это тюркское слово в рукописи Туманского (X в.) постоянно прибавляется к названиям горных цепей Средней Азии¹⁰. И действительно, этот термин в «Худуд ал-аламе» несколько раз повторяется в составе географических названий края: *Аграчарт* (*Аргачарт*), *Тангазарт*¹¹ и т. д. На современной карте Киргизии можно найти десятки оронимов с этим компонентом: *Агач-арт*, *Алык-арт*, *Ак-арт*, *Балыг-арт*, *Катын-арт*, *Кок-арт*, *Корук-арт*, *Кызыл-арт*, *Торук-арт* и т. д. В киргизском языке это слово «сохранилось только в географических названиях»¹², а в устной речи не употребляется, что свидетельствует о древнем происхождении подобных топонимов.

Появление топонимов любой языковой принадлежности вне связи с носителями языка представить себе невозможно. «Проникновение на территорию Средней Азии тюркской речи связано с грандиозными передвижениями кочевых племен Северо-Восточной и Центральной Азии, начавшимися около рубежа, н. э. и продолжавшимися, то ослабевая, то вновь усиливаясь, на протяжении ряда последующих веков. Какая-то часть этих племен, в том числе и племена тюркоязычные, в ходе своих набегов и переселений оставалась на территории Средней Азии. Особенно увеличивается количество тюркоязычного населения Средней Азии начиная со второй половины VI века н. э., когда отряды тюркского каганата захватили после разгрома эфталитов власть на территории Среднеазиатского междуречья. С этого времени тюркоязычные племена играют все более заметную роль в процессах этно- и глоттогенеза Средней Азии... А. Н. Бернштам относил начало этого процесса на территории Ферганы

к VII
ранне
И
ней А
Наиб
кануг
тюрки
Темир
древн
или
С. Е.
Желе
В
Темур
перео
Это п
витель
Темир
Амир
на юг
2) мн
вания
тинск
дом к
нятен
нима.
Т
ках. Т
VIII
Н
зафик
«Худ
други
П
ритор
Это Х
ный Т
ющие
киста
ч
риваю
XIII
встр
эпохи
Д
мене
стать
В иде
чески
Смир
топон
пятен
тила
канда

к VII в. н. э., Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский — к несколько более раннему времени (VI—VII вв.)»¹³.

Именно к этому периоду относятся географические названия Средней Азии, встречающиеся в древнетюркских рунических памятниках. Наиболее часто упоминаются два топонима — *Йенчу-огуз* и *Темир-капуг*. Так, например, в памятнике в честь Кюльтегина говорится, что тюрки, переправляясь через реку Йенчу, прошли с войском вплоть до Темир-капуга. Ныне установлено, что *Йенчу* или *Йенчу-огуз* является древнетюркским названием реки Сырдарьи со значением «Жемчужная» или же «Река истинного жемчуга» (И. Маркварт, В. В. Бартольд, С. Е. Малов, С. Г. Кляшторный), а *Темир-капуг* — это нынешнее ущелье Железные ворота в Сурхандарьинской области.

В связи с этим правомерно предположить, что название ущелья *Темирлановы* (Тамерлановы) ворота около города Джизака является переосмыслением древнетюркского наименования ущелья *Темир-капуг*. Это предположение основано на следующем: 1) если бы ущелье действительно носило имя Тамерлана (Тимура), то оно называлось бы Амир Темир (дараси), ибо Тимур среди местного населения был известен как Амир Темир. Здесь можно вспомнить знаменитую пещеру *Амир Темир* на юге Узбекистана, канал *Эски Амир Темир* (Бухарская область) и др.; 2) многие горные проходы, узкие ущелья в различных местах носят названия, в переводе означающие «железные ворота». Например, в Нура-тинском районе Самаркандской области ущелье (и расположенный рядом кишлак) называется *Темир-кабук*, второй компонент которого непонятен местным жителям, что говорит о древнем происхождении топонима.

Тюркские названия отмечены и в согдийских письменных памятниках. Так, например, в согдийских документах с горы Муг (начало VIII в.) упомянуты тюркские названия: *Алмалык*, *Сары* и т. д.¹⁴.

Наибольшее число древнетюркских географических наименований зафиксировано в «Диване» Махмуда Кашгари, в анонимном источнике «Худуд ал-'алам», у арабоязычных географов, в сочинениях Бируни и других авторов.

По особенностям распространения древнетюркских топонимов территория Средней Азии может быть разделена на несколько регионов. Это Хорезм, Уструшана, Фергана, Шашско-Илакская долина, Центральный Тянь-Шань и Северная Киргизия, Южный Казахстан, соответствующие территориям среднеазиатских республик — Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, Киргизии, а также южной части Казахстана.

Что касается хронологических рамок, то в данной статье рассматриваются названия, упоминаемые, начиная с античных времен до XIII века. В виде исключения в число примеров включен ряд топонимов, встречающихся в памятниках послемонгольской или среднетюркской эпохи.

Древнетюркские названия каждого из этих регионов более или менее подробно охарактеризованы в словарной части. Разумеется, в статье охвачены не все тюркские топонимы древнего происхождения. В идентификации, интерпретации и этимологизации древних географических наименований еще много спорного, неясного. Например, О. И. Смирнова, восстанавливая на основании мугских документов основную топонимию Зерафшана и тем самым ликвидировав одно из «белых» пятен на карте раннесредневековой Средней Азии, в свое время отметила почти полное отсутствие тюркского пласта... для районов Самарканда. Это явление она считала закономерным, ибо «районы верховий

Зерафшана до настоящего времени почти не подвергались влиянию тюркоязычных народов»¹⁵. Позже М. Н. Боголюбову и О. И. Смирновой удалось в мугских документах обнаружить тюркские топонимы этого региона: *Алмалык* — 'Яблочный', *Сары* — 'Желтый'. Специалист по ягнобскому языку А. Л. Хромов отмечает наличие тюркских топонимов даже в центре Ягноба, родины новосогдийского (ягнобского) языка. По его наблюдению, «тюркские топонимы в незначительном количестве разбросаны по всему верхнему Зерафшану и Ягнобу»¹⁶.

В Хорезме, помимо топонимов *Джумуртау*, *Карасу (Су-Кара)*, *Мангышлак*, *Окуз* и *Яр*, заслуживающим внимания является древнетюркское название озера *Сарыкамыш*, упомянутое Бируни в форме *Хыз-тенгизи* 'Девичье море'¹⁷.

В истории Тимура Шейбани-хана, в сочинении Абулгази Бахадир-хана встречается немало географических названий края: *Адак* ('низовье', 'устье'), *Гёрледи* ('шум'), *Кара-тенгиз* ('Черное море' — Сарыкамыш), *Терсек* или *Дирсек* ('излучина'), *Эри-яр* ('кривой овраг'), *Эски-угуз* ('старый проток') и т. д., которые, вероятно, существовали еще в древности.

Каждый из названных выше регионов по-своему богат древнетюркскими топонимами. Например, в Илаке уже в X веке были распространены тюркские топонимические названия, ибо там тогда уже обитали тюрки¹⁸.

Большое количество древнетюркских географических названий зафиксировано в Ферганской долине. Здесь, кроме таких топонимов, как *Ала*, *Арык-Торук*, *Карайалга*, *Кува* и т. д., упоминаемых в письменных источниках конца I и начала II тысячелетия н. э., встречается немало названий, смысл которых раскрывается только при привлечении лексического материала древнетюркского языка: *Ак-Богуз* — ущелье, проход или ложбина с белыми камнями; *Жылкол* — родниковая долина; *Кок-Янгак* — горный изгиб; *Татыр* — солончак; *Торук* — стоянка, пастбище; *Яссы* — степь, равнина и т. д.¹⁹.

Относительно происхождения древнетюркских названий Северной Киргизии А. Бернштам писал: «Тюркская кочевая среда явилась причиной тому, что городища в основном носят тюркские имена»²⁰.

Названия тюркских народов и племен также издавна находили отражение в топонимии. Например, в «Диване» Махмуда Кашгари упомянуто название огузского племени *афшар* (у Рашидаддина и Абулгази Хивинского зафиксировано в форме *авшар*). В связи с этим заслуживает внимания встречающееся у арабского географа Мукаддиси название большого селения *Аушар (Авшар)* на границе с владениями тюрков (близ Бухары)²¹. Встречающееся в Хазараспском районе Хорезмской области название *Авшар* тоже, на наш взгляд, восходит к этому этнониму.

Возможно, происхождение названия тюркского города *Барсган* на берегу Иссык-Куля (родины Махмуда Кашгари) связано с этнонимом *барсган*, отмеченным Махмудом Кашгари, хотя сам великий лингвист связывает его с именем Барсгана, сына легендарного родоначальника тюрков²².

Название одного из известных тюркских городов *Булгар* («Девон», т. I, стр. 425), по нашему мнению, происходит от одноименного этнонима, упомянутого в «Девоне» (т. I, стр. 66), а название города *Ягма* восходит к одноименному тюркскому этнониму («Девон», т. I, с. 66).

Река *Ябаку*, берущая начало в Кашгарских горах и текущая в Узгенд и Фергану («Девон», т. III, с. 43), скорее всего названа по имени

тюркского племени («Девон», т. I, с. 66), название города *Кенджексен-гир* близ Тараза (ныне г. Джамбул Казахской ССР) также восходит к тюркскому этнониму *кенджек* (*сенгир* 'выступ горы') («Девон», т. I, с. 444). Слово *тюрк* закреплено в названиях ряда мест: топоним *Туркестан* как 'Страна тюрок' встречается в источниках, начиная с VII века. Анонимный автор X века Фергану называет воротами Туркестана²³; одно из древнейших названий Чирчика переводится как «Тюркская река» или «Река тюрок», даже «Река Туркестана».

Конечно, любое географическое название существует не только с момента фиксации его в исторических источниках. Сотни, а может быть, и тысячи лет до этого оно могло функционировать в устной речи. Древнетюркские названия — не исключение: они существовали задолго до того, как были зафиксированы в письменных источниках, к тому же не все древние топонимы попали в них. «Когда мы изучаем топонимию какого-либо района, мы часто игнорируем фактор времени, ее возраст. Он же может быть весьма различным. Обычно оперируют историческим периодом — несколькими тысячелетиями. Между тем человек живет, трудится и говорит по крайней мере миллион лет, а по археологическим данным, даже более двух миллионов лет... Формирование топонимического субстрата в южных широтах северного полушария, не испытавших оледенения, происходило последовательно многие десятки и даже сотни тысяч лет»²⁴.

Древность происхождения топонимов восстанавливается путем грамматического анализа. В Хорезме и Туркмении встречается топоним *Адак*. Древнетюркское слово *адак* (современная форма *аяк*) — 'нога' применительно к водным источникам означало 'низовье', 'устье'.

В Джизакской области существует селение *Ахтахана*. В современном узбекском и некоторых тюркских языках *ахта* (*акта*) — кастрированный, холощеный; *ахта ат* — мерин. В древнетюркском и персидском языках *ахта* 'конь', *ахтахана* — 'конюшня'²⁵.

Часть пустыни Кызылкум (Бухарская область) называется *Ичкилликкум*. В современных тюркских языках *ичкилик* — спиртной напиток, пьянство. В составе этого топонима *ичкилик* означает «даль», «глубь»; *Ичкилликкум* 'Дальние пески', 'Пески, находящиеся в глубине'; в таком значении это слово ныне не употребляется.

Встречающиеся в Таджикистане, Узбекистане древние топонимы *Мык*, *Мыктепа* и другие восходят к слову *муг-маг* 'зороастриец', 'огнепоклонник'.

Слово *кол* со значением «река», «долина», «рукав» в Средней Азии образует в основном гидронимы: *Алтыкол*, *Каракол*, *Кенгкол*, *Музкол*, *Нарынкол*, *Сарыкол* и т. д. Это слово самостоятельно не употребляется, а встречается лишь в географических названиях²⁶, что свидетельствует об их древности.

Широко представленные в Средней Азии топонимы с компонентом *кашка*: *Кашкабулак*, *Кашкадарья*, *Кашкасай*, *Кашкасу*, *Кашкакум*, *Еттикашка* и т. д. являются древнетюркскими. Слово *кашка* в составе этих географических названий употреблено в своих древних значениях: «чистый», «прозрачный», «предводитель» и т. п., ныне почти забытых.

Древнейшими являются многочисленные тюркские топонимы с цветовой символикой: *ак* 'белый', *кара* 'черный', *кызыл* 'красный', *сары* 'желтый', *кук* 'синий' и т. д., топонимические значения которых пока еще окончательно не раскрыты.

В Бухарской области одно из селений носит название *Соксок*. Это древняя форма слова «саксаул». Пустынный кустарник под таким назва-

нием упомянут в «Диване» Махмуда Кашгари, в произведениях Алишера Навои, сочинениях хивинского историка Муниса.

При изучении этногенеза народов обычно привлекаются различные источники исторического и археологического характера. Однако для этого не всегда используются данные топонимии. Между тем именно топонимика дает богатейший материал об изменениях в этническом составе населения. В полной мере это относится и к древнетюркским топонимам Средней Азии. Ниже приводятся встречающиеся в исторических источниках древнетюркские географические названия.

Ала — пастбище вблизи Ферганской долины («Девон», т. I, с. 110). *Ала* 'пестрый'. Напрашивается вывод, что *Ала* Махмуда Кашгари это *Алай*, *Алайская долина* Киргизской ССР. Позднее эта долина сгала известна под современным названием *Алай*.

Алайыгач — название местности вблизи границы («Девон», т. I, стр. 110). В «Древнетюркском словаре» этому названию дается другое объяснение: «Название местности около Сыныра» (ДТС, с. 33). *Ала* — 'пестрый', *jıyaç* 'дерево, лес'.

Алмалык — селение, отмеченное еще в согдийских документах с горы Муг (VIII в.)²⁷. В средние века в Туркестане было несколько названий *Алмалык* 'яблочный'. О каком Алмалыке идет речь в этих согдийских документах — об известном Алмалыке на Сырдарье или об Усрушанском Алмалыке — предстоит еще выяснить.

Арук-торук — название возвышенности между Ферганой и Восточным Туркестаном («Девон», т. I, с. 96). Арук-турук 'худые и истощенные' (К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь, с. 73). По-видимому, местность получила такое название потому, что на такую высоту не могли подниматься истощенные животные.

Атбаш — древний город, известный у арабоязычных авторов с X века²⁸, «столица» Тянь-Шаня, находился «недалеко от границы между китайскими и русскими владениями»²⁹. Долина и река тоже назывались *Атбаш*. Как известно, в этих краях обитали тюркские племена *ягма*. Если одна из долин, населенная племенами *ягма*, называлась *Атбаш*, то, очевидно, писал А. Н. Бернштам, «в силу богатства племен лошадей»³⁰. *Атбаш* означает «лошадиная голова» или «главный — лошадь».

Атлук — город около Тараза, был одним из древнейших городов Средней Азии, упомянут арабскими географами и Махмудом Кашгари³¹. Переводчик «Дивана» Махмуда Кашгари С. Муталлибов отмечает, что в написании этого названия имеется неточность³². В «Древнетюркском словаре» название этого города дано в виде *itliq*³³. У арабских географов дана форма *atlaq*³⁴. В индексах к «Дивану лугат-ит-турк» приводится неправильное объяснение: *Атлук* — название города Тараз³⁵. А. Н. Бернштам считает, что *Атлык* находился на месте развалин Джуван-тюбе в 12 км от Тараза³⁶. Тюркское происхождение названия этого города не вызывает сомнений; на это указывают оба его компонента: аффикс *лык/лак* обозначает признак по предмету обладания. По данным Махмуда Кашгари, слово *атлук* на языке жителей Тараза означало «конюшня»³⁷. Если слово произносилось как *Атлах*, то и оно опять-таки связано с лошадью: *Атлах* — 'место, где изобилуют кони'. И все же предпочтение, на наш взгляд, следует отдать форме, приведенной Махмудом Кашгари, зная током тюркских наречий того времени.

Бакырлыг — местность вблизи Баласагуна («Девон», т. I, стр. 456). *Бакыр* 'медь', *Бакырлыг* 'медный', 'местность с залежами меди'.

Барсган — город на берегу Иссык-Куля («Девон», т. III, стр. 424). Видимо, здесь выступает патроним Барсхан; например, *арслан* 'лев' был

тотемом чигилей (Арсланхан), *богра* 'верблюд-производитель' — тотемом ягма (Бограхан), *барс* 'барс, леопард' — мог служить тотемом какого-нибудь другого тюркоязычного племени. Кроме того, у Махмуда Кашгари отмечен этноним *барсган*.

Барчук — город, построенный, по преданию, Афрасиябом («Девон», т. I, стр. 433). Город Барчук находился на месте нынешнего Маралбаши В. В. Бартольд. Сочинения, т. V, стр. 79, 206). (О местоположении Барчука см. также: Ч. Ч. Валиханов. Сочинения. СПб., 1904, ЗИРГО, по отделению этнографии, т. XXIX, с. 85). В названии города есть и тюркский уменьшительный аффикс *-чук* (ср. *бакачук* 'лягушонок' — «Девон», т. III, стр. 246).

Джабгукет — древний город, существовавший в средние века. Джабгукет, как говорится в «Худуд ал-'аламе», красивый город, где некогда был военный лагерь (*лашкаргах*) области Чач³⁸ (Шаш), находившийся в двух фарсах (12—14 км) выше столицы Чачской области г. Бинкета (Ташкента), то есть на северо-восток от него. По предположению В. В. Бартольда, этот город находился на месте бывшей Ниязбековской крепости³⁹. Происхождение его названия можно объяснить так: слово *джабгу* (*ябгу*) — древнетюркский титул со значением «государь» и вообще титул верховного правителя у западных тюрков⁴⁰.

Джадгал—Чаткал. Чаткал — река, главный приток р. Чирчика. Истахри (БГА, I, с. 334, 346), Ибн Хаукаль (БГА, II, с. 338, 392, 395, 396), Мукаддаси (БГА, III, с. 48, 262) упоминают название реки и округа *ǰidgil*. М. Е. Массон это же слово читает — *Чатгал*⁴¹. Слово *Чаткал* имеет несколько значений. М. С. Андреев указывает, что в дарвазском говоре таджикского языка *чаткал* 'береза'⁴². Однако многие источники свидетельствуют о том, что слово *чаткал* — тюркского происхождения. Например, Шейх Сулейман Бухари в своем чагатайско-османском словаре *чаткал* переводит как «пересеченная местность, ущелье»⁴³. В диалектах киргизского языка *чаткал* 'щепка'; в литературном киргизском языке — «впадина между двумя горами»⁴⁴. По нашему мнению, тюркское *чаткал* состоит из двух компонентов: *чат* и *кал*. По В. В. Радлову, *чат* — разветвление, рукав реки⁴⁵. В киргизском языке *чат* означает «пространство между реками перед их слиянием», «название части гор»⁴⁶.

Компонент *чат* очень часто повторяется на картах Киргизии: *Чат, Эски-Чат, Уч-Чат, Кара-Чат, Сары-Чат* и т. д. (на территории Киргизии имеется несколько хребтов, носящих названия *Чаткал*).

Труднее объяснить значение второго компонента — *кал*. Быть может, это какое-то древнее слово, вышедшее ныне из употребления, возможно также, что это *кол*, часто встречающийся в составе географических названий Средней Азии, компонент со значением «река».

Джуван — город, существовавший в средние века в Северной Киргизии. А. Н. Бернштам возводит это название к слову *джуван* — 'большой, огромный'⁴⁷. Однако принадлежность названия этого города тюркскому языку, на наш взгляд, сомнительна, тем более, что рядом находился город *Харран-Джуван*. Топонимы, оканчивающиеся на *дуван* (*джуван*) и *туван*, широко представлены в Зерафшанском оазисе: *Аур-дуван, Бузундуван, Гидждуван, Кахиштуван*; они, по-видимому, согдийские, ибо их ареал четко очерчен пределами Согдианы. Что касается топонимов *Джуван* и *Харран-Джуван*, то их тоже можно отнести к числу согдийских названий. Надо полагать, что эти города находились в составе согдийских колоний в Семиречье.

Джумуртау — горы-останцы в пустыне Кызылкум (Каракалпак-

ская АССР). В некоторых тюркских языках слово *джумур* означает «круглый». Каракалпакский топонимист А. Абдимуратов ороним *Джумуртау* толкует как «Круглые горы». Происхождение названия этих гор С. П. Толстов связывает с древнеиранским мифологическим героем Гав-Мардом (Кайюмарсом), ассоциирующимся с быком (*гав* 'бык', *мард* 'человек')⁴⁸. *Гавмард* в тюркские языки перешло в форме *джаумард*, *джумард* и в значении «щедрый» еще в начале второго тысячелетия н. э.⁴⁹.

Карайалга («Девон», т. III, стр. 40) — название местности (оврага) недалеко от Ферганы (тюрк. «Черная лощина»).

Карасенгир («Девон», т. III, с. 241) — название местности вблизи Барсгана (тюрк. «Черный мыс»).

Карачук — тюркское название города Фараб, упомянутое Махмудом Кашгари; на его карте отмечены еще горы *Карачук*. И. И. Умняков высказал предположение, что это, возможно, современные Мугоджарские горы⁵⁰. Другие ученые, в частности Х. Х. Хасанов, доказали, что горы *Карачук* — это современные Каратауские горы в Южном Казахстане⁵¹. В. В. Бартольд писал, что Каратау при монголах, тимуридах и узбеках (кочевых узбеках. — С. К.) именовались *Карачук*⁵².

Топоним Карачук состоит из прилагательного *кара* и диминутивного суффикса *чук*; а для современных топонимов характерен аффикс уменьшительности — *-ча*: Карача, Кукча, Сарыча и т. д.

Кочкарбаши. На карте Махмуда Кашгари между Барсганом и Баласагуном в горах указан город Каджангарбаши (по В. В. Бартольду, в печатном издании первый компонент везде — *кочинкад*)⁵³. В. В. Бартольд его читает как — *Кочкарбаши*, а В. Минорский — *Qochingar-bashi* и считает правильной форму *Qochgar-bashi*⁵⁴. И. И. Умняков⁵⁵ тоже транскрибирует его как *Коджункар-баши*, но в скобках указывает правильное написание (Кочкарбаши). Встречающийся в этом названии аффикс *-н* А. Н. Бернштам считал нехарактерным для тюркских языков, а название *Канджигар* (или Каджангар) — производным от киргизского глагола *каджан* 'свирепствовать, буйствовать'⁵⁶. Данный город упоминается в «Шахнаме». Фирдоуси и у Бируни, причем в обоих случаях написан без буквы «н»⁵⁷. Разной в написании этого названия отмечается и в древнетюркском языке: *qoçqar* и *goçngar* ('баран') — это разные формы одного и того же слова⁵⁸. В. Минорский локализует этот город в верховьях реки Чу⁵⁹, а А. Н. Бернштам — на реке Нарын⁶⁰.

Кулан — большое селение, или город, находившееся на месте современного поселка Луговое Джамбульской области (Казахская ССР). Название селения (города) связывают с наименованием дикой лошади, хотя это селение упоминается не как *Qulan*, а как *Kulan*⁶¹.

Известно, что дикая лошадь или дикий осел в тюркских языках Средней Азии произносится не *kulan*, а *qulan*. Средневековый город у арабских географов, а также в «Худуд ал-'аламе»⁶² упомянут как *كولان*. Однако для этого топонима можно привести параллели: *Куланак* и *Куланчук* ('Малый Кулан'), *Куланбаши* ('Куланья голова'), зафиксированные еще в XII—XIII веках в Северной Киргизии и Южном Казахстане. По всей вероятности, *qulan* → *kulan* — это результат процесса длительной эволюции тюркских языков (как, например, *Qašqar* со временем превратился в *Qašqar*), или диалектные варианты одного и того же слова (например, в казахском языке и диалектах узбекского языка старожилы называют не *qaruja*, а *karija*).

Мангышлак — полуостров на восточном берегу Каспийского моря. Впервые он упоминается у Махмуда Кашгари: «Мангышлак — назва-

ние мес
это наз
в X ве
бери и
зимово
восочет
на «Геог
няет наз
ногайск
Сар
Муг (V
наимено
ложенно
ская СС
Исто
нием, на
(IX в.)
рех фар
Сем
Самарка
Сид
баши⁷¹
нию, это
это совр
красивы
Сугн
с. 437).
столицей
XVII век
дествляе
«небольш
явно тюр
Суза
Самарка
жанской
области
шифровк
ским дан
имя брат
этноним
народов.
Су-К
столицы
кат-и На
упоминае
хиджры)
ется Су-
вода»⁷⁶.
Обра
можно об
дим иран
той черно
ниях Нав
ется в фор

ние местности в стране огузов». У арабских географов (Якут, Бекран) это название встречается начиная с XII века. Мангышлак был известен в X веке Истахри под своим иранским названием — Сияхкух⁶³. А. Вамбери и В. В. Бартольд⁶⁴ объясняют топоним Мангышлак как «тысяча зимовок». По мнению Г. Мусабаева, это название образовалось из словосочетания *манг-кышлак* «зимовье овец»⁶⁵. В. А. Никонов, основываясь на «Географическо-статистическом словаре Российской империи», объясняет название *Мангышлак* как «кышлак менков» (*менк* — название ногойского племени)⁶⁶.

Сары — местность, упомянутая в согдийских документах с горы Муг (VIII в.)⁶⁷. Исследователи этих источников сближают название с наименованием современного селения *Сарытаг* («желтая гора»), расположенного в Фанских горах, недалеко от озера Искандар-куль (Таджикская ССР)⁶⁸.

Исторически известен и другой пункт в Средней Азии с таким названием, например, в маршрутах арабских географов Ибн Хордадбега (IX в.) и Кудами (X в.) отмечено большое селение *Сары (таг)* в четырех фарсах от Баласагуна⁶⁹.

Семизкенд — по Махмуду Кашгари: тюркское название города *Самарканда* «жирный, большой город»⁷⁰ («Девон», т. I, с. 330).

Сидинкуль — название озера, расположенного вблизи *Кочнгар-баши*⁷¹. То же самое говорится и об озере *Сизинкуль*⁷². По нашему мнению, это одно и то же озеро. С. Умурзаков считает, что Сидинкуль — это современное озеро *Сонкуль* в горах Тянь-Шаня; *сонун* «хороший, красивый»⁷³.

Сугнак — название одного из огузских городов («Девон», т. I, с. 437). *Сугнак, Сыгнак, Саганак, Сунак-курган* уже в XII веке был столицей одного из кыпчакских ханств; существовал он как город и в XVII веке. В. В. Бартольд (Сочинения, т. II, ч. I, с. 560) этот город отождествляет с городом Сунах, упомянутым в «Худуд ал-'аламе» (246): «небольшой город в области Фараб (Отрар), очень богатый». Название явно тюркское, но этимология неизвестна.

Сузак — селения с таким названием есть в Булунгурском районе Самаркандской области, в Московском, Ходжаабадском районах Андижанской области, Нарынском районе Наманганской области, Ошской области Киргизской ССР и в Чимкентской области Казахской ССР. Расшифровка топонима представляет большой интерес. По этнографическим данным, собранным в Хорезмском оазисе Т. А. Жданко, *Сузак* — имя брата Казаха⁷⁴. Исходя из этого, можно предположить, что *сузак* — этноним не только у казахов, но и у узбеков, киргизов и других тюркских народов. В древнетюркском языке *сузак* «поселение»⁷⁵.

Су-Кара—Кара-су — канал, выведенный из Амударьи (к востоку от столицы Хорезма города Кята). У историка XIII века, автора «Табакат-и Насыри» («Насыровы таблицы») Минхадж-ад-дина Джуздани упоминается как Карасу. В сочинении Ибн ал-Асира (умер в 630 г. хиджры), написанном в самом начале XIII века, этот же канал называется *Су-Кара*, причем приводится также значение названия: «Черная вода»⁷⁶.

Образование столь нехарактерного для тюркских языков топонима можно объяснить, если вспомнить некоторые тюркские слова с присутствием иранским языкам порядком компонентов. *Қорабовур* «рябок степной чернобрюхий», в исторических памятниках, в частности, в сочинениях Навои, Бабура, а также в современном персидском языке встречается в форме *bayri qara*⁷⁷, то есть с характерной для иранских языков

формой изафета. Известны этнотопонимы *Қорамуйин* и *Бўйниқора* в одном и том же значении «с черной шеей». Лебяжий пух в узбекском литературном языке называется *парқу*: *пар* 'пух', 'перо', *қу* (*қув*) 'лебедь', а тюркский изафет предполагает обратное: *ку*[в]*пар*. Таким изафетом объясняется метатеза гидронима *Су-Кара* — *Кара-су*.

Тамга — залив озера Иссык-Куль и впадающая в него речка. Древнетюркское слово *тамга* 'рукав реки', а также место стоянки лодок⁷⁸.

Ташканд — название города Ташкента. По Махмуду Кашгари, *Ташкент* — «город, построенный из камня»⁷⁹. Он приводит и другие названия города: Таркан, Шаш. Бируни писал: «Шаш взято из названия этого города на тюркском языке, а именно Ташканд, т. е. „Каменное селение“, и точно так же в книге Птолемея „Джогграфия“ он называется „Каменной башней”»⁸⁰.

Турбат — кишлак в Ташлакском и Кувинском районах Ферганской области. В Чимкентской области Казахской ССР есть аул *Турбат*. Это слово арабского происхождения вошло в узбекский язык со значением «останки, земля, могила, гробница, усыпальница, мавзолей великих людей, место паломничества». Усыпальница Тимуридов в Самарканде Тур-и Эмир известна также под названием *Турбат-и Тимур*. Местности под названием Турбат (Турват) обычно считались святыми местами паломничества. Ц. Д. Номинханов считал *турбат* монгольским племенным названием⁸¹.

Хатункат — древний город в области Шаша, недалеко от его столицы г. Бинкета. Название города отмечено в «Худуд ал-'аламе»⁸², у арабских географов⁸³, в китайских источниках в тюркской форме: г. Катунь⁸⁴. Слово *хатун* (арабизированная форма) или *катун* в древнетюркском языке означало «госпожа», «ханша», а *Хатункет* — «город ханши».

Якалыг — один из древних городов Чуйской долины. Упоминается арабскими географами, в том числе Мукаддаси⁸⁵. Название, несомненно, тюркское, писал А. Н. Бернштам, и происходит от тюркского слова *яка* 'край, берег', и в том, и в другом значении этого слова название чрезвычайно подходит к местоположению города Кысмычи. Он действительно расположен на самом берегу реки (Таласа.—С. К.) и является крайним городищем согдийского и раннемусульманского типа⁸⁶. Название города арабской графикой написано в форме *يکالغ*, его можно понимать и как «одинокый», и как «единственный».

Перечень древних тюркских географических названий Средней Азии можно было бы продолжить. Например, мы считаем тюркским название селения Беклиг или Бекилиг, находившегося к северу от перевала Кастек. Беклиг упомянут в «Худуд ал-'аламе» (лист 186). Оба компонента этого названия (*бек-лиг*) явно тюркского происхождения. Анонимный автор приводит его согдийский вариант — Семекна. По некоторым данным, Биклиг—древнейшее название города Баласагуна⁸⁷.

Тюркским является и название селения Тон (Тонг), расположенного близ озера Иссык-Куль⁸⁸. В исторических сочинениях топоним известен в разных вариантах: *Дун*, *Тунк*, *Тон*. Название *Тон* сохранено в наименовании реки, притока озера Иссык-Куль. Кроме того, на западной оконечности Кунь-Луны имеются реки *Тон*, *Тондарья*, *Тонбадан*, *Киченетон*, а на Алае перевал *Тонмурун*, в бассейне реки Карадарьи — река и пик *Тонзоо* и др. *Тонг* в тюркских языках означает «мерзлый». На древнетюркском языке *тон* помимо этого еще и «вал, ограждение, лагерь, глина»⁸⁹.

Можно говорить, на наш взгляд, и о тюркском происхождении названия города Яр يار, находившегося на южном берегу Иссык-Куля (Яр—'яр', 'овраг'); здесь была столица джикильского владетеля. Яр известен с X—XI веков.

Если даже некоторые из приведенных древнетюркских топонимов среднеазиатского региона образованы из арабских, иранских или монгольских слов, то все равно они являются тюркскими, ибо вошли в состав географических названий уже как полноправные тюркские лексические единицы.

¹ Л. С. Толстова. Отголоски ранних этапов этногенеза народов Средней Азии в ее исторической ономастике.—«Ономастика Средней Азии», М., 1978, стр. 6.

² В. Л. Вяткин. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета.—СКСО, вып. VII, 1902, стр. 15.

³ В. И. Шишкин. Варахша. М., 1963, стр. 30.

⁴ В. В. Бартольд. Сочинения. Т. II, ч. I, М., 1963, стр. 253.

⁵ Там же, т. V. М., 1968, стр. 124.

⁶ Там же, стр. 38.

⁷ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 39—58; Я. Гулямов. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957, стр. 38; Э. М. Мурзаев. Очерки топонимики. М., 1974, стр. 195.

⁸ В. В. Бартольд. Сочинения. Т. III, М., 1965, стр. 72.

⁹ А. Абдрахманов. Вопросы топонимики Казахстана. — В сб.: «Топонимика Востока», М., 1962, стр. 49.

¹⁰ В. В. Бартольд. Сочинения. Т. VIII, М., 1973, стр. 47.

¹¹ «Худуд ал-'алам». Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930, лл. 6а, 9а, 17а, 17б.

¹² К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965, стр. 70.

¹³ Б. Г. Гафуров. Таджики. М., 1972, стр. 544.

¹⁴ «Согдийские документы с горы Муг», вып. III, Хозяйственные документы. М., 1962, стр. 101—107.

¹⁵ О. И. Смирнова. Вопросы исторической топографии и топонимики Верхнего Зерафшана. — «Труды СТАЭ», т. I, 1946—1947, МИА, № 151, стр. 65.

¹⁶ А. Л. Хромов. Очерки по топонимии и микротопонимии Таджикистана. Вып. I, Душанбе, 1975, стр. 20.

¹⁷ Бирюни. Геодезия. — «Избранные произведения», III, Ташкент, 1966, стр. 96.

¹⁸ М. Е. Массон. Ахангеран. Ташкент, 1953, стр. 40, 121.

¹⁹ К. Конкобаев. Топонимия Южной Киргизии. Фрунзе, 1980, стр. 125—243.

²⁰ А. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 85.

²¹ БГА, III, стр. 282.

²² Махмуд Кошгарий. Девон. Т. III, Ташкент, стр. 424.

²³ «Худуд ал-'алам», л. 23б.

²⁴ Э. М. Мурзаев. Очерки топонимики, М., 1974, стр. 121.

²⁵ Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I, стр. 17; И. Д. Ягелло. Персидско-русский словарь. Ташкент, 1910, стр. 38; «Узбекско-русский словарь», М., 1959, стр. 45 (с пометкой «устарелое»).

²⁶ К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь, стр. 398.

²⁷ «Согдийские документы», вып. III, стр. 101.

²⁸ Кудама, БГА, т. VI, стр. 208—209.

²⁹ В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане. — «Сочинения», т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 284.

³⁰ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.—Л., 1952 (МИА, № 26), стр. 116.

³¹ Махмуд Кошгарий. Девон, т. I, Ташкент, 1960, стр. 124.

³² Там же.

³³ «Древнетюркский словарь», Л., 1969, стр. 221.

³⁴ Ибн Хаукаль, БГА, II, стр. 390; Мукаддаси, БГА, III, стр. 48, 263, 175—276.

³⁵ «Девону лугот-ит-турк». Индекс, Ташкент, 1967, стр. 397.

³⁶ А. Н. Бернштам. Указ. раб., стр. 68.

³⁷ Махмуд Кошгарий. Девон, т. I, стр. 124.

- ³⁸ «Худуд ал-'алам», л. 246.
- ³⁹ В. В. Бартольд. Сочинения. Т. I, М., 1963, стр. 230.
- ⁴⁰ «Древнетюркский словарь», стр. 222.
- ⁴¹ М. Е. Массон. Ахангеран, стр. 32.
- ⁴² М. С. Андреев. Новые данные по установлению значения слова «Фергана». — «Сообщения Таджикского филиала АН СССР», вып. XXIV, Сталинабад, 1950, стр. 37.
- ⁴³ Х. Хасанов. Происхождение географических названий Средней Азии. Ташкент, 1965, стр. 56.
- ⁴⁴ К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь, стр. 851.
- ⁴⁵ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. III, 1893.
- ⁴⁶ К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь, стр. 851.
- ⁴⁷ А. Н. Бернштам. Археологический очерк, стр. 71.
- ⁴⁸ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 38.
- ⁴⁹ «Аттухфатуз закнйату фи-л-лугатит туркия». Ташкент, 1968, стр. 209.
- ⁵⁰ И. И. Умняков. Самая старая турецкая карта мира. — «Труды Самаркандского Государственного Педагогического Института им. Горького», т. I, вып. 1, 1940, стр. 131.
- ⁵¹ Х. Хасанов. Махмуд Кошғарий. Тошкент, 1963, стр. 52—54.
- ⁵² В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. — «Сочинения», т. III, М., 1965, стр. 226.
- ⁵³ В. В. Бартольд. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. — «Сочинения», т. V, М., 1968, стр. 75.
- ⁵⁴ «Худуд ал-'алам». Перевод В. Минорского, стр. 276.
- ⁵⁵ И. И. Умняков. Самая старая турецкая карта мира, стр. 131.
- ⁵⁶ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М. — Л., 1952, (МИА, 26), стр. 115.
- ⁵⁷ Х. Хасанов. Махмуд Кошғарий. Тошкент, 1963, стр. 49.
- ⁵⁸ Махмуд Кошғарий. Девон. Т. I, стр. 311; т. III, стр. 392; «Древнетюркский словарь», стр. 451.
- ⁵⁹ «Худуд ал-'алам». Перевод В. Минорского, стр. 276.
- ⁶⁰ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 115.
- ⁶¹ Мукаддаси, БГА, III, стр. 263, 275; Ибн Хордадбех, БГА, VI, стр. 28, 205, 206.
- ⁶² «Худуд ал-'алам». 1930, л. 176.
- ⁶³ Истахри, БГА, I, стр. 8, 190, 218, 219.
- ⁶⁴ В. В. Бартольд. Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 479—480.
- ⁶⁵ Ф. Мусабиев. Мангыстау сөзінің семантикасы—«Қазақ ССР Ғылым академиясының хабарлары», 1946, вып. 4/29, стр. 37—238.
- ⁶⁶ В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966, стр. 255.
- ⁶⁷ «Согдийские документы», вып. III, стр. 107.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Махмуд Кошғарий. Девон. Т. I, стр. 330.
- ⁷¹ Там же, т. III, стр. 380.
- ⁷² Там же, стр. 149.
- ⁷³ С. Умурзаков. Киргизские топонимические заметки. — «Известия АН СССР. Серия географическая», вып. IV, 1970, стр. 124.
- ⁷⁴ Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. — «Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг. Труды Хорезмской археологической и этнографической экспедиции». Т. I, М., 1952, стр. 485.
- ⁷⁵ «Древнетюркский словарь», стр. 509.
- ⁷⁶ В. В. Бартольд. Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 413.
- ⁷⁷ Б. В. Мюллер. Персидско-русский словарь. М., 1950, стр. 400.
- ⁷⁸ Махмуд Кошғарий. Девон. Т. I, стр. 400.
- ⁷⁹ Там же, стр. 414.
- ⁸⁰ Бируни. Избранные произведения, т. II, Ташкент, 1965, стр. 271.
- ⁸¹ Ц. Д. Номинханов. Монгольские элементы в этнонимике и топонимике УзССР. — «Записки (Калмыцкий НИИ языка, литературы и истории)», вып. 2, Элиста, 1962, стр. 273.
- ⁸² «Худуд ал-'алам», л. 246.
- ⁸³ Истахри, БГА, т. I, стр. 330; Ибн Хаукаль, БГА, т. II, стр. 386; Мукаддаси, БГА, т. III, стр. 48, 264.
- ⁸⁴ Н. Я. Бичурин. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I, М. — Л., 1950, стр. 288.
- ⁸⁵ Мукаддаси, БГА, III, стр. 48, 264.
- ⁸⁶ А. Н. Бернштам. Археологический очерк, стр. 84.
- ⁸⁷ Х. Хасанов. Махмуд Кошғарий. Тошкент, 1965, стр. 48.

⁸⁸ «Худуд ал-'алам», л. 18а.

⁸⁹ С. Умурзаков. Киргизские топонимические заметки, стр. 125.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БГА — Bibliotheca geographorum arabicorum (Библиотека арабских географов)
Edidit M. J. de Goeje, pars I—VIII, Lugduni Batavorum, 1870—1894.
Девон — Махмуд Кошгарий. Девону луғот-ит турк. Тошкент.
ЗИРГО — Записки Императорского Русского географического общества.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
СКСО — Справочная книжка Самаркандской области. Самарканд.
СТАЭ — Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция.
«Худуд ал-'алам». Перевод В. Минорского — Hudud al-'Alam. «The Regions of the World». Transl. and explained by V. Minorsky. London, 1937.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

П. И. КУЗНЕЦОВ

ГЛАГОЛ ТУР-(ТАР-) И ПОНУДИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ

Лингвистам известны две теории, трактующие этимологический состав словоформы в языках различных систем. Первая из них, разработанная более полутора веков тому назад Фр. Боппом и другими учеными, получила название теории агглютинации и сводится к тому, что суффиксы восходят к корням полноточных слов, срастающимся с корнем исходного слова¹.

Автором второй теории, которая может быть названа теорией фузионного сращения морфем, или просто фузионной теорией, является А. Н. Кононов. По его мнению, фузия, как способ сращения морфем, «уже сейчас дает основание покончить с утверждением: каждый аффикс агглютинативных языков происходит из некогда полноточных слов»².

Фузионная теория принята многими исследователями, однако некоторыми авторами она отвергается или ставится под сомнение³. Окончательная оценка обеих теорий является делом будущего. В настоящее время речь может идти лишь о выявлении слабых и сильных сторон этих теорий на конкретных примерах, а также о новых попытках этимологизации тех или иных морфологических показателей⁴.

Одним из «узких мест» этимологических исследований, ведущихся в русле фузионной теории, является широкое использование в них данных алтаистики, хотя убедительно идентифицировать «однобуквенные» морфемы двух языков, относящихся к разным семьям, почти никогда не удается. Не случайно многие авторы скептически оценивают полезность привлечения алтайских данных при решении вопроса об этимологии тюркских морфем. Например, А. М. Щербак считает, что «поиски алтайского пласта в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, если не отрицать вообще их целесообразности, логично вести лишь на уровне, предшествующем возникновению морфологии»⁵.

Фузионная теория не в состоянии также удовлетворительно объяснить факт постепенного уменьшения количества фонетических вариантов морфологических «комплексов» при движении от современности к прошлому.

Допустим, что сложный аффикс *-дық/-дик/-дук/-дүк; -тық...* восходит к морфемам *-о/-от* и *-к* и представляет собой имя на *-q* («точнее: глагольное прилагательное на *-q*») от вторичной глагольной основы на *-d-*, *-t-*⁶. Однако, не говоря уже о том, что «вторичная глагольная основа на *-d-*, *-t-*» является для тюркских языков абсолютной абстракцией, не ясно — и фузионная теория не объясняет этого, — почему «глагольному прилагательному» на *-қ* всегда предшествует в древних текстах губной

гласный (у или ү). Этот факт получит надлежащее разъяснение только в том случае, если мы предположим, что показатель прошедшего времени на -туқ/-түк/-дуқ/-дүк⁷ является простым и восходит к глаголю-корню түк(е) 'кончать(ся)', например: *kel+түк* (досл. 'приходить/пришел' + 'кончил(ось)') = *kel-түк* 'пришел'⁸.

Примеры такого рода далеко не единичны. Рассмотрим один из них, имеющий отношение к глаголу тур- 'стоять'.

Общеизвестно, что глагол тур- играет значительную роль в формировании морфологического «каркаса» тюркских языков, участвуя в образовании форм с: а) видовым («акциональным»), б) модальным, в) личным (3-е лицо) и, в отдельных случаях, г) временным значением⁹. В данном случае для нас особенно существенно то, что, как это явствует уже из заглавия статьи А. Н. Кононова, глагол-связка *турур* в процессе стяжения преобразуется в отдельных языках в однобуквенную морфему.

С другой стороны, есть основания полагать, что глагол тур-, как служебный, использовался не только в качестве глагола-связки или «модифицирующего» глагола в одном из названных выше значений. По-видимому, именно этот глагол лежит в основе одного из залоговых показателей — аффикса побудительного (повелительного) залога.

Правда, принято считать, что аффикс -*tur/-tür* является второбразным и «состоит из двух первообразных аффиксов — *-t/-d+^or*»¹⁰. Строго говоря, ни это положение, ни изложенное выше нельзя опровергнуть — для этого потребовались бы языковые факты гораздо более древние, чем те, которыми располагают тюркологи. Таким образом, за невозможностью доказательств не остается ничего, кроме попыток обоснования той или иной позиции. В этих целях обратим внимание на следующие моменты.

В языке древнетюркских памятников — а по существу и в современных тюркских языках — аффикс -*t* следует расценивать как алломорфу морфемы -*t(ур)* — он выступает в совершенно конкретных позициях: после двусложных а) гласных основ (например: *ары-т* 'чистить'¹¹, *йоры-т* 'приводить в движение'), б) основ на -*p* (*belgür-т* 'явить', *йашар-т* 'позеленить').

Что препятствует алломорфам -*тур/-түр* и -*р* следовать за гласными основами? Здесь можно усматривать либо «игру случая», либо предположить, что вариант -*t* представляет собой редуцированный аффикс -*тур*, причем редукция позволяет говорящему ровно на один слог экономить речевые усилия; ср.: *йоры-т-ур* 'он приводит в движение' и исходный, по-видимому, вариант **йоры-тур-ур* (>*йоры-т(ур)-ур*). В этой связи полезно напомнить (см. выше), что вспомогательный глагол тур- в видовом или временном значениях также имеет тенденцию к редукции согласных (исключая начальный *t*) в поствокальной позиции; ср.: каз. *жанады* 'горит' [*<жан-а-ту(р-ур)*].

Еще один заслуживающий внимания, по нашему мнению, факт сводится к тому, что в современных языках, в частности турецком, за двусложными основами на *л* также следует алломорф -*t* аффикса побудительного залога (например: *alış-t* 'понижать'), тогда как в древних памятниках в подобной ситуации выступает вариант -*тур* (например: *амрыл-тур* 'успокаивать'). Но в таком случае в современном (тур.) *уапıl-t* 'вводить в заблуждение' следует видеть древнее *йаңыл-тур* (см. ДТС, стр. 234) с апокопой конечных звуков аффикса.

Алломорф -*t* имеет еще вариацию с предшествующим гласным: -*o*. По-видимому, после того, как апокопированный вариант -*t* полностью

вытеснил из употребления исходный вариант морфемы (-*тур/-түр*) в поствокальной позиции, возникла тенденция к апокопе конечных звуков морфемы и в постконсонантной позиции, для чего между конечным согласным основы и аффиксальным -*т* должен был появиться опорный гласный, как, например: *ай-ыт-* (наряду с *ай-тур-*) 'дать говорить', *ақ-ыт-* (наряду с *ақ-тур-*) 'заставить течь', *чөк-йт*, а также *чөк-ят-* и *чөк-ит-* 'преклонять (колени)' (наряду с *чөк-түр-* 'заставить встать на колени') и т. д. Однако вариация -*т*, в отличие от -*т*, смогла только незначительно потеснить вариант -*тур/-түр*, но не поколебала его доминирующего положения в системе.

Выдержал «главный вариант» (-*тур/-түр*) также конкуренцию со стороны еще одной вариации аффикса — -*р* (< -(*т*)*ур*)¹², оказавшейся в предпочтительном положении при определенном стечении согласных (особенно глухих) на стыке глагольной основы и аффикса. Так, наряду с *арт-тур-* 'увеличивать' появился «упрощенный» вариант *арт-ур-*, наряду с *ич-түр-* 'напоить' — *ич-йр-* (ср. современное тур. *iç-ig-*), наряду с *кеч-түр-* 'переправить' — *кеч-йр-* [современное (тур.) *geç-ir-*], наряду с *чык-тур-* 'выгнать' — *чык-ар* и т. д. Однако чаще всего вариация -*р* (так же, как и -*т*) даже не возникала параллельно с вариантом -*тур/-түр*, что свидетельствует о его первичности и высокой устойчивости в постконсонантной позиции¹³.

Таким образом, наличие различных дублетных каузативных образований вряд ли «подтверждает... мнение об образовании аффикса -*т(г)р* путем сращения двух каузативных аффиксов: -(*г*)*т* + -(*г*)*р*»¹⁴. Неразъясненным остается в этом случае вопрос о том, почему объединение двух аффиксов приводит к обязательному появлению губного гласного (*у/ү*) между -*т* и -*р* в памятниках тюркской письменности [ср. приведенные выше: *чык-ар-*, но *чык-тур-*, *чөк-яр-* (и *чөк-йр-*), но *чөк-түр-*...].

Точно так же, если бы аффикс -*т* происходил от глагола *де-* 'сказать'¹⁵, при сращении аффиксов -*т(е)-*, -*д(е)-* и -*р-* доминировал бы — тем более в древних текстах — вариант с широким гласным (-*тер-*, -*дер-*; -*тар-*, -*дар-*), а не с узким губным, как это имеет место в действительности¹⁶.

Теория агглютинации не испытывает затруднений в ответе на поставленный выше вопрос, считая, что главный вариант морфемы побудительности в описываемый период был распространеннее всех других и продолжает быть весьма тесно связанным со своим этимологом — глаголом *тур-*.

Возможность передачи глаголом *тур-* 'стоять' побудительного значения представляется естественной, если принять во внимание, что и в современных языках глагол *тур-/дур-* имеет значение 'настаивать'¹⁷ (на чем-либо). Ср.: «üstünde (или üzerinde) durmak... б) 'настаивать'»¹⁸. Хотя ДТС не фиксирует значения «настаивать» у глагола *тур-*, следует думать, что такое значение вполне оправдано для этого глагола.

В пользу наличия связи между глаголом *тур-* и идеей побудительности косвенно свидетельствует, на наш взгляд, также то, что среди всех наиболее употребительных тюркских глаголов, кажется, только глагол *тур-* не имел в языке древних памятников формы побудительного залога в виде аффикса -*тур* или его вариаций (-*ур*, -*ут*), то есть аффиксов, образованных от самого же глагола *тур-*. Эта форма, образованная от названного глагола, выражалась только посредством аффикса -*гур* (*тур-гур-* 'заставить встать'), который генетически не связан с глаголом *тур-*¹⁹. Второобразная основа *тур-тур-* (*дур-дур-*), оче-

видно, возникла лишь тогда, когда не только языковеды, но и сами носители языка стали считать, что звуковое совпадение основы глагола тур-(дур-) и одного из вариантов аффикса побудительного залога — -дыр/-дир/-дур/-дӱр... — всего лишь чистая случайность. То, что в более древних текстах названный аффикс имел лишь два варианта (-тур/-тӱр), один из которых совпадает с корнем глагола тур-, по-видимому, также расценивается как случайность.

Итак, приведенные соображения дают основание полагать, что глаголосочетания типа *ал тур-ду (тур-ды) или *кет тур-ду первоначально означали (соответственно): «он (на)стоял: возьми» (досл. «возьми (на)стоял»), «он (на)стоял: уходи», откуда впоследствии залоговое значение побудительности: ал-тур-ду 'он вынудил взять', кет-тӱр-дӱ (>кет-ӱр-дӱ) 'он настоял на уходе/заставил (дал) уйти'.

* * *

Выше в качестве основной морфемы побудительного залога нами рассматривался аффикс -тур (и его производные). Но не древней ли вариант этого аффикса с широким гласным — -тар, продуктивный в чувашском и якутском языках^{20?}

Принципиально важно прежде всего то, что глагол со значением «стоять» имеет в чувашском языке сходное (с названным аффиксом) звучание: тӱр²¹. Поскольку такого рода совпадение едва ли может быть случайным, вопрос об относительной древности того или иного варианта аффикса -т(°)р сводится по существу к вопросу об исходном фонетическом облике глагола со значением «(на)стоять»: если исходным является узкий гласный корня (как в тюркских рунических памятниках [ТРП]: тур²²), то таковой же (-тур) была с самого начала и морфема каузативности; если же в этом глаголе первоначально был представлен широкий гласный (тар- или, может быть, тор²³), то соответствующий вариант каузативного аффикса является более древним. Впрочем, не исключено, что аффикс побудительного залога сложился позже того времени, когда носители чувашского языка (в то время — диалекта) территориально обособились от других представителей тюркоязычного мира. В таком случае оба варианта аффикса (-тар и -тур) могут считаться одинаково древними.

Вопрос о той или иной последовательности «дробления» глагола тур-/тар- 'стоять', безусловно, интересен. Для нас, однако, в данном случае наиболее существенно то, что обе разновидности этого глагола легли в основу соответствующих вариантов аффикса побудительного залога.

¹ См., в частности: С. Д. Кацнельсон. Лингвистическая типология. — «Вопросы языкознания», 1983, № 3, стр. 18.

² А. Н. Кононов. О фузии в тюркских языках. — В кн.: «Структура и история тюркских языков», М., 1971, стр. 115; см. также: *его же*. О природе тюркской агглютинации. — «Вопросы языкознания», 1976, № 4.

³ См.: Н. А. Баскаков. Механизм агглютинации и процессы грамматикализации самостоятельных слов в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1978, № 6; *его же*. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979, стр. 65 и сл.; А. М. Щербак. О способах и исторической глубине образования морфологических элементов в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1978, № 4, стр. 35 и др.

⁴ Необходимы и дальнейшие теоретические изыскания. Едва ли, например, на наш взгляд, можно видеть фузию в примерах типа *кӱ-л* 'приходить', *кӱ-т* 'уходить', *кӱ-з* 'гулять', *кӱ-ч* 'переходить', 'проходить' (см.: А. Н. Кононов. О фузии в тюркских языках, стр. 115). Это скорее примеры образования вторичного корня от первичного путем простого его удлинения за счет незначимого элемента (своего рода эпитеза). Сомни-

тельным представляется нам, чтобы к подобным примерам могли быть причислены «почти все трехфонеменные (С—Г—С) и двухфонеменные (Г—С) глагольные основы, в которых конечным согласным является *л, л, р, н, к, қ, т, з, с, г*» (там же); ср., например, такую серию глаголов: *қа-л-* 'оставаться', *қа-р-* 'смешивать', *қа-н-* 'исполняться', *қа-қ-* 'ударять', *қа-т-* 'присоединять', *қа-з-* 'рыть', *қа-ч-* 'убегать', где только первый элемент, и то не во всех случаях, может восприниматься как значимый (то есть как морфема) — см.: А. Т. Кайдаров, Е. З. Кажибеков. Гомогенные корни и их лексико-семантическое развитие. — «Советская тюркология», 1980, № 3, стр. 18.

⁵ А. М. Щербак. Последовательность морфем как предмет специального лингвистического исследования. — «Вопросы языкознания», 1983, № 3, стр. 43. См. также: Б. А. Серебрянников. Являются ли тюркско-монгольские параллели средством проникновения в глубины истории тюркских языков? — «Советская тюркология», 1980, № 6, стр. 30—31.

⁶ См.: А. Н. Кононов. О фузии в тюркских языках, стр. 119; Г. И. Рамstedt. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 139; см. также: А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980, стр. 124.

⁷ См.: «Divanü Lügat-it-Türk tercümesi». Çeviren Besim Atalay. Cilt 2. Ankara, 1940, стр. 61—62.

⁸ Подробнее об этом см.: П. И. Кузнецов. Возникновение и значения тюркских претеритов. — «Советская тюркология», 1981, № 5, стр. 12.

⁹ Подробнее об этом см.: А. Н. Кононов. Семантика и функции глагольной связки *tugur > turgu > -turgu-durgu > -turg-dur > -tu/-du > -t/-d*. — «Советская тюркология», 1980, № 5, стр. 3—13.

¹⁰ А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников..., стр. 181.

¹¹ Этот и последующие примеры взяты нами из «Древнетюркского словаря» (Л., 1969) с заменой латинской графики кириллицей.

¹² Первым, кто усмотрел в аффиксе *-ar* сокращенную форму аффикса *-tar*, был, по-видимому, О. Бетлингк (O. Böhltingk. Über die Sprache der Jakuten. St.-Pet., 1851, § 484), подтвердивший это предположение рядом примеров выпадения *t* в других случаях» (Л. Н. Харитонов. Залоговые формы глагола в якутском языке. М. — Л., 1963, стр. 51).

¹³ Едва ли можно согласиться с А. К. Хасеновой в том, что «в памятниках древнетюркской письменности преобладающее место занимают вариации *-ур, -ир* нежели *-дыр, -тир*» (А. К. Хасенова. Глагольные основы казахского языка. Автореф. докт. дисс. Алма-Ата, 1960, стр. 63). Вариант *-тур, -түр* (не *-дыр, -тир*!) фиксируется многократно [например: *қон-тур-* (КТб 2, 21) 'поселять', *ар-тур-* (КТм 6) 'дать прельстить', *ур-тур-* (КТм 12) 'велеть выбрать (надпись)', *бин-түр-* (Тон. 25) 'посадить верхом', *ағ-тур-* (Тон. 25) 'дать возможность подняться' и т. д.]. Вариант *-ур, -үр* (не *-ур, -ир*!) преобладает только в позиции после глухого согласного [т, ч, ш; например: *йит-үр-* (КТб 7) 'терять', *ерт-үр-* (КТб 40) 'проводить', *йон(а)ш-ур-* (КТб 6) 'настраивать (друг против друга)', *түш-үр-* (Тон. 27) 'остановить'], что легко объяснить чисто фонетическими причинами (см. выше). В других случаях обычно обнаруживаются дублеты, как то: *kel-үр-* (Тон. 17) и *kel-түр-* (Тон. 54) 'приводить'.

¹⁴ И. В. Кормушин. Категория каузативности в алтайских языках. Автореф. канд. дисс. Л., 1968, стр. 8. Впервые приведенная точка зрения была высказана А. Зайончковским (см.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 194).

¹⁵ См.: В. Котвич. Исследование по алтайским языкам... М., 1962, стр. 197; см. еще: А. К. Хасенова. О происхождении аффиксов понудительного залога. — В кн.: «Симпозиум по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Тезисы сообщений». М., 1967, стр. 34.

¹⁶ Гипотеза В. Банга: *-(и)т < -эт-* 'делать' (см.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 194; А. М. Щербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л., 1981, стр. 119) не может быть опровергнута, хотя также выглядит сомнительной (ввиду того, что в древних текстах вариант *-от-*, тем более *-(э)т-*, столь же редок, как и в современных языках); к тому же и эта гипотеза никак не объясняет лабиализованности гласного между *-т-* и *-р-* в тюркоязычных памятниках.

¹⁷ Интересно отметить, что русские глаголы *стоять* и *настаивать, настоять* — одного корня.

¹⁸ «Турецко-русский словарь», М., 1977, стр. 250.

¹⁹ Скорее всего он восходит к глаголу *қур-* в значении «устанавливать, задумывать», например: **(аны) тур қур-ды → тур-ғур-ды* 'он установил (задумал) [(для него)] 'встать (букв. встань)' → 'он (его) побудил встать'.

²⁰ См.: И. В. Кормушин. Каузативные формы глагола в алтайских языках. — В кн.: «Очерки сравнительной морфологии алтайских языков», Л., 1978, стр. 12. Не сле-

дует, впрочем, ставить знак равенства между чувашским и якутским каузативами: в чувашском языке аффикс *-тар* (*-дар*) не имеет губных вариантов, тогда как в якутском восемь из шестнадцати вариантов аффикса — губные (*-тор*, *-дор*, *-лор*, *-нор*, *-төр*, *-дөр*, *-лөр*, *-нөр*).

²¹ См.: «Русско-чувашский словарь». Под ред. И. А. Андреева и Н. П. Петрова. М., 1971, стр. 760.

²² Интересно, что так звучит этот глагол и в якутском языке (см.: «Русско-якутский словарь». Под ред. П. С. Афанасьева и Л. Н. Харитонова. М., 1968, стр. 621), хотя в аффиксе побудительного залога представлены широкие гласные. Здесь проявила себя характерная для данного языка особенность: все важнейшие морфемы, в которых в ТРП были представлены, как правило, лишь губные узкие гласные *у*, *ү* (см. их список в: А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв., стр. 67), в якутском языке (в отличие от большинства других) возникли варианты с широкими гласными (включая и губные). К их числу относятся: 1) деепричастие на *-(й)у*, *-(й)ү* (ТРП: *көрү* 'видя'; в якутском: *көрө*); 2) основа настоящего времени и соответствующее причастие (*көрүр* 'видящий'; в якутском: *көрөр*); 3) глагольное имя (имя действия) на *-тук*, *-дук* (*көрдүк*; в якутском: *көрдөх*) и, наконец, 4) побудительный залог (*кортүр* 'заставить видеть, показать'; в якутском: *көрдөр* или (ТРП): *өлүр* 'убивать'; в якутском: *өлөр*).

²³ Широкий губной гласный (*о*) при минимальных артикуляционных сдвигах мог естественным образом трансформироваться в узкий губной (*тур*-) в одних случаях и в широкий негубной (*тар*-) — в других.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Г. Ф. БЛАГОВА

ЛАЗАРЬ БУДАГОВ — ЛЕКСИКОГРАФ-ЭНЦИКЛОПЕДИСТ

Главным трудом жизни скромного преподавателя «татарского» (азербайджанского)¹ и турецкого языков факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, драгомана (переводчика) Азиатского департамента Министерства иностранных дел Лазаря Захаровича Будагова был его «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий». Первый, наиболее объемистый, том Словаря, содержащий лексический материал на буквы *алиф—фа*, вышел в свет в 1869 году; второй (на *каф—йай*) — в 1871 году². То обстоятельство, что Л. З. Будагов вышел в университет в отставку в 1870 году, видимо, по состоянию здоровья, могло помешать ему осуществить первоначальный замысел — «по окончании полного издания настоящего Словаря турецко-татарских наречий сделать подробный обзор и оценку всех источников», которыми автор пользовался при его составлении [ЛБ I, с. I].

Характеризуя Словарь Л. Будагова, А. Н. Кононов пишет, что сосредоточенный здесь богатейший материал (как собственно языковой, так и эстралингвистический) придает Словарю «черты, присущие толковым, этимологическим и, отчасти, энциклопедическим словарям» [ЛБ I, с. IV]. Сам же автор подчеркивал сугубо практическое предназначение своего Словаря, «а именно — соединение в один стройный свод материала научного с практическим, для доставления студентам Восточного факультета и лицам, изучающим азиатские наречия, такого руководства, которое могло бы служить пособием как при чтении литературных произведений, так и для разговора и письменных сношений с мусульманами» [ЛБ I, с. VI].

Выполнение этой нелегкой задачи и определило энциклопедичность Словаря, сделало необходимым снабдить издание краткими объяснениями мусульманских законов, народных обычаев, нравов, черт общественной жизни, то есть всего того, что нередко служит основанием и для самого употребления слова в том или ином значении. «Отступления эти

¹ Ниже применительно к материалам Словаря сохранена лингво-этнонимическая терминология, употреблявшаяся Л. Будаговым.

² С этого издания в 1960 году Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» (Москва) репродуцировала Словарь фотомеханическим способом в количестве 1500 экземпляров (далее в тексте—ЛБ I—II). Этому изданию предпослана вступительная статья А. Н. Кононова. См. также «Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период». Под редакцией и с введением А. Н. Кононова. М., 1974, стр. 130—131.

казались мне нелишними, — скромно добавляет автор, — если принять в соображение недоступность для всякого и разбросанность тех источников, на которые здесь указывается» [ЛБ I, с. VI].

С позиций практического предназначения «Сравнительного словаря турецко-татарских наречий» Л. Будагов объясняет и само это название: «тут сравнительно представляется группа наречий самых употребительных как для обучающихся, так и для чиновников, переводчиков и для торговых людей, входящих в сношение, каждый по своей части, с населенными, говорящими на этих наречиях в пределах ли русского государства или за границею» [ЛБ I, с. V]. Добавим, что охват тюркских языков и их диалектов в Словаре очень широк (см. «Сокращенные названия наречий и источников» — [ЛБ I, с. IX]) — от достаточно изученного османско-турецкого до малоизученных наречий сибирских татар или «татар Китайского Туркестана».

Фактически Словарь построен на сравнении лексического материала двух классификационных групп тюркских языков, выделявшихся в то время еще чисто интуитивно, а именно: «турецкой» (по современной терминологии — огузской, или юго-западной) и «татарской» (кыпчакской, или восточной).

Л. Будагов, разумеется, не мог не сознавать научного значения своего Словаря, богатейшие материалы к которому с великим тщанием и добросовестностью по крупицам собирались им долгие годы. Вполне современно и актуально звучат ныне слова автора об изучении тюркской лексики приемами сравнения. «Сравнительный метод толкования татарских наречий по многообразным производным формам, иногда и по корням слов, а также и по примерам резкого иногда различия в смысле одного и того же слова между наречиями, указывая на взаимное их отношение и дополнение, — пишет Л. Будагов, — служит верным путем к составлению полного, точного и сознательного понятия о самом языке». И здесь же добавляет: «Говоря это, я нисколько не думаю приписывать себе мысли о конечном достижении такой цели посредством предлагаемого Словаря» [ЛБ I, с. V]. «На толкование всех наречий тюркского корня, — справедливо полагает автор, — потребовались бы зовокупные и многолетние усилия нескольких ориенталистов» [ЛБ I, с. V]. В научном плане Л. Будагов предельно скромно оценивает свой вклад в сравнительное изучение тюркской лексики «как первый и слабый опыт, который мог бы послужить для других основанием или, пожалуй, материалом, для более обширного и более ученого труда» [ЛБ I, с. VI].

Чтобы показать значение Словаря Л. Будагова для тюркской лексикологии и лексикографии, остановимся подробнее на: 1) объеме и составе Словаря; 2) его структуре; 3) приемах перевода и объяснения собранных в нем слов.

1. В Словаре Л. Будагова нашла широкое отражение общетюркская и межтюркская лексика; именно эта часть лексики в Словаре представлена наиболее обширными словарными статьями (см., например, ба³

³ Для передачи тюркских слов — как заглавных, так и помещаемых в составе соответствующих словарных статей — Л. З. Будагов пользовался арабской графикой, лишь изредка приводя в своем Словаре транскрипцию отдельных слов (на основе русской графики), а чаще ограничиваясь транскрипционным указанием на гласный начального слога слова. Из-за типографских трудностей, связанных с набором арабского текста, мы прибегаем к транслитерации арабских написаний, разработанной Э. Н. Наджибом (см.: Э. Н. Наджип. Тюркский язык Делийского султаната XIV века. — «Советская тюркология», 1982, №№ 2 и 3), сохраняя имеющуюся русскую транскрипцию Л. З. Будагова.

‘голова’ — ЛБ I, с. 225—228; ајақ ‘нога’ — I, с. 174—175; ајтмаг ‘сказать, говорить’ — I, с. 178—179). Та двойственная задача, выполнить которую стремился Л. Будагов (Словарь должен был «служить пособием как при чтении литературных произведений, так и для разговора и письменных сношений с мусульманами» — ЛБ I, с. VI), определила специфику состава Словаря. С одной стороны, Словарь совершенно явно нацелен на отражение лексики старотюркских литературных языков — османского и особенно чагатайского⁴. С другой стороны, учитываются не только особенности представления этой лексики в живых тюркских языках и диалектах второй половины прошлого столетия (по Л. Будагову — «народное неправильное произношение слов» — ЛБ I, с. VIII), но в известной мере также слова, специфичные для того или иного из них (см. об этом ниже).

В идеале Л. Будагов стремился сделать заглавным словом словарной статьи слово, представленное в обеих упомянутых выше крупных классификационных группах тюркских языков. Большое количество статей из числа тех, где общетюркское (межтюркское) слово имеет идентичный фонетический состав в различных тюркских языках, открывается пометами «тур. тат.» (см., например, статьи: ајақ — ЛБ I, с. 174; ајутмақ — I, с. 190; буғун — I, с. 277). В случае модификации фонетического облика общетюркского слова каждый из вариантов внутри статьи приводится с собственной пометой, см., например: «тур. буз, тат. туз, тоб. турк. буз лед» [ЛБ I, с. 279]; «тур. тат. *сінгу*..., башк. *хыңгу*, ника, копье, штык» [ЛБ I, с. 638].

В Словаре много статей, где заглавное межтюркское слово представлено лишь в части тюркских языков, причем фономорфологический состав его далеко не во всех случаях идентичен. Каждый вариант слова в статье приводится с собственной пометой, см., например, тур. *ујаптақ*, дж. *ујуптақ*, алт. *ујузтақ* ‘разбудить’ [ЛБ I, с. 165]; тат. *ајаз*, дж. *ајас* ‘ясный’ (о погоде) [ЛБ I, с. 173].

Уделяя большое внимание языковым вариантам общетюркского или межтюркского слова, различающимся фонетически, а иногда и по морфологическому составу, Л. Будагов не во всех случаях приводит их внутри одной словарной статьи с межтюркским заглавным словом. Варианты такого слова он подает иногда в виде отдельных словарных статей. Ср. каз., баш. *сәктәп*, дж. *сәктәп*, тур. *сәкрәп*, кир. *сәкрап* ‘сукно голстое, кафтан суконный’ [ЛБ I, с. 482] и «тур. *сәркән* (с перестановкою букв то же, что *сәктәп*, кир. *сәкбән*) кафтан короткий суконный...» [ЛБ I, с. 469]; дж. *сәсә* ‘мать’ (см. кир. *шеше*) [ЛБ I, с. 470] и «кир. *шеше*... мать (это название дается бабушке внуками от сына, если она жива...)» [ЛБ I, с. 667].

В качестве заглавных в Словаре фигурируют также многие слова, специфичные для того или иного тюркского языка и диалекта. См., к примеру, словарные статьи: «тат. *мант* ‘пчельник’ (у приволжских татар

⁴ «Чагатайский» понимался Л. Будаговым весьма широко, с включением сюда «Кысас ул-анбия» Рабгузи, а также более поздних сочинений на среднеазиатском и поволжском тюрки (см., например, вольный перевод стихов «Бахчисарайского фонтана» А. С. Пушкина — ЛБ II, с. 261). Вместе с тем Словарь Л. Будагова является незаменимым пособием при чтении «Бабур-наме» Захир Эд-дина Бабура и сочинений Алишера Навои. Именно по «Бабур-наме» приводятся и толкуются названия индийских этнографических реалий, индийской флоры и фауны (см.: например, ЛБ I, с. 317, 428, 435 и сл.). Ср. также: Э. А. Умаров. Паве де Куртей — лексикограф. — «Советская тюркология», 1981, № 6.

зеле
«тат
[ЛБ
дем
ран

гоч
слов
зин
верб
вин
стон
так
нап
зыр
ная
кир
глаз
гоч
стат

стат
лен
лич
зож
дру
вед
гор
на з
Л. П

ара
ори
тюр
дит
един
араб
пор
инте
ский
пер
этом
Л. П
язы
ски

лизм
стат
име
мер
зак
‘кон

мык

селения Тархан; у других татар это слово неизвестно)» [ЛБ II, с. 201]; «тат. *шингейтмек* (пон. от *şinçetmek*, корень которого мне неизвестен...)» [ЛБ I, с. 673]; «хив. *шегенджин* женская куафюра в Хиве, вроде диадемы (Вамб.)» [ЛБ I, с. 670]; «бух. *banat* тонкие английские и иностранные сукна» [ЛБ I, с. 238].

Диалектную лексику различных тюркских языков Л. Будагов достаточно широко приводил также в качестве вариантов к заглавному слову словарной статьи, не забывая при этом выделить ее пометами «провинц.» или «простон.». Например: «тур. *bisrāk* (провинц.) одnogорбый верблюд» [ЛБ I, с. 258]; «тур. *baran* (провинц.) большое количество виноградных лоз в саду» [ЛБ I, с. 222]; «тур. *böbrek* (ö), *böğrek* (простон. *бöврек*) почка» [ЛБ I, с. 272]. В отдельных случаях приведены также слова и выражения из специфического «женского языка» тюрков, например: «кумык. *مانگنه چرلاک* гнилой нос, сопатый (бранное

выражение кумыкских женщин)» [ЛБ II, с. 198], а также табуированная лексика: «тур. *çeçek*, тоб. *sācāk* цветок; оспа, что в кир. *шешек* (её киргизы так боятся, что даже слово это не произносят, а вместо него в глаза говорят: *awlija şuyqtu*, за глаза *qotur şuyqtu*)...» [ЛБ I, с. 470]. Многочисленные фразеологизмы приводятся в основном внутри словарных статей со стержневым заглавным словом.

Обширный ономастический материал представлен как отдельными статьями, так и в составе других словарных статей. Особенно многочисленны топонимы, старые и новые, в том числе заимствованные из различных языков; немало этнонимов и личных имен. Многие из них сопровождаются историческим, историко-религиозным, филологическим или другим комментарием. Пример см. в статье тур. *sañzaq*, в которой приведено «название холма у Константинополя (где во время взятия этого города Магометом II голова императора Палеолога была выставлена на знамени)» [ЛБ I, с. 637]. Ономастический материал, собранный Л. Будаговым, требует специального исследования.

В Словаре широко представлены заимствования и прежде всего — арабизмы и фарсизмы. Сам Л. Будагов объяснял это тем, что его труд ориентирован на книжную лексику, а, как известно, литературный тюркский язык без участия языков арабского и персидского не обходится [ЛБ I, с. VI]. Для арабских имен зачастую приводятся формы как единственного, так и множественного числа. Особенно большое число арабских глагольных образований — причастий и масдаров различных пород — приходится на букву «мим» [см. ЛБ II, с. 197—274]. Особый интерес представляют наблюдения Л. Будагова над тем, как фонетически, а иногда и семантически осваивалось то или иное арабское либо персидское заимствование в различных живых тюркских языках (см. об этом ниже). Эти наблюдения свидетельствуют о том, что внимание Л. Будагова привлекали заимствования из арабского и персидского языков не только книжного характера, но также и проникающие в тюркские языки изустно.

По способам их подачи особое место в Словаре занимают монголизмы, чаще всего приводимые не самостоятельными статьями, а внутри статей с тюркским заглавным словом. Известная часть тюркских слов имеет помету о заимствовании их из монгольского («с монг.»), например: тат. *poqta* 'недоуздок' [ЛБ II, с. 295], уйг., алт. *пoт* 'священные книги, закон' [ЛБ II, с. 296], алт. *müggü* 'молитва' [ЛБ II, с. 263], тат. *mahan* 'конина (маханина)' [ЛБ II, с. 218].

В Словаре приведены заимствования из кавказских (возможно, кумыкского) языков, они выделены пометой «дагест.»: «дагест. *менгуш*

докладчик, вестовщик» [ЛБ, II, с. 259], «дагест. *мунджак* драгоценный камень» [ЛБ II, с. 268]; см. также [ЛБ II, с. 275, 282].

Значительное место в Словаре занимают заимствования из европейских языков — греческого, итальянского, французского, венгерского, польского, русского. См., например: «*batrikah* (греч.) патриарх» [ЛБ I, с. 218]; «тур. *маранкоз* (с итальян.) плотник» [ЛБ I, с. 196]; «*palanqa* (венг.) род укреплений» [ЛБ I, с. 310]; «*шерватка* (польское) сыворотка» [ЛБ I, с. 667].

Словарь Л. Будагова дает представление о русизмах, проникших в различные тюркские языки и особенно в язык казанских татар (сокращенно в ЛБ I—II «каз.»). См., например: «каз. *şerkav* (русское слово) церковь» [ЛБ I, с. 474], каз. *bağaza* и *boğazna* борозда [ЛБ I, с. 221 и 274], «баш.каз. *pağ, bağ* (русское) пара» [ЛБ I, с. 308], «москов. (русское) Москва, Россия, *moskovlu* москвич, русский» [ЛБ II, с. 231].

При многих тюркских (или арабских, персидских) заглавных словах отмечается факт их заимствования в русский язык и приводятся соответствующие тюркизмы (или ориентализмы) вместе с соображениями относительно их этимологизации. Среди них есть и общерусские заимствования (например, *барабан* — ЛБ I, с. 236, *перец* — I, с. 275, *булгачить* — I, с. 290, *буран*, *буранить* — I, с. 274; *жупан* — I, с. 452), и диалектные (*балобан* 'верзила, олух', *балабан* 'пустомеля', *балабанить* — I, с. 236; *базанить* 'кричать', *базун* 'крикун', *базланить*, *базлать* 'громко кричать, плакать' — I, с. 280), а также принадлежащие к различным социальным жаргонам (см. *биндюх*, *биндюк* 'ропуски ломовых извозчиков' — I, с. 271; астраханск. *бабай* 'самый большой якорь', *Бабайка* 'большое весло' — I, с. 217; *баткак* в товароведении 'самый нижний, грязный устой вытопленного тюленьего жира, перелитого в бочки' — I, с. 218; *магарыч* 'то, что дается на водку после какой-нибудь сделки' — II, с. 249).

Характерен интерес Л. Будагова к истории тюркизмов и ориентализмов в русском языке. Так, в статье перс. *pişan* 'метка, знак' он пишет: «слово *pişan* в ханских ярлыках принимается за знак, т. е. печать или вензель царской власти... Из слова *нишан* русские переводчики ярлыков сделали *мишень*, *мишенная грамота*; затем слово это в значении цели в стрельбе осталось в р. яз., в котором говорится также *мишениться*, *мишулиться* — промахнуться» [ЛБ II, с. 285].

Все вышесказанное позволяет считать Словарь Л. Будагова одним из важных пособий по изучению как тюркизмов (ориентализмов) в русском языке, так и русизмов в тюркском языке, а частично — и их истории.

Энциклопедичность охвата лексического материала, свойственная Л. Будагову-лексикографу, высокая насыщенность почти каждой словарной статьи «попутными» лексическими данными не позволяют даже при точном подсчете количества словарных статей, расположенных на 1225 страницах обоих томов Словаря⁵, установить хотя бы приблизительно число слов и фразеологизмов, получивших толкование в Словаре.

2. При упорядочении собранного им огромного лексического материала Л. Будагов не стремился к оригинальному расположению слов в Словаре. Как и его старшему современнику В. И. Далю (1801—1872),

⁵ Такие подсчеты было легче осуществить в «Dictionnaire Turc-Oriental» Павла де Куртейля, где словарные статьи весьма лаконичны (см.: Э. А. Умаров. Указ. раб., стр. 74).

Л. Будагов
алфавитно-
ровки
диняю
более
Со
нейше
рого в
риала
деляли
витель
ных м
того ж
групп
В.
образо
фигур
сами м
в каче
'управ
bayta
По
вом сл
гольно
стве за
тюркск
мер, н
выдел
вые ф
стр., в
тельн
гол»,
словар
его им
тавы
компо
мы. Б
'имуш
колич
П
варь
идиом
фразе
Г
гову,
дать с
языка
Л

6 А
вый сл
7 Т
8 Т
десять
выраж

Л. Будагову «были хорошо известны два противоположных способа: алфавитный порядок расположения слов и корнесловный способ группировки их, при котором группы слов, возводимых к общему корню, объединяются в гнезда, а во главе гнезда ставится или самый корень, ...или более или менее произвольно устанавливаемое исходное слово»⁶.

Создавая свой Словарь, Л. Будагов, несомненно, испытывал сильнейшее воздействие Толкового словаря В. И. Даля, первое издание которого вышло в 1863—1866 годы, то есть когда осуществлялся сбор материала для «Сравнительного словаря турецко-татарских наречий», определялись принципы его построения и приемы толкования слов. Неудивительно поэтому, что вслед за В. И. Далем при упорядочении собранных материалов Л. З. Будагов «выбрал для себя путь средний: слова того же корня... в его словаре группируются в гнезда, а во главе такой группы „одногнездки“ выставляется глагол или имя»⁷.

В. И. Даль исключал из таких групп «одногнездки» приставочные образования. Л. Будагов вносил в число заглавных слов некоторые аффиксированные производные преимущественно в тех случаях, когда они сами могли стать основой для последующего словопроизводства. Так, в качестве заглавных слов вынесены производные глаголы *başqarmaq* 'управлять' (со ссылкой на *baş* 'голова' — ЛБ I, с. 228); *baqlamaq* и *baṭmaq* 'связать' (со ссылкой на *baṭ* 'связь' — ЛБ I, с. 233).

Построение словарной статьи при принятом Л. Будаговым гнездовом словорасположении было очень сложным. Так, например, в глагольной статье, помимо самого слова, избранного Л. Будаговым в качестве заглавного, и вариантов, которыми оно реализуется в различных тюркских языках, приводятся именные образования (в том числе, например, на -*uç*, -*üsus*, -*ş*, -*yaṭ*, -*şap* и др.). Далее под особым подзаголовком, выделенным курсивом — «Производные и составные», даются все залоговые формы данного глагола (с соответствующими пометами: пон., вз., стр., воз.), глаголы, образуемые от данного с помощью словообразовательных аффиксов, составные и сложные глаголы (модели «имя+глагол», «деепричастие+глагол»), глагольные фразеологизмы. В именной словарной статье за вариантами заглавного слова приводятся сначала его именные образования, а затем с подзаголовком «Производные и составные» — отыменные и составные глаголы, имеющие в качестве именного компонента заглавное слово, устойчивые словосочетания, фразеологизмы. Большое количество фразеологизмов см. в словарных статьях ар. *tal* 'имущество, богатство, товар, деньги' [ЛБ II, с. 199], дж. *şaq*, *şay* 'время, количество, мера' [ЛБ I, с. 458—459].

По насыщенности именными и глагольными фразеологизмами Словарь Л. Будагова должен быть признан первым собранием тюркской идиоматики, причем выполненным в сравнительном аспекте и с учетом фразеологической синонимии⁸.

Гнездовое словорасположение позволяло, таким образом, Л. Будагову, как и В. И. Далю, раскрыть смысловые связи однокоренных слов, дать семантическую и словообразовательную характеристику слова и языка в целом.

Л. Будагова заботила не только словообразовательная, но и шире —

⁶ А. М. Бабкин. Толковый словарь В. И. Даля. — В кн.: «Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка», т. I, М., 1955, стр. VIII.

⁷ Там же.

⁸ Так, например, приводя устойчивое словосочетание *on maṇyş maṇdy* 'сделала десять шагов (о женщине с грациозной походкой)', Л. Будагов отмечает, что «то же выражение может быть передано другими словами» — *on qadam urdu* [ЛБ II, с. 198].

грамматическая характеристика тюркских языков в целом. Именно этим можно объяснить обилие грамматических сведений в его Словаре, что в свою очередь позволяет усматривать в нем зачатки первого в истории тюркологии обратного словаря. В отдельных словарных статьях (или же в составе других статей) Л. Будагов приводит целый ряд словообразовательных аффиксов и их алломорфов, например, аффикс именного словообразования -*ǰaq/-ǰaq...* [ЛБ I, с. 458], -*ǰuq/-ǰik...* [ЛБ I, с. 478], -*ǰaŋ/~ǰaŋ*, -*ǰil* [ЛБ I, с. 465], -*msaq* [ЛБ II, с. 228], -*s(y)maq* [ЛБ I, с. 634], аффиксы глаголообразования -*sin...* [ЛБ I, с. 657—658], -*la*, -*laš* [ЛБ II, с. 183].

В Словаре описано образование залогов глагола [ЛБ II, с. 183, 275 и сл.], имен действия и глагольных имен [ЛБ I, с. 659; II, с. 194, 245, 269, 300], причастий *на* -*ǰaq/-ǰek* [ЛБ I, с. 437] и *на* -*muš/-miš* [ЛБ II, с. 233], выражение отрицания в спрягаемом глаголе и его «неопределенной форме» [ЛБ II, с. 194, 231], просьбы в 1-м и 2-м лице множественного числа, 3-м лице обоих чисел повелительного наклонения [ЛБ II, с. 193]. Особое внимание Л. Будагов уделяет аналитическим глаголам, выражающим с помощью вспомогательного глагола способ совершения действия [см. ЛБ I, с. 301, 291 и сл.]. Описывая выражение вопроса в тюркских языках, составитель отмечает порядок следования частицы *mī* в различных глагольных формах [ЛБ II, с. 271]. Сообщаются также сведения о лично-числовых показателях глагола и именных аффиксах принадлежности [ЛБ II, с. 194, 226, 318].

В Словаре имеются сведения о склонении имен [см., например, ЛБ II, с. 291, 298, 318]. Л. Будагов проводил весьма тонкое различие тюркских языков по признаку оформления винительного падежа именной и посессивно-именной парадигм [ЛБ II, с. 298, 318], поэтому с полным правом можно сказать, что он ближе других своих современников подошел к мысли о дистинктивной роли данного падежа при установлении различных типов тюркского склонения. В соответствующих словарных статьях им дается также более или менее полная парадигма склонения личных, отдельных указательных и вопросительных местоимений [ЛБ I, с. 106, 256, 271; II, с. 254, 297—298].

Подробно описывается в Словаре присоединение к именам (с аффиксом принадлежности 3-го лица и без него) «частицы уподобления, меры, уменьшения» -*ǰa/-ǰä* [ЛБ I, с. 447; II, с. 281], образование разделительных и порядковых числительных [ЛБ I, с. 660; II, с. 281] и т. д. В словарной статье *ǰaŋuŋmaq* «кричать, шуметь, звать» в виде своего рода приложения перечислены звукоподражательные призывы у «киргизов» и кумыков [ЛБ I, с. 460].

В Словаре приводятся также элементы синтаксиса словосочетаний, в частности сведения о характере глагольного управления в том или другом языке [см., например, ЛБ I, с. 708].

Л. Будагов стремился дать в своем Словаре сравнительную фонетическую характеристику тюркских языков в целом. Поэтому каждая литера арабского алфавита составляет самостоятельную словарную статью, в которой, помимо других данных (в том числе нередко грамматических), приводятся сведения о ее позиционной орфографии и орфоэпии в различных тюркских языках [см., например, ЛБ I, с. 1, 217, 306]. Так, сообщая о произношении буквы «джим» в тюркских языках, Л. Будагов отмечает: «В кир. наречии эта буква заменяет букву „йай“ в начале слова, т. е. звук *и*, *е* произносится как *дж* или *ж*, напр., *вм. яман—джаман* или *жаман*» [ЛБ I, с. 425]. В комментарии к букве «шин» говорится, что она «в кир. и туркм. наречиях «заменяет в произношении букву «чим»,

напри
букв «

С

статей

букв

глаго

няется

с. 194

букву

«сад»

Л

заимс

магаз

см. та

с. 427

бытов

«п. бā

«каз.

износ

(с ру

К

фонет

гова

матин

Р

только

Тем н

Л. Бу

мости

ческо

привл

де К

не уч

Слов

письм

страт

В отл

ципу

извод

им от

слову

суши

и сло

в це

Р

9

упрош

ным «

«сад»

в Слов

10

ского

4 «Сс

например, qaš- вместо qač- [ЛБ I, с. 659]. См. также о взаимозамене букв «сад» и «син» в различных тюркских языках [ЛБ I, с. 610]⁹.

Сведения фонетического характера содержатся и внутри словарных статей. В статье дж. bičä 'супруга' отмечается: «тоб. кузнецк. тат. произносятся *биця*» [ЛБ I, с. 299]. Описывая выражение отрицания в тюркском глаголе, Л. Будагов указывает, что «в кир. и алт. наречиях „мим“ заменяется буквой „п“, см. алт. *küjbəzin* вм. *küjmäsün* да не горит» [ЛБ II, с. 194]. При заглавных словах, начинающихся в тюркских языках на букву «чим», регулярно приводятся башкирские варианты с начальным «сад» [см., например, ЛБ I, с. 463 и сл.].

Л. Будагов обращает особое внимание на фонетическое освоение заимствований в тюркских языках. Так, при арабизме *mahzen* 'житница, магазин, место складки' указывается «*простон. тауаза*» [ЛБ II, с. 217]; см. также «ар. *žasus*, *простон. тур. čašud*, *čašud* шпион, лазутчик» [ЛБ I, с. 427; см. еще II, с. 258, 261]. Много таких наблюдений в Словаре над бытованием фарсизмов и русизмов в тюркских языках. См., например, «п. *bänäfše* (тур. *простон. menefše* и *menekše*) фиалка» [ЛБ I, с. 270] и «каз. *милявша*» [ЛБ I, с. 274]; «п. *čarjek* четверть (турки *простон. произносят čörep*, в значении четверти часа)» [ЛБ I, с. 457]; «тат. *лафка* (с русск.), алт. *лакпа* лавка, лавочка (торговая)» [ЛБ II, с. 186].

Критическая оценка наличествующих в Словаре грамматических и фонетических сведений позволяет утверждать, что в Словаре Л. Будагова нашли свое выражение и его представления о сравнительной грамматике и фонетике тюркских языков.

Разумеется, что это богатство Словаря не может быть объяснено только использованием автором гнездового способа словорасположения. Тем не менее, как показывает самое беглое сопоставление Словаря Л. Будагова с Толковым словарем В. И. Даля, этот способ, по всей видимости, предрасполагал к известной энциклопедичности в подаче лексического материала. Для подтверждения этого предположения достаточно привлечь к сравнению исторический «Восточнотюркский словарь» Паве де Куртейля, в котором данные живых тюркских языков XIX века не учитывались. Словарь этот создавался примерно в те же годы, что и Словарь Л. Будагова, а материал его, по крайней мере, в части старописьменной, во многом перекликался с собранным Л. Будаговым (иллюстративные примеры взяты из сочинений Навои, Бабур, Абул-Гази). В отличие от Л. Будагова, Паве де Куртейль строил словарь по принципу алфавитного словорасположения: варианты слова, как и его производные формы (например, глагол понудительного залога), подавались им отдельными словарными статьями, нередко с отсылкой к исходному слову. «Восточнотюркскому словарю» признаки энциклопедичности присущи лишь в малой степени¹⁰; в нем отсутствуют как семантическая, так и словообразовательная характеристики слова, не говоря уже о языке в целом.

Гнездовое словорасположение, естественно, не избавляет словарь от

⁹ Характерно, что в этом вопросе Паве де Куртейль, например, занял предельно упрощенную позицию: в его словаре не только не проводится различение слов с начальным «син» и «сад», но фактически полностью отсутствуют слова, начинающиеся на «сад» (см. Pavet de Courteille. Dictionnaire Turc-Oriental, Paris, 1870), между тем как в Словаре Л. Будагова они занимают 35 страниц текста [см. ЛБ I, с. 682—716].

¹⁰ Э. А. Умаров усматривает в этом словаре применение автором энциклопедического способа толкования слов (см.: Э. А. Умаров. Указ. раб., стр. 77).

недостатков¹¹. Как и В. Даль, Л. Будагов произвольно соединял в одно гнездо слова, явно несоединимые с формальной и семантической точек зрения, хотя и созвучные. Это, естественно, затрудняет пользование Словарем. Так, в одной словарной статье соединены четыре разных имена и местоимение¹²: «тур. *1) بیس، بیز، بیز* железá, 2) шило, 3) дж. = *biz* мы, 4) = *без* холст» [ЛБ I, с. 301—302]; местоимение и аффикс¹³: тур. *ciz, сиз*, дж. тат. *siz* 1) без, не...; 2) вы...» [ЛБ I, с. 627]; два разных глагола — каз. тур. *sözmek*, дж. тур. *süsmek* 'бродить, бодаться (о корове)' и *süzmek* 'цедить' [ЛБ I, с. 646].

Разные слова соединены в словарной статье с заглавным словом каз. тоб. *şarlamak* 'клокотать, шуметь (о воде)' — кир. *şarqyldau* — то же, кир. *şarqyгаи* 'журчать'; *şarqylay* 'успокоиться, отдохнуть' [ЛБ I, с. 660]. В статье с заглавным словом *baу* 'связь, узел, завязка, веревка, тесьма; пук, сноп', как производное от него приводится тур. *baydaş, baydaз* 'манера сидеть, поджав под себя ноги' [ЛБ I, с. 231—232], хотя для установления связи этих слов требуются специальные этимологические разыскания.

Еще чаще в одну словарную статью попадают омонимы, например: *ajaq* 'нога' и *ajaq* 'чаша' [ЛБ I, с. 174—175]; *baluq* 'рыба' и *baluq* 'город, обнесенный стеною' [ЛБ I, с. 237]; каз. тур. *syгmaq* 'стегать, прицепить, привязать' и тур. *syгmaq* (= *مرغماق*) 'быть скользким' [ЛБ I, с. 699]. Из омонимов составлена и нижеследующая словарная статья: «тур. ад. *сыра* 1) ряд, нить, линия, порядок...; 2) алт. кир. *сыра, сырай* 'совсем, совершенно (с отриц. гл. вовсе не, никакой)...; 3) кир. пятка у сапога...; 4) тат. алт. пиво» [ЛБ I, с. 699].

Другим недостатком гнездового словорасположения был произвольный выбор заглавного слова словарной статьи из числа различных вариантов общетюркской (или межтюркской) основы. Например, произвольно выбрано заглавное слово тат. *boзau* 'теленос' среди прочих языковых вариантов [ЛБ I, с. 256]; правда, другой региональный вариант тур. *buzayи* (у) также дан в Словаре отдельной статьей [ЛБ I, с. 470]. Но отсылка в этой статье дана неточно (*بزای* вместо *بوزای*). Все это, конечно, затрудняет поиск слова в Словаре.

Произвольность в выборе заглавного слова среди «одногнезdkов» становится особенно очевидной в тех случаях, когда в качестве такового берется производное слово, а основа, от которой оно образовано, может даже включаться в соответствующую статью в числе «производных». Так, в статье тат. *butaq*, тур., ад. *budaq* (у) 1) 'ветвь, сук; лоза, виноград' в числе «производных» приводится *budamaq* 'обрезать сучья, лозы, рубать' [ЛБ I, с. 283]; в статье с заглавным глаголом «уйг. каз. *сыык-ламак* разжигать, разболтать» приводится имя *syуq*, алт. *суйук* 'жидкий', от которого произведен данный глагол, а также понудительный залог того глагола, который лежит в основе обоих образований: алт. *суйут* 'жидить' [ЛБ I, с. 716]; в статье с заглавным глаголом «тур. каз. *syзламаq*, кир. *сыздау, сыста* нить, ломать в костях» дается имя «тур.

¹¹ О недочетах и промахах в Толковом словаре В. И. Даля, которые были обусловлены гнездовым способом его построения, см.: А. М. Бабкин. Указ. раб., стр. 8—9.

¹² Как это было установлено впоследствии, *biz* 'шило' восходит к двусложному *bigiz*, см. об этом: Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974, стр. 30.

¹³ В Словаре Павле де Куртейля находим точно такое же сведение в одну статью этих местоимения и аффикса (Pavet de Courteille. Указ. раб., стр. 366) с той только разницей, что для местоимения не приведены парадигма склонения и формы множественного числа, как это сделано в Словаре Л. Будагова.

syzu, алт. *сыс* ломота, нарывание, нарыв» [ЛБ I, с. 699], от которого этот глагол образован.

Пользование Словарем затрудняется также несовершенством системы отсылок и перекрестных ссылок, которые к тому же имеются далеко не во всех случаях. Так, приводя вариант *suwıq* 'жидкий, текучий' [ЛБ I, с. 714], Л. Будагов не соотносит его с вариантами *syjuq*, *sujuq* [ЛБ I, с. 716]. В статье «дж. ...сойгун дикая коза, сайга» [ЛБ I, с. 651] есть отсылка на «дж. ...сойгун сайга или дикая коза» [ЛБ I, с. 647], но в обеих статьях нет отсылки на «алт. *сүн* олень» [ЛБ I, с. 713]. В статье «тур. *sümüğe, sümük* кость» [ЛБ I, с. 649] есть отсылка на «каз. тат. *суяк*...» [ЛБ I, с. 650], но нет отсылок на другие, довольно многочисленные варианты [см. ЛБ I, с. 635].

3. При характеристике способов раскрытия значения слова в Словаре обращает на себя внимание то, что переводная часть словарных статей здесь имеет довольно сложное построение; это обстоятельство само по себе свидетельствует об интересе Л. Будагова к вопросам семантики.

Распределение значений слова в статьях Словаря Л. Будагова, впоследствии принятое и Э. В. Севортьяном в его Этимологическом словаре, производится в зависимости от того, во всех или только в некоторых тюркских языках это значение представлено. Сперва приводятся общетюркские или межтюркские значения, затем — принадлежащие одному языку (с пометой этого языка). См.: «тур. тат. *aјаq* нога..., 2) конец (года, месяца); устье (реки), 3) [омоним. — Г. Б.] *дж. тат. чашка, чаша, чарка для вина*» [ЛБ I, с. 174]; «каз. *sygmaq* стегать, переметать, прицепить, привязать, кир. шить в строчку» [ЛБ I, с. 699].

Для заимствований прослеживаются семантические изменения, которые они претерпели в тех или иных тюркских языках¹⁴. См., например: «а. *جواب* ар. *ḡavab* ответ; тат. *допрос, ḡavab almaq* делать допрос...; в Средней Азии *ḡavab bergmak* значит: позволить; *جواب ايلمك* (простон. *ḡıyab*) отказать (так говорится в Малой Азии); кр. *ḡavabyuḡ* ваг в значении: у меня просьба есть (к кому-нибудь)....» [ЛБ I, с. 443].

Л. Будагов не ограничивался переводом собранных им слов, но и широко вводил элементы их толкования. В этих целях он пользовался синонимами. Иногда подсобный характер приводимых синонимов подчеркнут скобками: «тур. *یقمنی* (ы) 'скучать, получить отвращение' (синон. *بزك*, но сильнее, чем *وشنمک* и *اوصانق*)» [ЛБ I, с. 262]; ср. «тур. *sivэлеmek* — синон. *تومق* см. это слово» [ЛБ I, с. 650].

При толковании слов Л. Будагов последовательно придерживался методики, именуемой «Wort und Sache», то есть давал толкование слова, объясняя и описывая обозначаемый им предмет или понятие. Благодаря

¹⁴ Некоторые семантические «сдвиги» в заимствованиях при ближайшем рассмотрении объясняются их значениями в том языке, из которого они проникли в данный тюркский язык. См., например: «тат. *پرنکاز، نای* (русское) *кляузник, ябедник*» [ЛБ I, с. 316] — это значение из русских бранных выражений «приказный крючок, приказная строка» (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. М., 1955, стр. 415); «каз. *graška* (русское) *пряжка, станция* (пространство от одной станции до другой)» [ЛБ I, с. 313] — это значение также представлено в русских диалектах: «*пряжка*... упряжка, переезд на одних лошадях не кормя» (В. Даль. Указ. раб., т. III, стр. 531).

этому Словарь превратился в своего рода энциклопедию общественно-политической жизни и быта тюркоязычных народов.

Широко приводя как действовавшую в середине XIX века, так и историческую титулатуру, названия чинов и званий в старых Турции и Персии, при бухарском дворе и в Хиве, Л. Будагов в переводной части статьи не только транслитерирует соответствующие слова, как это зачастую делается в современных словарях, но и снабжает их детальными истолкованиями [см. ЛБ I, с. 263—265, 288, 309, 311, 315].

В статье тур. *şegî* 'войско' даются основные исторические сведения о янычарском корпусе (1362—1826 годы), его военной иерархии с перечислением воинских званий [ЛБ I, с. 475]. В статье тур. *şauş* 'швейцар, сторож' рассказывается о корпусе чаушей в войске янычар, о военной реорганизации войска, званиях и обязанностях того или иного чина или носителя звания, в наименование которого входило слово *şauş* [ЛБ I, с. 465—466]. См. также тур. *şarğar* «большой металлический пояс, который носили янычарские капралы, называвшиеся *qaraqolluqşu*; они им были солдат» [ЛБ I, с. 453]. Ярким социальным содержанием наполнены фразеологизмы, приводимые при тур. *postal* 'туфли (сафьянные, которые носили янычары)', *postal oylu* 'сын туфли (термин презрения)' *postalcan gelme* 'вышедший из туфель, пахнет туфлями (низкого происхождения)' [ЛБ I, с. 321].

Военно-административное устройство старой Турции характеризуют также следующие статьи: «*bustançy* садовник, огородник — так назывались в Турции солдаты дворцовой пешей гвардии. *Bustançy başu* начальник гвардии; начальник полиции в Константинополе и Адрианополе» [ЛБ I, с. 281]¹⁵; «*bülük başu* полковник (в Булгарии: *бюлюк-баши* называются начальники жандармов и состоят большею частью из албанцев; они назначаются губернаторами и посылаются в объезд округа для преследования разбойников и арестования провинившихся; но они сами свирепствуют и своевольничают с христианским населением более, чем разбойники» [ЛБ I, с. 292]; «тур. *мартолос* (греч.) жандармы из христиан, которые служили в турецких крепостях» [ЛБ II, с. 196].

В соответствующих статьях Словаря приводятся сведения о школах и специальных училищах старой Турции [ЛБ II, с. 249], названия турецких газет [ЛБ II, с. 217, 258].

Столь же интересны и обширны историко-экономические сведения, приводимые в Словаре: о таможенных и прочих пошлинах, взимавшихся в Константинополе, о маклерах и комиссионерах в Турции, о том, что и как там закупалось [ЛБ II, с. 202, 204, 236]. Специальный интерес представляют нумизматические данные — названия, описания, стоимостные эквиваленты монет, чеканившихся в Турции, Крыму, Азербайджане, Персии, Монголии, Венгрии [см. ЛБ I, с. 227, 319—320, 322, 427, 473, 492, 663 и сл.].

Названия тканей, замши и прочих ремесленных изделий сопровождают не только их описанием (иногда объясняется и технология их изготовления), но и указанием цен на эти изделия, главным образом, в Ташкенте и Туркестане в целом [см., например, ЛБ I, с. 275, 316, 663; II, с. 235]. При названиях сельскохозяйственных культур сообщается, где они сеются и соответственно — время посева и жатвы, указывается даже, какой урожай приносит та или иная культура [см. ЛБ I, с. 445—446, 450 и сл.].

¹⁵ Ср. подачу аналогичных терминов в современном словаре: «*böcekbaşı*» ист. полицейский чиновник (в Османской империи) — («Турецко-русский словарь». М., 1977, стр. 130).

В соответствующих словарных статьях приводятся перечни мер веса, используемых различными тюркоязычными народами [см. ЛБ I, с. 231, 443, 483, 486 и сл.]. Сообщается также о том, как измерялось время тюрками в древности [ЛБ I, с. 258—259] и в более поздние периоды [ЛБ I, с. 445—446, 673; II, с. 293—294]; о способах измерения и мерах расстояния [ЛБ I, с. 304; II с. 222].

Почти на каждой странице Словаря приводятся исторические сведения [ЛБ I, с. 263—264, 679, 697], историко-социальные [ЛБ I, с. 238—239, 241, 250], историко-религиозные [ЛБ I, с. 201, 222, 227—228, 231—232, 236, 242—244, 251—253, 283, 299, 433, 441, 622, 640, 678—679, 697, 709], религиозно-юридические [ЛБ I, с. 697—698] и особенно — этнографические. Здесь подробно представлена система родства и свойства у тюрков и соответствующая терминология [см. ЛБ I, с. 448 и сл.; II, с. 293], приводится описание сватовства, свадьбы и развода [ЛБ I, с. 278, 284, 489; II, с. 264, 270], похоронных обрядов [ЛБ I, с. 429; II, с. 267], народных поверий и примет [ЛБ I, с. 275; II, с. 202]; имеется описание одежды, например, башкир богатых и бедных [ЛБ I, с. 482], а также турок [ЛБ I, с. 469], еды и питья, некоторых аксессуаров трапезы [ЛБ I, с. 259, 261, 283, 288; II, с. 202].

Для того чтобы контрастно показать насыщенность этнографическими сведениями словарных статей в Словаре Л. Будагова, достаточно сопоставить всего лишь по одной статье в этом Словаре и в «Опыте...» В. В. Радлова. У В. В. Радлова варианты *баранта* (дж.) и *барымта* (кир.) представлены двумя словарными статьями, причем с весьма лаконичным переводом «баранта, разбойничий набег»¹⁶. Л. Будагов посвящает объяснению этого слова одну статью, но она занимает целый столбец. Здесь наглядно видно стремление Л. Будагова рассматривать слово, его семантику в исторической динамике. Он не ограничивается констатацией значений «задержание, захват или угон скота; самовольное похищение за долг, за обиду; хищничество, набег», но и объясняет исторические причины самого явления баранта, видя их в «междоусобицах», «внутренних ссорах между киргизами», и описывает, как совершалась баранта в прежние времена [ЛБ I, с. 224]. Этот и подобные ему многочисленные этюды позволяют считать Словарь Л. Будагова первым трудом по истории тюркских слов и выражений.

Переводная часть словарных статей в Словаре Л. Будагова насыщена иллюстративными примерами употребления слова как в литературных источниках, так и в фольклоре. Из фольклорного наследия использованы собрания, осуществленные В. В. Радловым¹⁷, эпос «Кёр-оглу» (скорее всего — в записях составителя) [см. ЛБ I, с. 456]; особенно часто в качестве иллюстративных примеров привлекаются пословицы и поговорки. На тот факт, что приводимые в Словаре пословицы принадлежат различным тюркским народам (это не всегда отмечается составителем), ясно указывает различная языковая характеристика, например, нижеследующих пословиц: *sen čelebi ben čelebi aty kim kaşar* 'Ты господин, я господин, кто же будет чистить лошадь?' [ЛБ I,

¹⁶ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV, СПб., 1911, стлб. 1478, 1481.

¹⁷ Л. Будагов успел воспользоваться только первыми тремя частями труда В. В. Радлова [см. об этом ЛБ I, с. IX; II, с. 391], а именно следующими: «Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. I отделение. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи», собраны В. В. Радловым. СПб., ч. I — 1866, ч. II — 1868, ч. III — 1870.

с. 484]; *türä bolsun üzinä šibin qutsun közinä* 'Начальник — себе начальник, пусть муха сядет ему на глаз (=чорт с ним! что нам за дело, что он начальник)' [ЛБ I, с. 468]; *tauda tašda žyl buzar adamzadny söz buzar* 'Тора и камень разрушаются ветром, а человек — словом' [ЛБ I, с. 280]. Обилие иллюстративного материала в словарных статьях является характерной особенностью толкового словаря¹⁸.

Пристальным интересом Л. Будагова к исторической динамике семантического развития слова можно объяснить обилие элементов этимологизации в переводной части словарных статей его Словаря. Э. В. Севортян с полным основанием называл этот Словарь «в ряду предшественников современных этимологических штудий в области тюркских языков», добавляя при этом, что «по обилию заключенных в нем этимологических разъяснений словарь Л. З. Будагова по праву должен быть отнесен к первым этимологическим опытам в тюркологии XIX в.»¹⁹.

В силу состояния современного ему тюркского языкознания Л. Будагов, разумеется, еще не мог ставить перед собой задачу выяснения исходного морфо-семантического состава и строения исследуемой основы, раскрытия в этой основе определенной словообразовательной модели²⁰. Поэтому целый ряд его гипотез страдает атомарностью, близостью к народной этимологии. Так, Л. Будагов не сумел разглядеть словообразовательную модель в таких однотипных чагатайских монголизмах, как *qağaul* 'стража, караул', *šaydaul* 'командующий арьергардом армии', *šuyaul* 'церемониймейстер; тот, кто вводит посланников в аудиенцию'. Он предлагает рассматривать слова этого типа как возникшие в результате не свойственного алтайским языкам сложения основ, считая, например, *šaydaul* «составленным из *šayda-ol* 'будь на часах'» [ЛБ I, с. 477]. Другое слово *šuyaul* — представляется ему «испорченным», вместо **šuyaul*, а это последнее он считает произошедшим «от корня *šuy* 'будь при выходе'» [ЛБ I, с. 668].

Конечно, в начале второй половины XIX века тюркское языкознание еще только приближалось к постановке вопроса об установлении закономерных фонетических соответствий в тюркских языках. Поэтому объяснима известная произвольность фонетических манипуляций составителя Словаря при этимологизации тех или иных тюркских слов как в случае «прямой этимологии» затемненной основы, так и при отнесении основы к иноязычному источнику. Так, «кир. *شیشق* скулы (оконечности челюстей)» представляется ему «составленным из *چیت* и *چیق*» [ЛБ I, с. 681]. Фонетически неоправдана попытка рассматривать «кир. алт.» *ser* 'приданое' как произошедшее от ар. *hisar* 'счет, исчисление' [ЛБ I, с. 515]; не даром ниже Л. Будагов сам же выражает сомнение в этой этимологии: «может быть, это слово коренное тюркское, а не происходит от араб(ского)» [ЛБ I, с. 618].

Заслуживают внимания многие предлагаемые Л. Будаговым этимологии, в том числе тур. *binçiq*, дж. *tinçaq* «украшения (бусы, ожерелье) из ракушек, стекляшек, надеваемые на шею лошадей, ослов» [ЛБ I, с. 293]; «кир. алт.» *suuluq* 'удила' [ЛБ I, с. 714], дж. *šaruytaq* 'злосло-

¹⁸ Л. Будагов продолжил традицию широкого использования пословиц и поговорок в словарях тюркских языков, заложенную в XI веке Махмудом Кашгари. (См. подборку пословиц и поговорок, извлеченных из его словаря Г. А. Абдурахмановым, в кн.: «Девону луғотит турк. Индекс-луғат». Ф. Абдурахмонов ва С. Муталлибовлар иштироки ва таҳрири остида, Тошкент, 1967, стр. 529—541.)

¹⁹ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 50.

²⁰ Эти и остальные задачи современного этимологического анализа четко сформулированы Э. В. Севортяном (указ. раб., стр. 40).

вить» [ЛБ I, с. 660], частицы *syj* [ЛБ I, с. 716], *sawyat* 'гостинцы, подарки' [ЛБ I, с. 693—694], причем в последнем случае этимологическая разработка опирается на глубокое знание и тщательный учет этнографических реалий.

Помимо прямых этимологий и определения заимствования, Л. Будагов часто использует такой тип этимологической разработки, как простое сопоставление. Это касается тех весьма многочисленных случаев, когда при тюркском слове в скобках приводится монгольская параллель. См. примеры: «каз. кир. *сѣмбѣ*, алт. *сѣме* шомпол (у ружья, монг. *сумун*)» [ЛБ I, с. 649]; «дж. тат. *мактамак* хвалить, восхвалять, славить (монг. *мактаху*)» [ЛБ II, с. 197]; «дж. *сугурмак*,... алт. *суур* (монг. *су-гулху*) вынуть, выдернуть (из ножен меч)...» [ЛБ I, с. 647]; «тур. *сырык* пика, жердь... (монг. *ширук*)» [ЛБ I, с. 699]; «алт. *šölüzün* (ү) рысь (монг. *шілегүсүн*)» [ЛБ I, с. 676]; «кир. *мый* кошка... (монг. *мигуй*)» [ЛБ II, с. 271]. Отсюда видно, что при подразумеваемой семантической близости и фонетической схожести приводимые монгольские параллели имеют известные отличия (фонетические, грамматические, иногда семантические) от иллюстрируемого тюркского слова. По-видимому, это те случаи, когда Л. Будагов предпочитал ограничиться типологическим сравнением, не пытаясь установить источник заимствования.

Тюрко-монгольские сопоставления Л. Будагов приводил как на корневом уровне, так и на уровне вторичных образований. Подача явного монголизма и произведенного от него на тюркской почве глагола существенно различаются, невзирая на близость тюркской и монгольской аффиксальных словообразовательных моделей. Ср. «алт. *меке* (с монг.) обман, хитрость... *мекеле* (монг. *мекелеку*) обманывать, хитрить, соблазнять» [ЛБ II, с. 274].

Лишь в известной части случаев Л. Будагов прямо говорит о родстве тюркских и монгольских лексем, см. «дж. тат. *мангла*, кир. алт. *maqlaj* (сродно с монг.)» [ЛБ II, с. 198], «кир. *sadaq*, ... алт. *саадак* (сродно с монг.)... колчан» [ЛБ I, с. 697].

* * *

«Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» Л. Будагова явился выдающимся достижением тогдашней тюркской лексикографии, определившим дальнейший ее прогресс. Словарь этот, безусловно, оказал большую помощь В. В. Радлову при составлении его четырехтомного «Опыта словаря тюркских наречий» (В. В. Радлов в значительной мере опирался, например, на словник Л. Будагова).

Словарь во многом опережал лексикологические и лексикографические разработки в тюркологии XIX века. Создавая свой Словарь и не притязая на развитие общей теории, стремясь в принципах построения Словаря следовать В. И. Далю и находя собственные решения в подаче лексического материала, Л. Будагов выступил как пионер тюркской лексикологии и лексикографии, открывая для них подступы к новому направлению исследования — компаративистскому. В практике своей работы он фактически ставил совершенно новые для тогдашнего тюркского языкознания проблемы, такие, например, как собирание тюркской идиоматики с подбором синонимичных фразеологизмов; изучение разноязычных заимствований, в том числе русизмов, в тюркских языках и, наоборот, тюркизмов и прочих ориентализмов (проникших через посредство тюркских языков) в русском языке; исследование истории тюркских слов и выражений в тесной связи с историей обозначаемых ими реалий; проведение этимологических разработок различных типов.

Словарь Л. Будагова, переизданный в 1960 году фотомеханическим способом, давно уже стал библиографической редкостью. Для новых поколений тюркологов, занимающихся лексикологией и лексикографией (в том числе этимологией и фразеологией, историей тюркских слов и выражений, историей заимствований в тюркских языках и тюркизмов в русском языке, ономастикой, равно как и фольклором, этнографией, историей тюркоязычных народов), было бы крайне полезно новое переиздание «Сравнительного словаря турецко-татарских наречий».

зую
жен
ном
фор
(мэ
евим
рын

леж
ност
жес
ного
эти
разо
афф
фик
(онл
ребл
реде
ной
суш
-лар
обоз
бует
онун
Дан
упот
ср.:
кни
лар
вос

тель
ции
в эт
мес

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

С. А. ВЕЛИЕВ

К ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ АФФИКСА ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА

Принадлежность считается грамматической категорией, характеризующей определенное отношение между предметом и лицом. Для выражения этого отношения, свойственного всем трем лицам в единственном и множественном числе, исторически образовался специальный формант, который выделяет обладателя предмета и по лицу, и по числу (*мэним евим* 'мой дом', *сэнин евин* 'твой дом', *онун еви* 'его дом'; *бизим евимиз* 'наш дом', *сизин евиниз* 'ваш дом', *онларын еви* 'их дом', *онларын евлэри* 'их дома').

За исключением 3-го лица множественного числа, аффиксы принадлежности во всех остальных формах полностью сохранили регулярность согласования с обладателем в лице и числе. В третьем лице множественного числа эта регулярность нарушается. В отличие от архаичного показателя числа 3, указывающего только на число и образующего эти аффиксы (по нашему мнению, этот элемент участвовал также в образовании местоимений *биз* 'мы' и *сиз* 'вы') и окаменевшего в составе аффиксов принадлежности 1-го и 2-го лица множественного числа, аффикс *-лар/-лэр* образовал множественное число местоимения 3-го лица (*онлар* 'они'), но не стал аффиксом принадлежности этого лица. Употребляясь с именами существительными, этот аффикс обозначает неопределенное множество предметов и поэтому функционирует как основной грамматический признак категории числа. Присоединяясь к имени существительному перед аффиксом принадлежности 3-го лица, аффикс *-лар/-лэр* выражает множественное число не данного лица, а предмета, обозначаемого именем существительным. Именно это положение требует употребления таких грамматических форм, как *онун еви* 'его дом', *онун евлэри* 'его дома', *онларын еви* 'их дом', *онларын евлэри* 'их дома'. Данные значения выражаются в том случае, если указанный аффикс употребляется в словах с аффиксами принадлежности 1-го и 2-го лица; ср.: *китабларым* 'мои книги', *китабларын* 'твои книги', *китаблары* 'его книги'; *китабларымыз* 'наши книги', *китабларыңыз* 'ваши книги', *китаблары* 'их книги'. Существуют примеры, когда множественность 3-го лица воспринимается только по аналогии.

Можно полагать, что слово *о* (*ол*) возникло вначале как указательное местоимение и только впоследствии, в результате субстантивации, стало употребляться и в значении личного местоимения. Видимо, в этом и заключается причина его отличия от множественного числа местоимений 1-го и 2-го лица и аффиксов принадлежности последних.

Основываясь на парадигмах аффиксов принадлежности, можно за-

ключить, что данные аффиксы в тюркских языках, в том числе в азербайджанском, восходят к личным местоимениям.

Адекватность фонетической структуры и семантическая близость аффиксов принадлежности 1-го и 2-го лица единственности и множественности с соответствующими личными местоимениями и позволили прийти к заключению о генезисе этих аффиксов. Что касается происхождения аффикса принадлежности 3-го лица, то отсутствие внешнего тождества между ним и личным местоимением 3-го лица явилось причиной того, что происхождение аффикса принадлежности этого лица (-ы, -и, -у, -ү) все еще остается спорным.

В преобладающем большинстве тюркских языков при присоединении данного аффикса к основам с конечным гласным перед ним появляется согласный -с-, а перед падежным аффиксом — согласный -н-, что приводит к образованию формы -сын, -син, -сун, -сүн. Именно данное обстоятельство (то есть превращение аффикса принадлежности, состоящего из одного гласного звука, в определенной позиции в «трехзвучный аффикс» -сын) способствовало возникновению различных версий относительно его происхождения. Так, например, В. В. Радлов, исходя из сложной звуковой структуры данного аффикса, возводил его к самостоятельному слову, существующему и ныне в татарском языке в форме сын в значении «образ», «изображение»¹. В. Л. Котвич в работе, посвященной местоимениям в алтайских языках², считает этот аффикс проекцией родительного падежа монгольских указательных местоимений: *in-и* 'этого' и *čip-и* 'того'. Н. К. Дмитриев ограничился указанием на необоснованность утверждения, что (-ын), *н*, присоединяемый к аффиксу принадлежности в процессе изменения по падежам, является остаточным элементом аффикса родительного падежа или «соединительным» согласным³. Э. В. Севортян, не признавая вообще связи аффиксов принадлежности всех трех лиц с личными местоимениями, высказал предположение, что аффикс 3-го лица восходит к «специальному местоимению» сын (*алсын* 'пусть возьмет', *кэлсин* 'пусть придет'), которое сохранилось в форме повелительного наклонения⁴. В. А. Богородицкий указал на аналогичность звука *с*, возникающего перед аффиксом принадлежности 3-го лица при присоединении его к словам с конечным гласным и звуком *с* аффикса будущего времени в отрицательной форме, а также со звуком *с* в причастии будущего времени (-асы, -эси)⁵. Б. А. Серебренников, разделяя это мнение, дает свое объяснение появлению *с* в составе аффикса принадлежности. По его мнению, употребление формы типа *барасі* наряду с формами 1-го и 2-го лица (*барасім*, *барасін*) создавало впечатление, будто она содержит особый аффикс принадлежности *сі*. Иначе говоря, произошло переразложение: элемент *с* показатель будущего времени был отнесен к аффиксу принадлежности -і и затем стал регулярно присоединяться к основам на гласный⁶. В одной из последующих работ Б. А. Серебренников и Н. З. Гаджиева дают сле-

¹ W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neice Folge, SPb., 1897, стр. 73—74.

² W. Kotwicz. Les pronoms dans les langues altaïques. Kraków, 1936, стр. 52—53.

³ Н. К. Дмитриев. Категория принадлежности. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II, М., 1956, стр. 33.

⁴ Э. В. Севортян. Категория принадлежности. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II, М., 1956, стр. 42.

⁵ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953, стр. 162.

⁶ Б. А. Серебренников. Тюркологические этюды. II. К проблеме происхождения *с* в варианте притяжательного суффикса 3-го лица единственного числа -sy (-si). — «Вопросы тюркологии», М., 1971, стр. 114—115.

дующее объяснение этому факту: «Происхождение варианта аффикса *-сы* может быть легко объяснено. Совершенно очевидно, что наличие только одного варианта *-ы*, *-и* могло в ряде случаев вызвать так называемое зияние стечение двух рядом стоящих гласных типа *ана-ы* 'его мать', *ата-ы* 'его отец' и т. д.). Для устранения зияния был необходим буферный согласный. В тюркских языках существовал выделительный аффикс *-сы/-си*, ср. тат. *қа-җ-сы*, который из них, узб. *қаж-сы*, кум. *қаж-сы* и т. д. Это выделительное *-сы/-си* и было использовано для создания второго варианта прит. аффикса 3 л. ед. и мн. ч., устраняющего зияние»⁷.

Сравнительное исследование показывает, что элемент *с* в тех тюркских языках, в которых употребляется *-сы/-си*, второй вариант аффикса принадлежности 3-го лица, появляется в основном в интервокальной позиции. Думается, что этот элемент как исторически, так и в современных тюркских языках возникает между основой на конечный гласный и аффиксом принадлежности 3-го лица, выполняя функцию буфера. Поэтому элемент *с* не может рассматриваться как компонент аффикса принадлежности.

Что касается слова *каҗ-сы*, приведенного для сравнения Б. А. Серебренниковым и Н. З. Гаджиевой, то следует сказать, что и здесь элемент *с* выполняет ту же функцию буфера. Употребление в древних и восточных тюркских языках вариантов *каҗ ~ кају ~ кану* 'какой', *каҗси ~ кајусі ~ канісі* 'который' лишний раз подтверждает это⁸.

Представляет интерес схема, предложенная Ф. Г. Исхаковым, выявляющая исторические этапы морфологического развития этого вопросительного местоимения (1. *кай*, 2. *кай-ы* > *кайы*, 3. *кайы-сы* > *кайсы*)⁹.

Одна из интересных особенностей, связанных с аффиксом принадлежности 3-го лица, заключается в том, что при склонении слов с этим аффиксом перед падежными аффиксами появляется согласный *н* (*атасы-н-ын* 'его отца', *атасы-н-а* 'его отцу', *атасы-н-ы* 'его отца', *атасы-н-да* 'у его отца', *атасы-н-дан* 'от его отца'; *еви-н-ин* 'его дома', *еви-н-ә* 'его дому', *еви-н-и* 'его дом', *еви-н-дә* 'в его доме', *еви-н-дән* 'от его дома').

Во всех тюркских языках, за исключением среднеазиатской группы (чагатайский, узбекский, современный уйгурский), в косвенных падежах вместо аффикса *-ы* и *-сы* употребляются *-ын* и *-сын*¹⁰.

Если с явно выступает как буферный согласный при стыке двух гласных¹¹, то этого нельзя сказать о *н*, возникающем между аффиксами принадлежности и падежа. В данном положении *н* лишен всякого грамматического значения в связи с тем, что он не входит в состав аффикса принадлежности 3-го лица. Поэтому на первый взгляд создается впечатление, что *н* здесь посторонний элемент. Выше уже приводилось мнение В. В. Радлова и В. Л. Котвича по данному вопросу. По мнению В. А. Богородицкого, «...корневое *н* личных местоимений, сохранившееся перед окончанием в местном и исходном падежах, распространилось путем аналогии на членное притяжательное склонение 3-го лица, получив-

⁷ Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979, стр. 101.

⁸ А. М. Шербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). Л., 1977, стр. 132.

⁹ Ф. Г. Исхаков. Местоимения.—В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II, М., 1956, стр. 240.

¹⁰ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 33.

¹¹ Там же.

шее также и перед окончаниями названных падежей»¹². Н. К. Дмитриев этот архаический элемент тюркских языков назвал «факультативным» и, учитывая его наличие в монгольском языке, типологически близком тюркским языкам, пришел к заключению, что первичная форма аффикса принадлежности 3-го лица, вероятно, представляла собой форму с *н*, вернее с *-ын*, *-ин*, *-ун*, *-үн* (после согласных) и *-сын*, *-син*, *-сун*, *-сүн* (после гласных)¹³.

По мнению А. М. Щербака и некоторых других тюркологов, аффикс принадлежности 3-го лица на ранней стадии имел форму *-ын* и произошел от древнего лично-указательного местоимения *-ын/-ин*¹⁴. Для обоснования своего предположения А. М. Щербак ссылается на то, что это местоимение участвует в образовании наречия и имени прилагательного (в древнетюркских языках *ынару*, в тувинском языке *ында* и т. д.)¹⁵.

Надо отметить, что некоторые из этих слов, встречающихся в письменных памятниках и в диалектах азербайджанского языка, образовались от местоимения *ан(ол)*. Например: *Додагын гәнд имиш, бал анда нејләр*; *Нә назик хәтт имиш, хал анда нејләр* (Насими) 'Твоя уста, как сахар, что тогда делать меду; Как изящны брови, что тогда делать родинке'. *Бир аз а н а р ы дур көрүм, а бала* (Товуз)¹⁶ 'Встань немного дальше, детка'.

По Б. А. Серебренникову и Н. З. Гаджиевой, местоимение *ын/ин* в именительном падеже нигде не встречается, и только в некоторых тюркских языках сохраняются его следы в составе нескольких наречий. Это местоимение, являющееся корнем указанных слов, они правомерно называют аблаутным вариантом местоимения *ан*¹⁷. Нам представляется, что *ол/ал/ул/ыл*, употребляемый в древних и современных тюркских языках, является аблаутным вариантом местоимения *он/ан/ун/ын*.

В лингвистических работах по различным тюркским языкам¹⁸ элемент *н*, употребляемый как составной компонент аффикса принадлежности 3-го лица перед падежными аффиксами, рассматривается либо как остаток аффикса родительного падежа в «двойном склонении», либо как «соединительный *н*»¹⁹.

В ряде работ согласный *н* в указанной позиции рассматривается как аффикс винительного падежа: «...У винительного падежа имеется также форма на *-н*, которая употребляется со словами, обозначающими принадлежность... Этот аффикс, встречающийся в основном в устной речи, употребляется также в современном якутском языке. В преобладающем большинстве тюркских языков (в туркменском, азербайджанском и т. д.) он следует за аффиксом принадлежности 3-го лица»²⁰.

По мнению Э. В. Севортяна, в большинстве тюркских языков после аффикса принадлежности 3-го лица в качестве грамматического показателя винительного падежа употреблялся и аффикс *-(ы)н*, рассматри-

¹² В. А. Богородицкий. Указ. раб., стр. 153.

¹³ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 33.

¹⁴ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 77—78.

¹⁵ Там же, стр. 78.

¹⁶ «Азәрбајҹан дилинин диалектоложу лугәти», Бақы, 1964, стр. 36.

¹⁷ Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. Указ. раб., стр. 100.

¹⁸ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 33.

¹⁹ Г. И. Мирззада. Азәрбајҹан дилинин тарихи морфоложијасы. Бақы, 1962, стр. 37; А. М. Дәмирчизадә. Мүасир Азәрбајҹан дили. Бақы, 1972, стр. 141; М. Һүсейнзадә. Мүасир Азәрбајҹан дили. Бақы, 1973, стр. 134; «Мүасир Азәрбајҹан дили», II ч., Бақы, 1980, стр. 160 и т. д.

²⁰ «Мүасир Азәрбајҹан дили», стр. 57.

ваемь
если
ного
основ
(-и, -
аффи
атась

С
падеж
сти в
набл
стане

К
надле
явлен
цах. I
г а н
алма
—дед

Казан
«Оте
за кр

Г
фикс
ады
учуна
А та
белоб
себе
стье

Д
новен
друг
Н э ф
свое
недо
Багл
свои

С
стоя
преж
лекте
вини
сти с
лица
—нет
ника
такой
турно
ние н
П
какой

ваемый как древняя форма²¹, однако при этом возникает вопрос: если *н*, употребляемый в этой позиции, являлся аффиксом винительного падежа, то была ли необходимость в присоединении после него основного грамматического показателя этого падежа — аффикса *-ы* (*-и, -у, -ү*)? В действительности же после согласного *н* в этой позиции аффикс винительного падежа легко восстанавливается (*евин—евини, атасын—атасыны* и т. д.).

Объясняется это тем, что аффиксы родительного и винительного падежей, располагавшиеся после аффиксов принадлежности, в древности во многих тюркских языках иногда выпадали. Особенно часто это наблюдается в памятниках азербайджанского языка, например в дастане «Китаби Деде Коргуд».

Как правило, выпадение падежного аффикса после аффикса принадлежности связывается с 3-м лицом. В письменных памятниках это явление отмечается после аффиксов принадлежности во всех трех лицах. Например: *Көлкәлиңә габа ағачым кәсән Газан... Бычаг алыб ганатларым ғыран Газан... Чобан аҗдыр:—Ағам Газан, сән евин алмага кедирсән, мән дәхи гарындашым ганын алмага кедирәм* —деди («Китаби Дәдә Коргуд») 'Мое тенистое крепкое дерево ты срубил, Казан... Взяв нож, ты подрезал мне крылья, Казан... Пастух говорит: «Отец мой, Казан, ты идешь выручать свой дом, я тоже иду отомстить за кровь моих братьев»'.

Подобное явление обнаруживается и при употреблении слов с аффиксом принадлежности в родительном падеже: *Ағ саггаллы бабан ады нәдир?.. Авчылардан аҗры, дөлбәнди богазына кечди, ордусу учуна кәлди... Бәри кәлчил. Башым бахты. Евим тахты... Атам, анам вердији...* («Китаби Дәдә Коргуд») 'Как имя твоего белобородого отца?.. Отделился от охотников, спустил повязку чалмы себе на шею, пришел к переднему краю своей орды... Приди сюда, счастье моей головы, опора моего жилища... данный мне отцом и матерью'.

Данная особенность представляет собой наглядный пример проникновения нормы разговорной речи в язык поэзии. Это характерно и для других письменных памятников: *Нәфсин ким ки, билди, булди нәги, Нәфсини билмәҗәнләр олди шәги* (Нәсими) 'Тот, кто ценил, возвысил свое достоинство, тот постиг бога, овладел истиной. А тот, кто вел себя недостойно, обрек себя на несчастье'. *Чајлар буланды, јыхды арыхын, Бағлар ағачы көҗәртди шахын* (Хәтаи) 'Реки забурили и размыли свои русла. В садах зазеленели деревья'.

Отмеченный процесс столь же интенсивно продолжается и в настоящее время, особенно наглядно это проявляется в разговорной речи, прежде всего в диалектах и говорах. Например, в шемахинском диалекте после аффикса принадлежности 3-го лица, как правило, аффикс винительного падежа эллиптируется, и в конце аффикса принадлежности сохраняется *н* — древний составной компонент местоимения 3-го лица (*Гардашын көрдүм, анасын јох* 'Брата его увидел, а мать —нет'). Согласный *н* в конце слов типа *евин, атасын, китабын (онун)* никакой прямой связи с винительным падежом не имеет. Не случайно, такой способ выражения для современного азербайджанского литературного языка не характерен, и именно поэтому требуется восстановление нормативной грамматической формы (*евини, атасыны, китабыны*).

При наличии в языке стабильного грамматического показателя какого-либо падежа закономерно отпадает необходимость еще во вто-

²¹ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 52.

ром грамматическом показателе. Следовательно, в данной позиции *н* не является аффиксом винительного падежа. В силу того, что этот *н* этимологически связан с местоимением 3-го лица и аффиксом принадлежности, его следует рассматривать именно с приведенной точки зрения.

А. М. Щербак по данному поводу приходит к следующему выводу: «Аффиксы принадлежности восходят к предикативным показателям, а предикативные показатели — к личным и лично-указательным местоимениям»²². Исходя из этого, А. М. Щербак категорически заявляет, что аффиксы принадлежности 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа произошли от этих личных местоимений. Полагаем, что этот вывод вполне правомерен. Что же касается аффикса принадлежности 3-го лица, то его происхождение А. М. Щербак рассматривает с совершенно иных позиций. Правда, он утверждает, что в древнетюркском языке и в 3-м лице, как в первых двух лицах, лично-указательное местоимение *ол* выполняло функцию предикативного показателя. Для обоснования этого положения он приводит примеры из «Дивана» Махмуда Кашгари (*ол эвгä бармйш ол; ол таварйн сатйглы ол* и т. д.), из тувинского и хакасского языков. Первоначально употребляемое как указательное местоимение, *ол* впоследствии заняло место в одном ряду с местоимением *мән* и *сән*. В то же время А. М. Щербак замечает, что указанный процесс начался довольно поздно, и в функции предикативного показателя эта форма не получила распространения. Исходя из такого предположения, А. М. Щербак приходит к следующему заключению: «Поэтому возводить к нему (местоимению *ол*. — С. В.) аффикс принадлежности 3-го лица не имеет смысла. Очевидно, существовал другой прототип, входивший в разряд личных местоимений на уровне праязыка или протоязыка»²³.

Таким образом, А. М. Щербак и некоторые другие тюркологи стараются связать происхождение аффикса принадлежности 3-го лица с предполагаемым указательным местоимением *ын*. В действительности же форма *атын* (*онун аты* 'его конь'), *инайын* (*онун инаји* 'его королева')²⁴ никогда не существовала, поэтому Б. А. Серебренников и Н. З. Гаджиева совершенно правомерно определяют элемент *ын* как аблаутный вариант местоимения *ан*²⁵.

Что же собой представляет *н*, располагающийся между основой и падежным аффиксом при склонении местоимений *бу*, *шу*, *о* и слов с аффиксом принадлежности 3-го лица (вообще при употреблении с любым аффиксом), который в большинстве случаев определяют как соединительный, «облегчающий произношение», даже как аффикс винительного падежа? Каково его происхождение?

Неоспорим тот факт, что в современных тюркских языках местоимение 3-го лица имеет параллели *о//ол//ал//ул//ыл*²⁶.

Если взять за основу форму, предложенную Б. А. Серебренниковым и Н. З. Гаджиевой²⁷ в качестве первичной парадигмы личных местоимений, то можно заключить, что в древнетюркском языке местоимение 3-го лица употреблялось в форме *ол*. В тюркских языках гласные в кор-

²² А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 76.

²³ Там же, стр. 77—78.

²⁴ Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. Указ. раб., стр. 100.

²⁵ Там же.

²⁶ Ф. Г. Исхаков. Указ. раб., стр. 213.

²⁷ Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. Указ. раб., стр. 139.

ных слов вообще весьма устойчивы, а гласный местоимения *ол* изменился, и в результате возникли аблаутные варианты *ал*, *ул*, *ыл*, сохранившиеся и в современных тюркских языках. Примечательно, что изменение гласного наблюдается и в составе других личных местоимений, особенно изменение звука *а* в направительном падеже местоимений 1-го и 2-го лица (в единственном числе этих лиц); например: тур. *ben—bana*; *sen—sana*; туркм. *мен—мана*, *сен—сана*; каз. *мен—маган*, *сен—саган*; хакас. *мин—мага*, *син—сага*; уйг. *мэн—мана*, *сэн—сана*; гаг. *бен — бана*, *сен—сана*²⁸ и т. д. Следует заметить, что в киргизском языке местоимение 3-го лица в именительном падеже имеет форму *ал*, *алар*, в татарском языке во множественном числе употребляется *алар*. Э. В. Севортян, исходя из этого факта, приходит к выводу, что вариант на *а* более древний, а на *о* — поздний. Поэтому варианты киргизского и тувинского языков следует считать более древними²⁹. Б. А. Серебренников и Н. З. Гаджиева это изменение считают возникшим в результате аналогии и, отмечая местоимение *ана* ('вот тот') в некоторых тюркских языках (например, в казахском), пишут, что, «поскольку местоимение *ол* в косвенных падежах имеет форму *он*, близость значений этих местоимений послужила причиной того, что произошло некоторое приравливание основы *он* к основе *ана*, в результате чего произошло изменение *он* в *ан*»³⁰.

По мнению некоторых тюркологов, местоименная основа *ол* использовалась для указания на более отдаленные предметы. Вероятно, структура этой основы состоит из двух компонентов — самой местоименной основы (*о*) и неизвестного дейктического усилителя *л*³¹.

Диахроническое исследование тюркских языков показывает, что личные и указательные местоимения по существу составляют одну лексико-грамматическую группу³², то есть они аналогичны. Исходя из сходства между личными местоимениями *be*, *se* и указательными местоимениями *bu*, *şu*, было высказано предположение³³, что если личные местоимения не являются прямыми дериватами указательных и субстантивированных местоимений, то они должны быть генетически «непосредственно связаны с общим процессом развития указательных (определительных), притяжательных и субстантивно-личных, а также лично-притяжательных местоимений»³⁴. Эта связь ясно прослеживается на примерах местоимения 3-го лица *о* (*ол*) и указательного местоимения *о* (*ол*), *бу*, *шу*. Эти местоимения исторически были столь близки, что определенное изменение, происходившее в одном из них, по аналогии переходило и на другие. Например, когда *ол* (как личное, так и указательное местоимение) приняло аффикс, то оно, как правило, стало употребляться в форме *ан*/*он*. Под влиянием аналогии это изменение произошло и в место-

²⁸ Указанное изменение гласного и ныне встречается в некоторых диалектах азербайджанского языка.

²⁹ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Т. I, М., 1974, стр. 445.

³⁰ Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. Указ. раб., стр. 137.

³¹ Это предположение А. Габен взято нами из указанных работ А. М. Щербака (стр. 125) и Б. А. Серебренникова и Н. З. Гаджиевой (стр. 135).

³² А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 124.

³³ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 174.

³⁴ Н. А. Баскаков. О соотношении значений личных и указательных местоимений в тюркских языках. — Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, 1951, № 1, стр. 136.

имениях *бу, шу*. Кстати, этот процесс продолжается и в настоящее время. Как отметил Э. В. Севортян, в тюркских языках *бу, шу, о* являются указательными местоимениями, получившими широкое распространение только в именительном падеже. В остальных случаях, как правило, восстанавливается элемент *н*³⁵.

Из сказанного ясно, что при употреблении местоимения 3-го лица *ол* с различными морфологическими показателями, как правило, дейктический элемент *л* в его составе заменяется элементом *н*. Гласная основа этого местоимения не была устойчивой и, подвергаясь изменению, употреблялась в тюркских языках в вариантах *о, а, у, ы*. Это изменение, безусловно, распространилось на данное местоимение и при употреблении его в роли аффикса принадлежности. Изменение основы этого местоимения, выступающего в функции аффикса принадлежности, создало условие для его сингармонического варьирования или аффиксации. И здесь, по-видимому, основную роль сыграла аналогия: вслед за аффиксами принадлежности 1-го и 2-го лица, варьировавшимися закрытыми гласными, стал варьироваться закрытыми гласными и аффикс принадлежности 3-го лица. Разница при этом заключается в том, что закрытые гласные аффиксов принадлежности 1-го и 2-го лица в соответствии с законами гармонии выступают в функции буферных гласных, в то время как эти же гласные в 3-м лице, образуя варианты, составляют также основу аффикса. Можно предположить, что подобное условие лишило гласный *о* возможности образовать аффикс.

Генетическую связь аффикса принадлежности 3-го лица с местоимением *о (ол—ан)* можно видеть и в том, что *н* восстанавливается не только при склонении местоимения (*о, он-ун, он-а, он-у, он-да, он-дан*), но и при склонении слов с аффиксом принадлежности 3-го лица (*еви, евин-ин, евин-э, евин-и, евин-дэ, евин-дэн; атасы, атасын-ын, атасын-а, атасын-ы, атасын-да, атасын-дан*).

Переход *о* в *а*, как и *л* в *н* с фонетическими факторами не связан. Употребление местоимения *ол* в форме *ан* или *он* путем изменения *л→н* может быть результатом аналогии (ср.: *мэн, сэн, ан, он*).

Таким образом, аффикс принадлежности 3-го лица произошел от местоимения *ол (ан)*. Элемент *н*, дополнительное употребление которого в различных позициях отмечалось выше, восходит к согласному *Л (н)*, входившему в состав местоимения *ол (он)* в древнетюркском языке.

³⁵ Э. В. Севортян. Указ раб., стр. 42.

М. Ф. ЧЕРНОВ

ГЛАГОЛЬНЫЕ ИДИМАТИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящее время в языкознании установилось мнение, что идиоматические сочетания — это несвободные соединения слов, определяющим признаком которых является неразложимость их семантики, то есть идиоматичность¹. Этот признак обуславливает и другую важную особенность соединений слов рассматриваемого типа — соотносительность по смысловому содержанию с тем или иным лексико-грамматическим рядом слов².

В современном чувашском языке можно выделить по соотнесенности с той или иной частью речи четыре семантико-грамматических типа идиоматических сочетаний: субстантивные, адъективные, адвербиальные и глагольные.

Настоящая статья посвящена функциональной и структурно-семантической характеристике глагольных идиоматических сочетаний современного чувашского языка.

Глагольные идиоматические сочетания, как и другие структурно-семантические типы фразеологизмов, в зависимости от выполняемой функции в языке подразделяются на две группы: 1) глагольные идиоматические сочетания с номинативной функцией и 2) глагольные идиоматические сочетания с экспрессивно-оценочной функцией. Основное назначение идиоматических сочетаний первой функциональной группы заключается в обозначении действия и состояния и в выражении значений, связанных с этими действиями или состояниями. Эти значения, как правило, не отличаются коннотативностью. Номинативные глагольные идиомы — это так называемые безобразные фразеологизмы. Сфера использования глагольных идиом с назывной функцией уже, нежели субстантивных с той же функцией. Эти сочетания слов в основном высту-

¹ Об изучении тюркской фразеологии см.: З. Г. Ураксин. Фразеология башкирского языка. М., 1975, стр. 3—9; М. Ф. Чернов. Изучение тюркской фразеологии в работах советских тюркологов. — «Советская тюркология», 1978, № 1, стр. 85—95; его же. Изучение фразеологических единиц в тюркологии. — В сб.: «Чувашский язык и литература. Труды», вып. 59, Чебоксары, 1975, стр. 40—90.

² В. П. Жуков. Семантика фразеологических оборотов. М., 1978, стр. 8; А. И. Молотов. Основы фразеологии русского языка. Л., 1977, стр. 126—150; З. Г. Ураксин. Указ раб., стр. 53—82; В. Т. Бондаренко. О соотнесенности фразеологических единиц и частей речи в современном русском языке. — В сб.: «Вопросы теории и истории русского языка», вып. 4, Калуга, 1971, стр. 113—117; В. Н. Гришанова. Фразеологические единицы в их соотнесенности с частями речи в русском языке. — «Русский язык в школе», М., 1981, стр. 94—98; и др.

пают номинациями действий, связанных с хозяйственно-бытовой деятельностью человека: *алă (ал) пус* 'подписать, расписать' (букв. 'руку приложить'), *шыва кёрт* 1) 'искупать кого-либо', 2) (церк.) 'крестить, совершить обряд крещения' (букв. 'заставить войти в воду'), *алла вёрент* 'приручить (животного)' (букв. 'приучить все время находиться на руках'), *киле кёр* 1) 'войти в дом, стать зятем', 2) 'проводить обряд посещения невестой родни перед свадьбой' (букв. 'войти в свой дом'), *серем кас* 'поднимать новь, целину' (букв. 'резать дерн'), *кус пăв* 'гипнотизировать' (букв. 'душить глаза').

Глагольные идиоматические сочетания второй функциональной группы совмещают в себе номинативную функцию с экспрессивно-оценочной при доминирующей роли последней. Они не только называют действия или состояния и отражают связанный с ними смысл, но содержат в себе и экспрессивно-оценочное, характеризующее значение, выражают отношение субъекта речи к сущности называемых действий. Это так называемые образные фразеологизмы.

Определение тематических групп глагольных идиоматических сочетаний с экспрессивно-оценочной функцией сопряжено с большими трудностями. В отличие от субстантивных идиоматизмов, семантические разряды которых относительно четко выделяются, глагольные идиомы в тематическом плане представляют собой чрезвычайно разнородную массу, и тематическое распределение глагольных идиоматических сочетаний, как и глаголов вообще, — задача нелегкая. Тем не менее выделение отдельных семантико-тематических разрядов глагольных идиом-фразеологизмов с рассматриваемой функцией возможно.

В современном чувашском языке имеется множество экспрессивно-эмоциональных глагольных идиом, ярко и образно характеризующих психическое состояние человека. К ним, в частности, относятся следующие: *алла ус* 'опустить руки', *айша сёмёр* 'огорчать кого-либо' (букв. 'душу ломать'), *пуца сёмёр (ват)* 'ломать голову', *кусран пăх* 'быть зависимым от кого-либо' (букв. 'смотреть в глаза'), *пите пёсерт* 'заставить краснеть' (букв. 'сжечь его лицо'), *пуца йытта хыв* 'притворяться' (букв. 'положить голову собаке'), *шăла сырт* 'сдерживать себя' (букв. 'стиснуть зубы'), *чун чёрне вёсне ситрё* 'душа ушла в пятки' (букв. 'душа дошла до конца ногтей').

Продуктивную семантическую группу составляют глагольные идиоматические сочетания, которые образно и эмоционально обозначают действия, определяющие поведение человека, его отношение к труду, людям, социально-общественной жизни и т. д. Например: *сынна си* 'распространять дурную славу о других' (букв. 'человека есть'), *сын аллипе кăвар турт* 'загрести жар чужими руками', *сине тăр* 'быть настойчивым, настойчиво добиваться', *хурапа шурра палла* 'разбираться в вещах' (букв. 'различать белое и черное'), *ёнсе синче лар* 'сидеть на чьей-либо шее', *чёлхине тутти витеймест* 'не может не сплетничать' (букв. 'у него губы не могут прикрывать язык'), *пус сине хăпарса лар* 'садиться верхом на кого-либо' (букв. 'взобраться, сесть на чью-либо голову').

Нередко та или иная черта в поведении человека характеризуется целой группой (синонимическим рядом) глагольных идиоматических сочетаний, весьма образно и точно характеризующих определенное действие лица с различных сторон. Так, например, в чувашском языке для образного выражения значения «бездельничать» существует большое количество идиоматизмов, каждый из которых отличается своеобразием присущих ему экспрессивно-эмоциональных оттенков: *алла ярса тăр* 'оставаться праздным, не работать' (букв. 'стоять, опустив руки'),

кёл
горох
плев
(бук
'лент
сёр
(
ко оч
ское
дейс
гой в
моги
шего
чёр
П
образ
ных
дате
чувс
(умн
сăкă
кур
цы с
ура
П
оцен
ном
соот
идио
разви
конк
П
мног
знач
общ
П
чаем
ские
мер:
собой
сёр
омы,
леть,
(бук
(сил
З
тани
гола
реде
ной с
дейс
устой
доват
5*

кĕл пăрсине суйла 'бить баклуши. бездельничать' (букв. 'перебирать горох в золе'), *маччана сурса вырт* 'плевать в потолок' (букв. 'лежать и плевать в потолок'), *урлă выртана тăрăх илсе ан хур* 'ничего не делать' (букв. 'не взять и переложить то, что лежит поперек'), *хăяккăн вырт* 'лентяйничать, бездельничать' (букв. 'лежать на боку'), *ухмаха сутса сĕре* 'слоняться без дела' (букв. 'ходить, валяя дурака').

Среди экспрессивно-оценочных глагольных идиом сравнительно четко очерчивается круг словесных соединений, характеризующих физическое состояние человека, указывающих на характер его определенных действий или состояний: *вилĕм тăпри сине пусса тăр* 'стоять одной ногой в могиле' (букв. 'стоять, наступая ногой на могильный холм или могилу'), *тăр-тăр чĕппи тыт* 'мерзнуть, зябнуть' (букв. 'поймать дрожащего птенца'), *ураран йĕк* 'валиться с ног; занемочь, слечь от недуга', *чĕре сурти ту* 'заморить червяка', *юн тăк* 'лить (проливать) кровь'.

Целую группу составляют глагольные идиоматические сочетания — образные, экспрессивно-эмоциональные обозначения действий, характерных для сферы общественно-производственной и хозяйственно-бытовой деятельности человека. Например: *алăсăр хăвар* 'причинить кому-либо чувствительный урон' (букв. 'оставить кого-либо без рук'), *сут умĕнче (умне) тăр* 'быть привлеченным к суду' (букв. 'стоять перед судом'), *сăкăр си* 1) 'есть чей-то хлеб', 2) 'жить в достатке', *тĕнче (тĕнче сүти) кур* 'все испытать' (букв. 'увидеть свет'), *хире-хирĕс ситер* 'сводить концы с концами', *хут сине лар* 'заниматься' (букв. 'сидеть на бумаге'), *ура сине тăр* 'встать на ноги'.

Рассматривая глагольные идиоматические сочетания с экспрессивно-оценочной функцией, нельзя не обратить внимания на то, что в абсолютном большинстве случаев они имеют отвлеченно-обобщенное значение и соотносятся с отвлеченной глагольной лексикой. Обобщенное значение идиоматических сочетаний представляет собой результат смыслового развития исходного значения свободных сочетаний слов, основанного на конкретно-образном представлении действительности.

Глагольные идиоматические сочетания являются двучленными или многочисленными образованиями, по категориальному, грамматическому значению и синтаксической функции соотносятся с глаголами и имеют общие с ними признаки.

Глагольные идиоматические сочетания, исходя из характера обозначаемого ими действия, как и глаголы, подразделяются на две тематические общности: 1) глагольные идиомы, обозначающие действия, например: *ура вырăнне пустар* 1. 'подчинить себе', 2. 'позволить ухаживать за собой' (букв. 'заставить наступить на след своей ноги'), *алăпа йăтса сĕре* 'носить на руках', *сил хăвала* 'гонять ветер' и 2) глагольные идиомы, обозначающие состояния, например: *вырăнна вырт* 'тяжело болеть, лечь в лежку' (букв. 'в постели лежать'), *хуп турттар* 'дрыгнуть' (букв. 'возить лубок'), *выртса йăвалан (йăван)* 'кататься по земле' (сильно выражать какое-либо чувство; букв. 'лежать и валяться').

Значение действия или состояния глагольные идиоматические сочетания выражают в основном в категориях и формах, свойственных глаголам. Однако в составе идиом формы глагольного словоизменения определяют сочетание в целом. Глагол в составе идиоматизмов, с одной стороны, придает им категориальное значение процессуальности действия, с другой — служит средством связи идиомы со словами или устойчивыми словесными комплексами в пределах высказываний. Следовательно, роль глагольного элемента в рассматриваемых соединениях

слов исключительно велика. Он здесь выступает, по существу основным элементом, оформляющим грамматическую семантику. Именно глаголы вносят в глагольные идиоматические сочетания всю совокупность форм и значений, присущих идиомам как семантически целостным единицам языка.

С характером категориальных свойств глагольных идиоматических сочетаний связана их синтаксическая роль. Глагольные идиоматизмы в предложении выполняют те же функции, что и глаголы. Наиболее типичной для них является функция сказуемого. Например: *Пысэк ёсе пёччен ан пусан: ён сёне хусян* (Ват. сам.) 'Не принимайся один за большое дело: шею сломаешь'. *Упайску пусяхуня вярсяра, ачусем сёресё аякра* (С. Ш.) 'Твой муж сложил голову на войне, дети твои находятся далеко'. — *Юрамасть! — кайшкёрса ячё савантах тиек.* — *Эсир мён патша указне сётсе явасшан-и?* (Турх.) 'Нельзя! — тут же закричал дьяк. — Вы хотите обсуждать указ царя?'

В роли других членов предложения глагольные идиоматизмы употребляются главным образом в неспрягаемых формах.

Наблюдения над глагольными идиоматическими сочетаниями показывают, что глагольный компонент в одних из них полностью, в других лишь частично сохраняет формы словоизменения. Учитывая, что формы словоизменения глагола в составе идиом — это формы изменения последних в целостном виде, анализируемые идиоматические сочетания соответственно можно подразделять на две группы: 1) глагольные идиомы-фразеологизмы с полной парадигмой и 2) глагольные идиомы-фразеологизмы с неполной парадигмой.

Глагольные идиомы-фразеологизмы с полной парадигмой участвуют в оппозициях по всем категориям и формам, свойственным глаголам. К ним, в частности, принадлежит соединение слов *ухмаха ер* 'сойти с ума'. Оно может иметь грамматические категории лица, числа, времени, залога, может выступать в неспрягаемых формах, а также в качестве имени действия: *ухмаха ер* 'сходить с ума' — *ухмаха ерет* 'сходит с ума' — *ухмаха ересё* 'сходят с ума' — *ухмаха ернё* 'сошел с ума' — *ухмаха ерсе* 'сходя с ума' — *ухмаха ерни* 'сумасшествие' (букв. тот, кто с ума сошел').

По-видимому, к глагольным идиоматическим сочетаниям с полной парадигмой следует отнести и такие, которые могут употребляться и в положительном, и в отрицательном аспектах, но в речевой практике предпочитается выражать один из названных аспектов. Так, например, идиома *алё ситер* 'удосуживаться' (букв. 'дотянуться рукой до чего-либо') бытует преимущественно в отрицательной форме: *Чылай колхозсенче сапса тёшёнён тырпула сийёнчех кирлё пек тасатса тата типётсе хума ал ситерей месё* (Комм. ял.) 'Во многих колхозах не удосуживаются незамедлительно как следует очистить и высушить обмолоченное зерно'. Употребление словесного сочетания *алё ситер* 'удосуживаться' в положительной форме встречается редко: *Яланах вёл савнашкал, — пур сёре те ал ситернё: салтаксен тёмји таран асёрханя, тёрёслёнё* (Хус.) 'Он всегда такой, — успевал (удосуживался) доходить до всего: замечал и пуговицы солдат, проверял'.

Глагольные идиоматические сочетания с неполной парадигмой характеризуются ограниченностью форм словоизменения, то есть они не могут участвовать во всех возможных оппозициях по категориям и формам, присущим глаголам. Данное свойство идиом рассматриваемой группы связано с характером их означаемых (десигнатов). Означаемые немалого числа глагольных идиом, как правило, связаны с таким дейст-

вием
теле
анал
разр
своб
(ку
ном
пред
сен
глот

форм
'на
хун
смен
умер

глаго
отри
вой
мати
не ес
ское
в яз
занн
я ма
ниче

омы
друг
К их
знач
из 3
2) 'п
знач
жита
ку с
(Бур
стоя
анча
еще
омы
реал
кам
выв
ку с
глаз

непо
упот
упот
глаго
в ка
сод

вием, которое исключает отрицание, и существуют они в сознании носителей языка лишь в положительном аспекте. Поэтому попытка оформить анализируемые соединения слов в плане отрицания обычно приводит к разрушению их семантической структуры или к переводу в категорию свободных сочетаний. Так, например, идиома-фразеологизм *куссуль* (*куссульсене*) *çăт* 'глотать слезы' употребляется только в положительном аспекте, ибо его десигнат «стараться сдерживать плач, рыдание» предполагает именно этот аспект. Например: *Хёрарăмсем, куссульсене çăтса, ёсёклесе тăнă, арçынсем шăлёсене сыртнă* 'Женщины, глотая слезы, всхлипывали, мужчины стиснули зубы'.

К глагольным идиоматическим сочетаниям, бытующим только в формах положительного аспекта, относится еще *хăй* (*ху*) *çине алă хур* 'наложить на себя руки': *Шăхăл пуян каччă куличчен хăй çине ал хуни, сарăмсăр вилёмпе сёре кёни лайăхрах* (Юхм.) 'Чем быть посмешищем богатого парня Шыхыла, лучше наложить на себя руки и умереть неожиданной смертью'.

Нередко наблюдаются факты обратного порядка. В ряде случаев глагольные идиоматические сочетания функционируют лишь в формах отрицания. Это также связано с тем, что логико-грамматический основой их означаемых может быть лишь отрицательный аспект. Так, идиоматическое сочетание *ăша* (*çăвара*) *пёр хёлхем те ан яр* 'ничего не есть' (букв. 'в желудок или в рот ни одной крошки не пустить'; русское соответствие: «ни маковой росинки во рту не было») представлен в языке лишь в отрицательных формах, ибо он фиксирует значение, связанное исключительно с отрицанием: *Яра кунах ашине пёр хёлхем ямарё Яриле, никампа пёр сăмах каласмарё* (Уяр.) 'Яриле весь день ничего не ел, ни с кем не разговаривал'.

Отдельную группу составляют полисемантические глагольные идиомы, которые в одном значении употребляются в обоих аспектах, а в другом — бытуют либо в отрицательной, либо в положительной форме. К их числу относится сочетание: *куç* (*куçсене*) *уç*, имеющее следующие значения: 1) 'открыть (раскрыть) глаза кому-либо' (вывести кого-либо из заблуждения; помочь правильно понять истинное положение вещей), 2) 'проснуться (пробудиться) ото сна', 3) 'раскрыть тайну'. Во втором значении названное идиоматическое сочетание употребляется и в положительном, и в отрицательном аспектах: *Офицер темиçe сехет иртсен куçне уçрё. Умра тăракан боец иккёллё те виçсёллё курăнат* (Бурн.) 'Через несколько часов офицер открыл глаза. Фигура впереди стоящего бойца (в его глазах) двоится-троится'. *Хёвел тахçанах тухнă, анчах ачасем куçёсене уçман-ха* 'Солнце давно вошло, но дети еще не раскрыли глаз'. Что касается первого и третьего значений идиомы *куçа* (*куçсене*) *уç* 'открыть (раскрыть) глаза', то им свойственно реализоваться только в положительной форме: *Кам пире сутта кăларчё, кам пирён куçсене уçрё, кам пире сын евёрле турё?* (Хып.) 'Кто нас вывел в свет, кто открыл нам глаза, кто нас сделал людьми? Вăл ашишё куçне уçать' (Ашм.) 'Он раскрывает тайну отцу' (букв. 'раскрывает глаза отцу').

Таким образом, среди глагольных идиоматических сочетаний с неполной парадигмой четко выделяются две разновидности: 1) идиомы, употребляющиеся лишь в положительной форме, и 2) идиомы, употребляющиеся только в отрицательной форме. Функционирование глагольной идиомы в той или иной из названных форм зависит от того, в каком аспекте (положительном или отрицательном) закрепилось ее содержание в системе значимых единиц языка. Особое место в плане

выражения аспектуальности занимают многозначные глагольные идиоматические сочетания.

Глагольные идиоматические сочетания возникли в языке главным образом путем семантического переосмысления свободных сочетаний слов, то есть они генетически восходят к словосочетаниям и свободным предложениям. Закономерно поэтому, что идиомы рассматриваемого вида, с точки зрения грамматической структуры, совпадают со свободными сочетаниями слов. Выделяются два структурных типа анализируемых идиоматических сочетаний: 1) глагольные идиомы, соответствующие по структуре словосочетаниям, и 2) глагольные идиомы, соответствующие по структуре предложениям.

В глагольных идиомах первого структурного типа сохраняется порядок расположения компонентов, характерный для глагольных словосочетаний: определяющее слово (имя, наречие, глагол и др.) предшествует определяемому — глагольному слову. Учет этого основного закона словосочетания в глагольных сочетаниях, на наш взгляд, должен быть положен и в основу дифференциации идиом рассматриваемой структурной разновидности.

В зависимости от способа выражения первого (генетически определяющего) компонента глагольные идиомы, подобные по форме простым словосочетаниям, подразделяются на следующие три основные группы: 1) субстантивно-глагольные, 2) глагольно-глагольные и 3) адвербиально-глагольные.

В современном чувашском языке встречаются и глагольные идиоматические сочетания, первые компоненты которых выражены именами прилагательными, местоимениями, подражательными словами. Ввиду малой частотности таких идиоматизмов мы их здесь не рассматриваем.

Наибольшее распространение в современном языке получили субстантивно-глагольные идиоматические сочетания со структурой простых словосочетаний, в которых первый, именной, компонент выражается существительным в основном или дательно-винительном падеже. Это объясняется спецификой семантики стержневого, глагольного, компонента в глагольно-именных словосочетаниях, к которым восходят рассматриваемые идиомы-фразеологизмы. В чувашском языке, как и в других языках, во многих случаях глаголы имеют относительное значение и для полноты выражаемого ими смысла обязательно требуют словесного окружения³. При подобных глаголах это окружение большей частью состоит из имен существительных в основном и дательно-винительном падежах. Относительность значений глагольных слов в словосочетаниях обуславливает тесную семантическую связь между составляющими их компонентами. Вполне понятно, что такие словосочетания, как наиболее компактные, чаще всего использовались носителями языка в качестве вторичных номинаций фактов действительности. Например: *сил хăвала* 'ходить без дела, шататься, шляться' (букв. 'гонять ветер'), *пуç (пуçа) кас (кастар)* 'погубить кого-либо' (букв. 'отрубить голову'), *сиеле тух* 'взять (одержать) верх' (букв. 'выйти наверх, поверхность'), *танатана çаклан* 'попасть (попасться) в сеть (в сети)', *тётём сĕнтер* 'заставить вымереть' (букв. 'погасить дым').

Особо следует указать на одну характерную черту глагольных идиом. В их составе весьма употребительны существительные-соматизмы: *алă хур* 1) 'приложить руку', 2) 'бить (ударить) кого-либо' (букв. 'руку

³ В. В. Виноградов. Вопросы изучения словосочетания (на материале русского языка). — В кн.: В. В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975, стр. 237.

положить'), *пуҫа ҫавӑр* 'кружить голову', *пуҫа ус* 'вешать голову' (букв. 'голову опустить'), *шӑла ҫырт* 1) 'сердиться, но сдерживаться, чтобы не излить злобу', 2) 'прикусить язык, молчать' (букв. 'зуб кусать'), *кар-ланкӑна (пыра) йӗнет* 'промочить горло', *пилӗке ав* 'гнуть (ломать) спину' (букв. 'поясницу гнуть'), *куҫ йӗкер* 1) 'сглазить', 2) 'посмотреть, взглянуть на кого-либо' (букв. 'заставить глаз упасть'). Широкое употребление соматизмов в глагольно-именных идиоматических сочетаниях (как и в составе фразеологизмов вообще) обусловлено тем, что они как слова, обозначающие очень важные по функции органы, характеризуются высокой частотностью употребления. Разумеется, свободные сочетания слов, содержащие слова-соматизмы, часто переносятся на новые фрагменты действительности и становятся их номинациями.

Сравнительно небольшое место занимают в языке субстантивно-глагольные идиоматические сочетания, именные компоненты которых выражены формами других косвенных падежей: *хутаҫна кай* 'пойти по миру с сумой' (букв. 'пойти с сумой'), *тилхепере лар* 'править лошадь' (букв. 'сидеть в вожжах'), *ураран йӗк* 'свалиться с ног', *туртаран тух* 'не уметь удержаться в пределах одной темы' (букв. 'выйти из оглобель'), *ҫӑлтен ҫӑре* 'возгордиться' (букв. 'ходить по верху'), *алӑҫӑр хӑвар* 'причинить кому-либо чувствительный урон' (букв. 'оставить кого-либо без рук').

Состав субстантивно-глагольных идиоматических сочетаний со структурой простых словосочетаний пополняется за счет словосочетаний, идентичных по строению глагольным, компоненты которых связаны посредством служебных имен и послелогов. Служебные имена в таких идиомах чаще всего представлены в форме дательного, местного и исходного падежей: *ёнсе ҫине ларт* 'посадить кого-либо на шею', *куҫ умне йӗк* 'возникнуть (перед глазами)' (букв. 'падать перед глазами'), *ура ҫине пустар* 'опозориться' (букв. 'позволить наступить на свою ногу'), *шалҫа тӑрринче тӑр* 'висеть (держаться) на волоске' (букв. 'стоять на кончике кола').

Субстантивно-глагольные идиоматические сочетания рассматриваемой структуры с послеложным элементом встречаются редко: *сӑмса тӑрӑх пӑхтар* 'вести в смущение' (букв. 'заставить смотреть на нос'), *вут еитӗр кӑлар* 'заставить пройти сквозь огонь и воду' (букв. 'пропустить сквозь огонь'), *алӑ витӗр тух* 'пройти через руки'.

В чувашском языке довольно часто встречаются субстантивно-глагольные идиоматические выражения со структурой сложных словосочетаний. Они большей частью состоят из трех компонентов. Выделяются следующие две основные группы субстантивно-глагольных идиом рассматриваемого структурного типа: 1) «именное словосочетание — глагол» и 2) «имя существительное — глагольно-именное словосочетание».

Первая структурная группа субстантивно-глагольных идиом является наиболее продуктивной. В них второй, стержневой, компонент именного словосочетания в большинстве случаев находится в основном или дательно-винительном падеже: *йӗплӗ ҫамах хыптар* 'надуть, обмануть' (букв. 'заставить проглотить колючие клецки'), *енӗӗк теӗне якат* 'тратить деньги' (букв. 'обчистить дно кошелька'), *пӑшӑл (пӑшӑлти) пӑтти пӗсӗр* 'секретничать, шептаться, шушукаться' (букв. 'варить кашу шушуканья'), *пуш параннан ҫап (ҫаптар)* 'болтать языком' (букв. 'бить в пустой барабан'), *тип мунча кӗрт* 'задать баню кому-либо, дать жару кому-либо' (букв. 'помыть в сухой бане').

Трехчленные субстантивно-глагольные идиомы второй группы в языке встречаются сравнительно редко. В них именной компонент, сое-

диняющийся с глагольно-именным сочетанием слов, в основном употребляется в форме дательно-винительного падежа: *алла ирёке яр* 'дать волю рукам' (букв. 'пустить руку на волю'), *пуца вута чик* 'лезть в огонь' (букв. 'сунуть голову в огонь'), *пуца йытта хыв* 'притвориться (например, больным)' (букв. 'подложить голову собаке').

Субстантивно-глагольные идиоматические сочетания более сложной конструкции (четырёхкомпонентные, пятикомпонентные) в чувашском языке наблюдаются редко: *сунакан вутта (вучаха) су (крассын) сап* 'подлить масла в огонь' (букв. 'в горящий огонь или очаг масло или керосин подлить'), *тăр шыв сине кăлар* 'вывести на чистую воду', *пуç тăрне (сине) улăхса (хăпарса) лар* 'сесть на чью-либо голову' (букв. 'поднявшись, сесть на голову или на макушку головы'), *сут тенкелё (сакки) сине лар* 'сесть (попасть) на скамью подсудимых' (букв. 'сесть на стул или скамью суда').

В современном чувашском языке значительное место занимают глагольно-глагольные идиоматические сочетания. Они в большинстве своем представляют собой двучленные образования, состоящие из деепричастий на *-са(-се)* и спрягаемых форм глаголов. Рассматриваемые идиоматические сочетания обладают целостным значением, возникшим в результате семантического преобразования свободных глагольных сочетаний со стержневым компонентом — глаголом: *çанса хуç* 1) 'сразить', 2) 'разбить' (букв. 'ударив, сломать'), *çаврăнса пăх* 'обратить внимание на кого-, что-либо' (букв. 'оборачиваясь, смотреть'), *выртса тăр* 1) 'квартировать', 2) 'иметь постоянное жительство' (букв. 'ложиться и вставать').

В зависимости от того, к какому структурно-семантическому типу глагольных словосочетаний они восходят, выделяются две структурные группы глагольно-глагольных идиоматических сочетаний: 1) глагольные идиомы, соответствующие по форме глагольным словосочетаниям типа «деепричастие на *-са(-се)* — спрягаемый глагол» (деепричастие указывает на способ протекания действия, выраженного спрягаемой формой глагола): *тапса сиктер* 'вышибить' (букв. 'пиная, заставить прыгнуть'), *тăсăлса вырт* 'протянуть ноги, умереть' (букв. 'вытягиваясь, лечь'), *выртса сĕрĕ* 'валяться' (букв. 'ложась, ходить'), *персе антар* 'свалить' (букв. 'бросая, спустить'), *уйăрса кăлар* 'выделить из семьи' (букв. 'выделяя, выпустить'); 2) глагольные идиомы, соответствующие по форме глагольным словосочетаниям, в которых деепричастие на *-са(-се)* и спрягаемый глагол обозначают последовательно протекающие действия: *касса тат* 'обрезать, резко ответить' (букв. 'резать и рвать'), *сĕтсе яв* 'обсуждать, разбирать; обмениваться мнениями' (букв. 'развивать и завивать'), *парса ил* 'обмениваться' (букв. 'давать и брать'), *ёссе си* 'угощаться' (букв. 'пить и есть'), *сухалса кай* 'растеряться' (букв. 'заблуждаясь, идти'), *çавăрса хур* 'выпить залпом до дна' (букв. 'вращая, положить').

Адвербиально-глагольные идиоматические сочетания в чувашском языке представлены сравнительно небольшим количеством. Они обычно двухкомпонентны: *кайла чак* 1) 'отступить', 2) 'уступить в тяжбе' (букв. 'пятиться назад'), *хăккăн вырт* 'бездельничать, лентяйничать' (букв. 'лежать на боку'), *алăкăн-тĕпелĕн кустар* 'побить, задать баню' (букв. 'заставить бегать взад и вперед'), *тирĕс шăл* (диал.) 'гладить против шерсти' (букв. 'гладить против'), *хыççăн кай* 'повиноваться' (букв. 'идти за кем-либо').

Глагольные идиоматические сочетания, имеющие строение предложения, большей частью совпадают с простыми двусоставными нераспространенными предложениями. Это свидетельствует о том, что язык

в качестве средства вторичной номинации действий, состояний и процессов главным образом использует простые, неосложненные по форме структуры. Причем особо следует подчеркнуть, что глагольные идиомы рассматриваемого структурного типа в большинстве случаев генетически восходят к таким простым предложениям, сказуемые которых выражаются глаголами 3-го лица единственного и множественного числа настоящего и прошедшего очевидного времени и причастиями на *-нй* (*-нĕ*). Названные глагольные формы, на наш взгляд, наиболее приспособлены для живого и впечатляющего изображения характера протекания действия, которое является существенным и стабильным для агенса. Данное свойство глагольных слов сохраняется и в смысловой структуре идиоматических сочетаний. Ср.: *тути уçăлат* 'он решается что-либо сказать' (букв. 'у него рот раскрывается'), *хĕвел пăхат* 'кто-либо смеется (после того, как только что поплакал)' (букв. 'солнце светит'), *пит пиçрĕ* 'я осрамился, мне было стыдно' (букв. 'лицо горело'), *шăни тулчĕ* 'он получил сполна, по заслугам' (букв. 'судьба исполнилась'), *тути мăкăрăнă* 'он надул губы' (букв. 'у него губы надуты'), *тĕтĕм сÿнĕ* 'род вымер, прекратил свое существование' (букв. 'дым погас'), *чĕлхисем шăнă* 'не смеют пикнуть' (букв. 'у них языки замерзли').

В системе глагольных идиоматизмов со структурой коммуникативных единиц немалое место принадлежит и соединениям слов, имеющим строение простых двусоставных распространённых предложений. Такие идиомы чаще всего состоят из трех компонентов. Например: *кутне куршанкă çыпăснă* 'кто-либо приобщился к труду' (букв. 'к ягодицам пристал репейник; о ребенке'), *хĕрлĕ вăкăр сĕкнĕ (ун сÿртне)* 'он сгорел, его дом сгорел' (букв. 'красный бык боднул'), *куссенчен вут тухса кайрĕ* 'из глаз посыпались искры', *ăшчик вăр-вăр çаврăнат* (*чун савнине курсассăн*) 'на душе неспокойно (когда встречаюсь с милым)', *шăна вĕсни илтĕнет* 'стоит мертвая тишина' (букв. 'слышно, как муха летит').

Глагольные идиоматизмы, сходные по структуре с двусоставными распространенными предложениями из четырех или более компонентов, распространены редко. Например: *пуç çинче вут сунат* 'чья-либо жизнь в опасности' (букв. 'на голове огонь горит'), *шăши кĕнекине вулама кайрĕ* 'завел волынку' (букв. 'пошел читать мышиную книгу; говорят о стариках, ворчливых людях'), *кусран сăсăл вĕссе тухрĕ* 'перепугался' (букв. 'из глаз посыпались отруби'), *чунăм чĕрне вĕсне ситет* 'душа ушла в пятки' (букв. 'моя душа доходит до кончика ногтей'), *хĕрлĕ автан сиксе çÿрет* 'скачет красный петух' (о пожаре).

В чувашском языке нередко встречаются и глагольные идиомы, адекватные по строению свободным односоставным предложениям, на базе которых они образовались. Характерной их особенностью является отсутствие подлежащего, которое в подобных структурах определяется формой глагола-сказуемого.

Глагольные идиомы со структурой односоставных предложений, в отличие от аналогичных идиом с двусоставными предложениями, характеризуются большей степенью обобщенности выражаемого ими смысла. Ср.: *хăнт та тумаст* 'и в ус не дует', *шăл шурри те кăтартмарĕ* 'он и рта не раскрыл' (букв. 'он белизну своих зубов не показал'), *хĕрине тухса тÿлерĕ* 'его след простыл' (букв. 'свой хвост, выходя, завязала узлом'), *пĕр çавартан сурса пурăнассĕ* 'очень дружно живут' (букв. 'живут и плюют из одного рта'), *питне кĕссе çĕленĕ* 'потерял совесть, стыд' (букв. 'к своему лицу пришел войлок').

Изложенный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. В системе фразеологизмов чувашского языка значительное место занимают глагольные идиоматические сочетания. Как и другие семантико-грамматические разряды идиом-фразеологизмов (субстантивные, адъективные, адverbиальные идиоматические сочетания), они, в отличие от свободных и фразеологических словосочетаний, обладают идиоматичностью.

2. Глагольные идиоматические сочетания, как и глаголы, обозначают действия, состояния и процессы. Одни из них выступают как единственно возможные номинации действий, причем выражаемые ими значения лишены коннотативности. Такие глагольные идиоматические сочетания выполняют номинативную функцию и восполняют в языке «недостаточность» лексических средств. Другие глагольные идиом-фразеологизмы не только называют действия и отображают понятия о них, но и выражают отношение субъекта речи к обозначаемым действиям, то есть характеризуются субъективной модальностью. Подобные идиоматические сочетания выполняют в языке не столько номинативную, сколько экспрессивно-оценочную функцию. Значения этих соединений слов отличаются ярко выраженной коннотативностью. В современном чувашском языке наибольшее распространение получили именно экспрессивно-оценочные глагольные фразеологизмы. Они служат для образной характеристики действий, состояний и процессов, раскрывающих психическое и физическое состояние человека.

3. Глагольные идиомы-фразеологизмы как по свойственной им индивидуальной семантике (фразеологическое значение), так и по категориальному значению соотносятся с глаголами. Имея грамматическое, абстрактное значение процессуальности, они выражают действия в категориях и формах, присущих глаголам. Свойства глагольности рассматриваемых сочетаний слов формально выражаются в изменениях глагольного компонента. Обладая формами словоизменения, глагол придает всему сочетанию категориальное значение процессуальности и служит средством синтагматической связи идиом в составе высказываний.

Глагольные идиоматические сочетания в предложении выполняют все грамматические функции глагола, выступая как единый член предложения, большей частью как сказуемое. Однако эти сочетания отличаются от глаголов как по семантике, так и по структуре. Значения идиом-фразеологизмов, как правило, богаче значений глагольных лексем, насыщеннее смысловыми оттенками, и поэтому смысловые структуры глагольных идиом и глаголов качественно отличаются. Этим, по-видимому, объясняется то, что у некоторой части глагольных идиоматических сочетаний формы словоизменения ограничены. По своей структуре идиомы-фразеологизмы представляют собой раздельнооформленные единицы языка.

4. Глагольные идиоматические сочетания характеризуются не только семантическим, но и структурным разнообразием. В современном чувашском языке встречаются глагольные идиомы-фразеологизмы со структурой глагольных словосочетаний и свободных предложений с неосложненной структурой. Чаще всего они бывают двух- или трехкомпонентными. Это объясняется их происхождением. Глагольные идиоматические сочетания, как и другие семантико-грамматические разряды идиом-фразеологизмов, в большинстве случаев генетически восходят к свободным сочетаниям слов. В языке в виде средств предметной номинации утверждались прежде всего такие сочетания, которые отличаются компактностью и частотностью употребления. Они-то преимущественно использовались в качестве элементов вторичной, или косвенной, номинации новых фактов действительности.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Ашм. — Н. И. Ашмарин.

Бурн. — В. Бурнаевский.

Ват. сям — «Ваттисен сәмахәсем, каларашсем, тупмалли юмахсем». (Н. Романов пухса хатёрленё). Шупашкар, 1960.

Ком. ял. — «Коммунизм ялавё» (газета).

С. Ш. — Стихван Шавлы.

Турх. — Кузьма Турхан.

Уяр — Хёветёр Уяр.

Хус. — Петёр Хусанкай.

Хып. — «Хыпар» (газета).

Юхм. — Юхма Мишши.

А. А. БОРОНОВ

ЯЗЫК ЭПОСА «МАНАС» КАК НАДДИАЛЕКТНАЯ ФОРМА КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКА

Первые записи и исследования эпоса «Манас» были предприняты во второй половине XIX—начале XX века Ч. Ч. Валихановым¹, В. В. Радловым² и Г. Алмашим³.

Однако систематические записи и изучение этого памятника стали осуществляться на научной основе только после Великой Октябрьской революции⁴. В настоящее время в рукописном фонде Академии наук Киргизской ССР хранятся записи более сорока вариантов эпоса, в том числе наиболее полные С. Каралаева, М. Мусулманкулова, Б. Сазанова, Тоголока Молдо (Байымбет Абдырахманов), Ш. Рысмендеева, М. Чокморова и др. К настоящему времени опубликованы отдельные фрагменты и сводный вариант эпоса на киргизском языке, а также отрывки на русском. Вышли в свет первые монографии, сборники научных статей, посвященные различным проблемам исследования «Манаса»⁵. В 1984 году в Москве был издан первый том четырехтомного издания «Манаса» в записи от сказителя Сагымбая Орозбакова с параллельными киргизским текстом и его русским переводом⁶. Однако до сих пор основное внимание уделялось изучению эпоса как литературного памятника, язык же «Манаса» оставался, можно сказать, вне поля зрения исследователей. В последнее время в этом отношении наметился определенный сдвиг. Объясняется это тем, что и советские, и зарубежные специалисты стали все чаще уделять внимание языку фольклора, его роли в формировании и развитии национального языка. В этом аспекте исключительно большой интерес представляет и язык эпоса «Манас», поскольку исследование его функционально-стилистической структуры должно «открыть путь к пониманию статуса донациональных языков и их роли в формировании литературных языков национальной поры»⁷. Настоящая статья, посвященная языку «Манаса», основана на материале варианта этого эпоса, записанного от С. Орозбакова, изданного недавно во Фрунзе в четырех томах (1979—1982).

В научной литературе неоднократно отмечалось, что язык эпических произведений — это язык наддиалектный, отличающийся от повседневной-бытовой речи устойчивостью форм, обработанностью, архаичностью лексики и некоторыми фонетико-грамматическими особенностями. Его наддиалектность зародилась еще в позднеродовом обществе, а функции значительно расширились в условиях военно-демократической организации⁸. Изучение языка эпоса «Манас» полностью подтверждает правомерность этого тезиса.

Известно, что в течение длительного исторического периода кир-

гизь
чево
в ду
влло
ни,
«Ма
ман
шал
зую
зите
и со
тот
при
в эт
обра
пери
зна
шен
ния
лис
вен
боле
стан
бати
его

в ус
этин
[III,
гур
бол
диц
от о
вим
от I

чая
тык
‘Бес
голо
баи

их с
пове
щим
есть
есть
бра
[III,

того

гизы сохраняли родоплеменную общественную структуру, вели полукочевой образ жизни. В таких условиях эпос «Манас» играл важную роль в духовной жизни киргизов с самого начала своего возникновения и вплоть до XX века. В нем во всей полноте отразились как реалии жизни, так и мечты и чаяния народа. Как подлинно эпическое произведение «Манас» являлся, говоря словами Тацита, сказанными им о древнегерманском эпосе, единственным видом «повествования о былом». Его слушали на всех празднествах, народных собраниях, на специально организуемых сборищах для слушания эпоса. Подобно греческим аэдам, сказители-манасчи исполняли «Манас», обходя города и селения Киргизии и соседнего Казахстана. О значении эпоса в жизни киргизов говорит тот факт, что до начала XX века образ Манаса считался святым, ему приписывали ритуально-целебные свойства⁹. По словам В. В. Радлова, в это время «народная поэзия каракиргизов находится в каком-то своеобразном периоде, который лучше всего назвать „истинно эпическим периодом“»¹⁰. Длившееся часами выступление перед аудиторией, хорошо знакомой с эпосом, требовало от сказителей-манасчи постоянного совершенствования искусства исполнения текста, его отшлифовки для усиления эмоционального воздействия на слушателей. Исполнители стремились к художественности, ясности и доходчивости изложения¹¹. Естественно поэтому, что с течением времени язык «Манаса» становился все более совершенным, вырабатывались удачные устойчивые обороты речи, стандартные фразы, отбирались наиболее колоритные архаизмы, вырабатывались грамматические и фонетические особенности, отличающие его от обыденной речи.

Обработанность языка «Манаса» особенно наглядно проявляется в устойчивых словесных формулах, как, например, в следующих: *Балтыр этиң толо элек* 'Твои икры еще не окрепли', *Балбан кезиң боло элек* [III, с. 193]* 'Не настало время твоего богатырства', *Кара оозуңа кан толгур* 'Чтобы твой пакостный рот кровью наполнился', *Кайрылгысыз күй болгур* 'Чтобы тебе не видеть радостных дней'. Характерны также традиционные трафареты, которые используются сказителем при переходе от описания одного события к другому: *Муну мындай таштайлы* 'Оставим пока это', *Эми Манастан кабар баштайлы* 'Теперь поведаем весть от Манаса'.

Таковыми же готовыми формулами пользуется сказитель в тех случаях, когда описывает батальные сцены и подвиги героев: *Бараң мылтык бадырап* 'Пистонные ружья трещали', *Басылбай добул дабырап* 'Беспрерывно грохотали барабаны', *Айбалта башка шак этип* 'Бьет по голове секира', *Найза тōшкō так этип* 'В грудь вонзается копье', *Күрсү башка күй этип* 'Бухает по голове булава' [III, с. 140].

Готовые формулы используются и при описании эпических героев, их оружия, одежды, коня, упряжи. Например, сказитель С. Орозбаков повествование о великане Джолое, как правило, сопровождал следующими строками: *Атасы бар, бата жок* 'Есть отец, нет благословения' (то есть внебрачный сын), *Айтканы бар, ката жок* 'Говорит без ошибок' (то есть красноречив), *Энеси бар, нике жок* 'Есть мать, не находящаяся в браке', *Элде мындай бōкō жок* 'Нет в народе другого такого силача' [III, с. 123].

* Здесь и далее римские цифры означают том, а арабские — страницы упомянутого выше четырехтомника.

Воспевая Манаса, сказитель так описывает его:

Алтын менен күйүштүн
Ширөөсүнөн бүткөндөй
Асман менен жериндин
Тирөөсүнөн бүткөндөй,
Айың менен күйүндүйн
Бир өзүнөн бүткөндөй
[II, с. 148].

‘Словно из сплава
Золота и серебра он отлит,
Словно сделан он
Из опоры земли и неба,
Словно сотворен он
Из солнца и луны’

Следующие формулы используются для описания оружия богатыря Аккелте: *Алыскы жуук айныбас* ‘Точен и на дальний, и на ближний бой’; *Ыраакы-жакын ылгабас* ‘Оно не выбирает расстояний’, *Ортосу болот, оозу албарс* ‘Ствол стальной, дуло булатное’, *Түтүнү туман, түбү Ыспан* ‘Дым из него—туман, изготовлен в Исфагане’, *Кароолу дажал, огу ажал* ‘Мушка — страшилище, а пуля — смерть’ [III, с. 176].

Готовые формулы используются и в описании поединков богатырей, явлений природы, различных предметов и даже для передачи отвлеченных понятий. По своему лексическому составу и синтаксическому строю эти формулы весьма выразительны и многообразны. Они включают особые лексические наборы с архаизмами, придающими своеобразный стилистический оттенок языку эпоса. Иногда встречаются формулы, целиком состоящие из архаизмов. Их значение невозможно понять вне контекста, но и в контексте некоторые из них остаются неясными. Для прояснения их смысла необходимы этимологические изыскания.

Считая ошибочным мнение М. Парри и его последователей о том, что эпос состоит целиком из формул¹², мы тем не менее полагаем, что языку эпоса «Манас» устоявшиеся формулы присущи в большей степени, нежели языку так называемых киргизских «малых эпосов». Это, по-видимому, объясняется, во-первых, условиями многовекового бытования эпоса и, во-вторых, спецификой мышления и раз и навсегда установившейся манерой исполнения самих сказителей-манасчи¹³. Подтверждается сказанное творчеством выдающихся манасчи С. Орозбакова и С. Каралаева, которые и в других своих произведениях пользовались повторяющимися стандартными формулами, характерными и для их вариантов «Манаса».

Необходимо отметить, что большинство эпических формул эпоса складывается в процессе развития конкретного языка, в данном случае киргизского. Однако есть формулы общетюркского или древнетюркского происхождения. К таким относятся, например, формулы-эпитеты, характеризующие главных героев-богатырей эпического произведения. Разумеется, эти формулы не во всех эпических произведениях тюркских народов идентичны в силу особенностей каждого конкретного языка, но тем не менее их общность несомненна¹⁴.

Обилие стандартных формул в языке эпоса «Манас» показывает, с одной стороны, его обработанность, а с другой — архаичность. Для образования стандартной формулы требуются время, шлифовка текста эпоса многими поколениями сказителей. Таких формул в «Манасе» более чем достаточно, и поэтому можно считать, что обработка языка этого эпоса продолжалась на протяжении многих веков.

Язык «Манаса», наряду с подобными традиционными формулами, весьма богат различными эпитетами, сравнениями, метафорами. У каждого героя есть свой основной эпитет, определяющий наиболее характерный его признак. Например, эпитетами Манаса являются: *канкор* ‘молодец’, ‘храбрый’, ‘герой’, *айкөл* ‘великодушный’, ‘благородный’, а его врага Конурбая — унизительный *калча*. Некоторые авторы считают, что слово *калча* произошло от уйгурского слова *галча* ‘подхалим’, ‘прислужник’

или от тувинского *калчаа* 'свирепый', 'дурак', 'бесстыдник'¹⁵. Такие слова, как *арслан* 'лев', *жолборс* 'тигр', *кабылан* 'леопард', являются эпитетами Манаса и его сподвижников Алманбета, Чубака, Сыргака и др.

В языке эпоса встречаются также и так называемые эпитеты-характеристики. Например, о Чубаке говорится: *Алышса адамдын күйү жетпеген, арстандын тиши өтпөгөн* 'Если вступит в бой, то никто его не одолевает, даже зубы льва его не берут', о Сыргаке: *Атка жеңил, тайга чак, уйкусу жок, жолго сак* 'Легок для коня, но впору для двухлетки, недремлющий, бдительный в пути', о Кыргыле: *Кырдан башы Кыргыл чал, кылымды бузган дынгыл чал* 'Глава сорока (воинов) старик Кыргыл, (способный) разнести весь мир, старик-молодец', об Ырчы ууле: *Ырамандын Ырчы уулы кырк бапик кырк муун* 'Сын Ырамана Ырчы (певец), гашик с кистями его в сорок узлов' и т. д. Имя Ырчы уул тоже когда-то, видимо, было эпитетом. В тексте эпоса имеется упоминание о том, что сына Ырамана по имени Каратай Манас принял в свое войско после победы над калмыкским ханом Орго, и он стал впоследствии его певцом-сподвижником¹⁶. Точно так же эпитетами были имена *Кыргыл* (от слова *кыргын* 'резня', 'бойня', 'массовое истребление' или же *кырк* 'сорок' + огул 'сын' > *кыркогул* > *кыргуул* > *кыргул* > *кыргыл*), *Сыргака* (название вида беркута), *Тазбаймат* ('плешиный Баймат'), *Ачалбарс* ('острый меч'), *Аккүйбө* ('белый панцирь'), *Сырмайза* ('гладкая пика'), *Акула* ('саврасый скакун') и многие другие.

Помимо эпитетов в эпосе имеется много сравнений и метафор, делающих его язык богатым, выразительным, образным и красочным. Приведем примеры: *Балтыры өгүз белиндей* [III, с. 183] 'Икры его подобны спине бугая', *Ачыккан көк жал бөрүдөй* [III, с. 185] 'Как голодный сивогривый волк', *Күзгү кирген жолборстой* [III, с. 159] 'Подобно разъяренному тигру осенью', *Кышкы кирген буурадай* [III, с. 159] 'Как верблюд, разъяренный зимою', *Кырк жолборс тйпкө жетти деп* [III, с. 158] 'Доконали сорок тигров (воинов)', *Барбана болду башына* [I, с. 66] 'Стал жертвой' (букв. 'мотыльком') за него', *Көздөн жалын шыр-кырап* [III, с. 217] 'Сыплются искры из глаз (от ярости)'.

Широко используются в эпосе различные пословицы и поговорки, бытующие в устойчивых формах в народной речи: *бөлүнгөндү бөрү жейт* ('отделившегося волк съедает'), *өздөн чыккан жат жаман, өзөктөн күйгөн өрт жаман* ('страшен враг, выходец из своих, страшен пожар, горящий в душе') и т. д.

Все эти устойчивые формулы, эпитеты, сравнения, метафоры, создававшиеся в процессе многовекового развития эпоса талантливыми сказителями-манасчи и передававшиеся из поколения в поколение, сохраняются во многих вариантах эпоса неизменными. Именно это указывает на то, что язык «Манаса» является достаточно обработанным наддиалектным языком, отличающимся от повседневной бытовой речи.

О наддиалектности языка эпоса свидетельствуют не только упомянутые особенности, но и, как отмечалось, архаический характер его лексики. Архаизмы, возникшие на базе четырех пластов лексики киргизского языка, выражают самые различные понятия. К архаизмам, образованным на базе киргизского языка, или к общетюркским по своему происхождению относятся, например: *түмөн*, 'тысяча', *көңкү* 'весь', 'все', *бокчо* 'баул', 'узел для вещей', *көй* 'выдающийся', 'исключительный', *атпай* (о народе) 'весь', 'все', *түрк* (об овцах) 'крупный', 'жирный'; к архаизмам, образованным от монгольских заимствований, — *боро* 'серый', 'грязный', *бөкө* 'силач', 'сильный', *бичик* в значении 'священная книга калмыков', *даңза* (синоним *бичик*), *келегей* 'зайка', *саадак* 'колчан',

‘стрела’, ‘лук’; к образованным от арабских слов — *амыр* ‘приказ’, *карып* ‘бесприютный’, ‘обездоленный’, ‘бедный’, *асил* ‘род’, ‘порода’, ‘происхождение’; от персидских слов — *аптама* ‘рукомойник’, *баар* ‘ранняя весна’, *амбар* ‘склад’, *мырдар* ‘мертвец’, *азар* ‘тысяча’, *апсана* ‘небылица’, ‘сплетня’ и т. д.

По архаизмам эпоса можно проследить историю развития киргизской лексики и формирования языка самого «Манаса». По семантике архаизмы можно разделить на четыре нижеследующие группы.

1. **Топонимические архаизмы или архаизмы, образованные от топонимов.** *Жезире*, *Жет-Кайт белинде* [III, с. 101] ‘На перевале Джезире, Джет-Кайт’, *Бузулган Чамбыл бер жагы* [III, с. 23] ‘Не доходя до разрушенного Чамбыла’, *Кейип-Бадан шаарына* [III, с. 395] ‘К городу Кейип-Бадан’, *Даңдуң баштын тоо теке* [III, с. 207] ‘Козерог (из горы) Дандун баша’.

В тексте эпоса встречаются, помимо исконно киргизских топонимов, также топонимические архаизмы, вошедшие в язык «Манаса» из других языков еще в древности, например, из китайского или монгольского. Но есть топонимы, встречающиеся только в эпосе. Тщательное их изучение позволит, несомненно, восстановить некоторые древние топонимы Киргизии.

2. **Архаизмы, образованные из зоонимов.** Сюда относятся: *кӧспант* ‘рогатый скот’, *бакар* (букв. ‘год коровы’) здесь в значении ‘корова’, *алат-как* ‘мифические существа’, ‘дикий человек’, *чыңроон* ‘мифическое существо’, *адамноо* ‘дикий человек’, *мар* ‘змея’, *саяс* ‘медведь’, *кетелик* ‘медведь’, *керик* ‘носорог’ и т. п.

3. **Архаизмы, обозначающие названия предметов.** К ним относятся: *кандагай* ‘штаны богатыря, сшитые из кожи горного козла’, *абай* ‘сорт дорогой ткани’, *кете* ‘название дорогой ткани’, *зар* ‘золото’, *кӧӧкӧр* ‘бурдюк из тисненой кожи для кумыса’ и др.

4. **Архаизмы, обозначающие отвлеченные понятия.** *Аалым* ‘ученый’ (преимущественно представитель духовенства), *алаң* ‘тоска’, ‘печаль’, *бааны дүйнӧ* ‘тленный’, ‘бренный’, ‘непостоянный мир’, *бӧкӧ* ‘силач’, ‘сильный’, *батын* ‘чуткий’, ‘проницательный’, *тууш* ‘сила’, *каса* 1. ‘судьба’, ‘смерть’, 2. ‘настоящий’, *мают* ‘смерть’, *коога* ‘ссора’, ‘брань’ и т. д.

Архаизмы в языке «Манаса» придают ему особый, присущий только этому эпосу торжественный колорит. Своеобразие в его стиль вносят и историзмы, образованные как от исконно киргизских, так и монгольских, арабских, персидских, китайских заимствований. Например: *бек* ‘властитель’, *бий* ‘судья’, *ордо* ‘ханская ставка’, ‘ханский дворец’, *хан* ‘царь’, *кан* ‘царь’, *он башы* ‘десятник’, *жӱз башы* ‘сотник’, *миң башы* ‘тысячник’, *жайсаң* ‘военачальник’ (в эпосе встречается и как личное имя, и в значении «слуга»), *нӧӧкӧр* ‘слуга’, *зубун* ‘часть войска’, *вазир* ‘визирь’, *падыша* ‘царь’, *шаа* ‘царь’, ‘шах’, *саркер* ‘начальник’, ‘предводитель военного отряда’, *калдай* ‘штабной офицер’, *дуу-дуу* ‘военный губернатор крупного города’, *тыйтай* ‘генерал’, *чыйтай* ‘военачальник’, *доотай* ‘военный губернатор округа’, *жаңжуң* ‘командующий войском’, ‘наместник’ и т. д.

Примечательно, что в «Манасе» наряду с архаизмами имеются и неологизмы, в том числе и русские заимствования: *ашепке* ‘ошибка’, *зоот* ‘завод’, *чен* ‘чин’, *салдат* ‘солдат’, *банар* ‘фонарь’, *боростой* ‘простой’, *борум* ‘форма’, *сомоор* ‘самовар’ и т. д., а также казахизмы: *ӧтүрүк* ‘ложь’, ‘вранье’, *жүйрүк* ‘быстрый’, *типти* ‘абсолютно’, *жүйүк* ‘кольцо’, ‘перстень’, *үлкӧн* ‘большой’, *ӧлӧң* ‘песня’. Язык «Манаса» постоянно находился в сложных взаимоотношениях с живым разговорным языком

и бла
счет.

поня

его а

диал

образ

ского

свое

но-ли

устн

выда

ных

устн

лект

вова

язык

лекс

«осо

ющи

фоло

обье

наль

ров,

мер,

пров

слов

Паст

Паа

каба

пӱл

ген

для

нали

Бар

птич

вого

шед

Озю

в ис

соно

подд

дете

торь

что

в по

Бара

деву

Баи

6 «С

и благодаря своему устному бытованию развивался и дополнялся за его счет. Именно тесная связь с живым разговорным языком и делала эпос понятным для всех поколений его слушателей.

И все же наиболее характерной чертой языка «Манаса» является его архаизованность. Текст эпоса включает огромное количество разнодиалектных слов, словоформ, словосочетаний и предложений, нередко образовывавшихся в соответствии с внутренними законами лингвистического развития языка самого эпоса. Поэтому язык «Манаса» весьма своеобразен: он не похож ни на диалектно-разговорный, ни на письменно-литературный язык. Это — развивающийся веками наддиалектный устный литературный язык, созданный усилиями многих поколений выдающихся сказителей-манасчи, поэтому наличие в нем разнодиалектных и разновременных черт вполне закономерно.

В научной литературе уже отмечалось, что в эпоху феодализма устно-поэтический язык фольклора развивается с доминирующей диалектной окраской¹⁷. Это подтверждает и язык «Манаса». Однако существование в нем диалектных черт не дает еще оснований утверждать, что язык «Манаса» диалектный, тем более, что его диалектизмы включают лексику всех диалектов и говоров киргизского языка. Наддиалектность, «особенно в донациональный период, может реализоваться в двух следующих направлениях: 1) отказ от узкорегionalных фонетических, морфологических, лексических черт диалекта, что нередко сопровождалось объединением признаков различных диалектных ареалов и 2) функционально-стилистическое обособление, обусловленное спецификой тех жанров, в которых реализовался данный литературный язык»¹⁸. Так, например, в варианте манасчи Сагымбая Орозбакова, который всю жизнь провел в северной части Киргизии, встречается употребление в начале слов звонкого губного «б» вместо глухого губного «п», например: *Пастады биздин арбак деп* [II, с. 241] 'Оплошал наш дух-покровитель'; *Паашасы айткан буйругун* [II, с. 13] 'Приказ своего царя', *Алтымыш кабат пактада* [II, с. 398] 'На шестидесяти слоях ваты', *Дүкөндөн өрттөн пүлдарын* [III, с. 98] 'Сжигал деньги в лавке', *Жанчышып пенде жеңбеген* [II, с. 137] 'В сражении никто его не одолел'.

Сохранение в начале слов глухой губной фонемы «п» характерно для южной группы говоров. Для северной группы говоров характерно наличие звонкой губной «б», что прослеживается и в языке «Манаса»: *Бар жастык коюп башына* [II, с. 257] 'Положив под голову подушку из птичьих перьев'; *Адил бааша тагы үчүн* [II, с. 29] 'За трон справедливого царя'; *Бастан келген төрт бурут* [III, с. 260] 'Четыре бурута, пришедшие снизу'; *Банар алып келишти* [II, с. 362] 'Принесли фонарь'. *Өзүңдөн бөлөк баана жок* [II, с. 292] 'Нет, кроме тебя, покровителя'.

В некоторых говорах современного киргизского языка, а именно в иссык-кульском, фонемы «п», «б» в начале слова переходят в губно-сонорную «м». Например: *Мааналарга итим жок* [II, с. 295] 'Нет даже поддерживающей собаки', *Бешиб деди мерзентим* [II, с. 296] 'Пятеро детей — сказал'.

Отпечаток длительной истории имеют и заимствованные слова, в которых вместо губно-зубных «в» и «ф» употребляется звонкая губная «б», что свойственно северной группе говоров, тогда как в южной группе в подобном случае выступает глухо-губная фонема «п». Например: *Барганадан кыз таппай* [II, с. 366] 'Не найдя в Фергане (подходящей) девушки'; *Олтурду Кошой борумдуу* [III, с. 135] 'Сидел статный Кошой'; *Баш убазир жакыны* [II, с. 185]; 'Главный визирь его приятель'.

Диалектное смешение видно также в употреблении глухих переднеязычных фонем «с» и «з», например: *Тас карды кетти жарылып* [II, с. 235] 'Лопнул желудок (лошади)', *Тосоң тосту нуруну* [II, с. 140] 'Пыль заслонила свет', *Азиреил түзү бар* [II, с. 189] 'Вид, подобный Азраилу', *Азелкан деп атаган* [II, с. 418] 'Нарекли ее Азелкан'.

Фонемы «с» и «з» употребляются в киргизских говорах по-разному — в одних, например в иссык-кульском, вместо «с» употребляется «з», в других — наоборот, например в чуйском. По особенностям употребления фонемы «з» Б. М. Юнусалиев разделил киргизские говоры на четыре группы и пришел к выводу, что правильное употребление фонем «с» и «з» свойственно только юго-восточному и юго-западному диалектам¹⁹. В языке «Манаса» фонемы «с» и «з» употребляются правильно.

Диалектная пестрота подтверждается также наличием губных дифтонгов, в основном характерных для юго-западного диалекта, но встречающихся и в таласском говоре северного диалекта. Дифтонги входят в названия собирательных числительных: *Кай бирдөбү калжырап* [II, с. 141] 'Кто-то пробормотал', *Бектеринен бешдөвү* [II, с. 368] 'Пятеро из беков'.

Наличие дифтонгов в языке эпоса отмечал и Б. М. Юнусалиев²⁰. Он писал также, что в «Манасе» помимо дифтонгов встречается и древняя форма образования числительного, сохраняющаяся теперь в южном диалекте²¹: *Он беш жүз миң колу бар* [II, с. 139] 'Имеет пятнадцать сотен тысяч воинов', *Элүү жүз миң кол келди* [I, с. 177] 'Пришло пятьдесят стотысячное войско'.

Диалектная неоднородность наблюдается и в морфологии. Например, личные местоимения *сага, мага, ага* в тексте эпоса в дательном падеже принимают форму *саа, маа, аа*: *Эгер келбей койбойт саа деди* 'Все равно придет к тебе — сказал', *Жолдош кошуп берсен маа* [II, с. 34] 'Если дашь мне спутника', *Кашында жүрөт аа кошо* [II, с. 269] 'При нем всегда находится он'.

Сокращение личных местоимений характерно для северной группы говоров киргизского языка, тогда как личные местоимения *ол, олор, саган*, которыми постоянно пользуются сказители, относятся к южной группе: *Келсин дегин олоду* [III, с. 98] 'Скажи, пусть придут они', *Ол жамбыдан түңүлүп* [III, с. 165] 'Отрешился он от серебра', *Мен да жардам саган деп* [III, с. 75] 'И я подмога тебе — сказал'.

Было высказано мнение, что личные местоимения *ол, олор* раньше могли входить во все говоры киргизского языка²². Это представляется весьма вероятным, ибо они являются древними формами киргизских личных местоимений.

Диалектные различия наблюдаются и в формах указательных местоимений. В южной группе говоров указательные местоимения *ошол, ушул, ошо, ушу, ошондо, ушунда* и т. д. употребляются без начального гласного. Напротив, в северном диалекте, а также в литературном языке они употребляются с начальными гласными. В языке «Манаса» встречаются оба эти вида употребления местоимений. Примеры без начальных гласных: *Байжигит шондо кеп айтат* [II, с. 15] 'И говорит тогда Байжигит', *Көрөр күнүң шул болот* [III, с. 93] 'И это будет твоей судьбой', *Арзысаң Жакып баргын шоо* [II, с. 15] 'Если хочешь, езжай к нему, Жакып'.

Кроме указательных, существует местоимение, используемое только в северном диалекте: *Боо окшогон дүйнөйө, Бендеге бүтпөйт байкасан* [III, с. 48] 'Подобного богатства ни у кого не будет'.

К диалектным особенностям относится также форма употребления

наречи
иди до
Ошпур
П
тельн
ющая
Сап к
дакты
[III, с
На
отур, т
ной, и
в тала
в ала-
качын
лып ж
деп [I
Р
вает н
тый²³.
сложе
ными
ние эп
бытов
лексн
Я
изуче
шему
гизско
ный у
нии д
на осн
миров
рован
ской р

1 П
ликова
«Чокан
2 Г
тивший
гизско
ных тк
türkisch
3 П
Semete
t. XII,
героич
4 Г
вым в
С. Ор
нов. П
П. Фал
ка и
5 П

наречия *энди* в южном диалекте: *Энди үйүңө кет деди* [I, с. 38] 'Теперь иди домой — сказал', *Энди Ошпурга кеп айтат* [I, с. 104] 'Теперь говорит Ошпуру'.

После присоединения к слову личного аффикса 3-го лица *-ы* в дателном, винительном, местном и исходном падежах появляется следующая особенность, характерная в основном для юго-западного диалекта: *Сап кылам де элини* [III, с. 92] 'Скажи, что уничтожишь его народ', *Саадактын көрдү огун* [III, с. 171] 'Увидел стрелу лука', *Атакемдин ащыны* [III, с. 73] 'Поминки по моему отцу'.

Настоящее время, образующееся от вспомогательных глаголов *отур, тур, жүр, жат* при помощи аффиксов *-р, -ыр*, встречается и в северной, и в южной группах говоров. Глаголы в этой форме употребляются в таласском, реже — в тянь-шаньском говорах на севере, а на юге — в ала-букинском, джаны-джольском и чаткальском говорах: *Жабыла качып баратыр* [III, с. 142] 'Пустились бежать в панике', *Биягенин кылып жатыр деп* [I, с. 107] 'Делает, что хочет', *Олтүргөнү жатыр бизди деп* [III, с. 109] 'Хотят убить нас'.

Рассмотренное нами диалектное смещение в языке «Манаса» указывает на то, что язык эпоса наддиалектный, территориально незамкнутый²³. Эта особенность его проявляется и в синтаксисе, который весьма сложен и изобилует причастными, деепричастными оборотами и вводными предложениями, порою в необычном сочетании. Иное предложение эпоса состоит из трех и более десятков строк²⁴, что несвойственно бытовой разговорной речи. Встречаются предложения со сквозными лексическими повторами, обусловленные особенностями жанра.

Язык «Манаса» лексически исключительно богат. Дальнейшее его изучение как наддиалектной формы киргизского языка может, по нашему мнению, способствовать решению многих вопросов истории киргизского народно-разговорного и литературного языка. Как наддиалектный устный литературный язык он играл весьма важную роль в сближении диалектных расхождений, в выработке единых грамматических норм на основе общенародного языка и подготовил тем самым почву для формирования национального литературного языка. Процесс этого формирования завершился только после Великой Октябрьской социалистической революции. В этом — непреходящее значение языка эпоса «Манас».

¹ Первая запись была сделана Ч. Ч. Валихановым еще в 1856 году. Она была опубликована много лет спустя А. Х. Маргуланом в 1971 году в Алма-Ате под названием «Чокан жане „Манас“». См. также: «Кокетайдын ертегиси», Алматы, 1972.

² После Ч. Ч. Валиханова некоторые части «Манаса» записал В. В. Радлов, посетивший Киргизию дважды: в 1862 и 1869 гг. Он опубликовал их в 1885 году на киргизском и немецком языках. См.: В. В. Радлов. Образцы народной литературы северных тюркских племен. СПб., 1885, ч. V; *его же*. Proben der Volksliteratur der nördlichen türkischen Stämme. Y Teil, Пб., 1885.

³ Von Dr. Georg von Almasy. Der Abschied des Helden Manas von seinem Sohne Semetei. — «Keleti Szemle Revue orientale pour les études ouralo-altaïques», Budapest, t. XII, 1911—1912, стр. 216—223. Перевод этого труда на русский язык см.: «„Манас“ — героический эпос киргизского народа», Фрунзе, 1968, стр. 42—48.

⁴ Первая фиксация «Манаса» в советское время была осуществлена К. Мифтаховым в 1922 году. Запись им была произведена из уст крупного сказителя-манасчи С. Орозбакова. В дальнейшем работу по фиксации эпоса продолжил Н. Абдырахманов. Первым научным исследованием, посвященным эпосу, принято считать статью П. Фалеева «Как строится кара-киргизская былина», опубликованную в журнале «Наука и просвещение» (Ташкент, 1922, № 1).

⁵ Подробнее об этом см.: С. Мусаев. Эпос «Манас». Фрунзе, 1979.

⁶ «Манас». Киргизский героический эпос. Книга I, М., 1984. См. рецензии на это издание: Э. Р. Тенишев. «Манас». Киргизский героический эпос. Кн. I.—«Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка», 1985, № 5; Р. С. Липец. «Манас». Киргизский героический эпос. Книга I. — «Советская тюркология», 1985, № 4.

⁷ Э. Р. Тенишев. О построении народно-разговорного и литературного языков. — В сб.: «Тюркологические исследования», М., 1976, стр. 230.

⁸ А. В. Десницкая. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970; «Энгельс и языкознание», М., 1972; «Типы наддиалектных форм языка», М., 1981 и др.

⁹ К. А. Рахматуллин. Творчество манасчи. — В кн.: «„Манас“—героический эпос киргизского народа», Фрунзе, 1968, стр. 80.

¹⁰ В. В. Радлов. Образцы народной литературы северных тюркских племен. СПб., 1885, ч. V, стр. 3.

¹¹ Там же, стр. 4.

¹² А. В. Десницкая. Указ. раб., стр. 32.

¹³ См.: В. М. Жирмунский. Средневековые литературы как предмет сравнительного литературоведения. — «Сравнительное литературоведение. Восток и Запад», Л., 1979, стр. 169.

¹⁴ Э. Абдылдаев. «Манас» эпосунун тарыхый өнүгүшүнүн негизги этаптары. Фрунзе, 1981, стр. 106.

¹⁵ «Манас», т. II, Фрунзе, 1980, стр. 93.

¹⁶ А. В. Десницкая. Указ. раб., стр. 26.

¹⁷ М. М. Гухман. К типологии германских литературных языков донационального периода. — В кн.: «Типология германских литературных языков», М., 1976, стр. 8.

¹⁸ Б. М. Юнусалиев. Кыргыз диалектологиясы. Фрунзе, 1971, стр. 133—134.

¹⁹ Б. М. Юнусалиев. Указ. раб., стр. 240.

²⁰ Б. М. Юнусалиев. Указ. раб., стр. 188.

²¹ Б. М. Юнусалиев. Указ. раб., стр. 191.

²² Весьма примечательно, что почти все факты диалектных смешений, приведенные выше, встречаются в варианте эпоса, записанном В. В. Радловым от анонимных сказителей-манасчи сто с лишним лет назад. Однако исследовательница этого варианта С. Кондучалова, отмечая некоторые из этих фактов, объясняла их происхождение недостаточным знанием киргизского языка В. В. Радловым и его помощниками-фиксаторами текстов. См.: С. Кондучалова. В. В. Радловун жыйнаган материалдарындагы кыргыз тилинин фонетикалык озгочолуктору. Фрунзе, 1961; *еже* В. В. Радловун жыйнаган материалдарындагы кыргыз грамматикалык озгочолуктору. Фрунзе, 1964, стр. 70—81.

²³ Б. М. Юнусалиев. Киргизский героический эпос. — В кн.: «„Манас“ — героический эпос киргизского народа», Фрунзе, 1968, стр. 230.

²⁴ Там же.

Рецен-
ное исс-
посвящ-
следова-
языков
и монго-
те, авто-
снмой,
есть о-
из язы-
затем с-
ши м-

На ф-
менного
личных
новном
поставл-
диахро-
ная за-
времен-
груп-
зультат-
мой ал-
считает-
проблем-
ских яз-
алтаист-
исконн-
форм и
ниями
венно

На т-
отдель-
лось на-
гипотез-
ной сис-
вания
ло (та-
известн-
тунгус-

¹ См.
тива в
сравни-
ков».

РЕЦЕНЗИИ

И. В. КОРМУШИН. СИСТЕМЫ ВРЕМЕН ГЛАГОЛА В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

ИЗД-ВО «НАУКА», М., 1984, 86 стр.

Рецензируемая работа — второе крупное исследование автора по алтаистике¹, посвящена сравнительно-историческому исследованию временных систем трех групп языков — тюркской, тунгусо-маньчжурской и монгольской. Как и в предыдущей работе, автор придерживается методики независимой, или автономной, реконструкции, то есть осуществляет последнюю по каждой из языковых групп в отдельности и лишь затем сопоставляет полученные реконструкции между собой.

На фоне многочисленных описаний современного состояния временных систем различных языков из указанных групп (в основном тюркской) в рецензируемой работе поставленная проблема рассматривается в диахроническом аспекте, при этом основная задача заключается в реконструкции временной системы в целом для каждой из групп и в сопоставлении полученных результатов с целью проверки так называемой алтайской гипотезы. Автор резонно считает, что «в связи с дискуссионностью проблемы генетического единства алтайских языков в целом... на первый план в алтаистике выдвигается задача выделения истонных для каждой языковой подгруппы форм и обоснование их истонности показателями внутренней реконструкции соответственно для каждой из ветвей» (с. 5).

На тюркологических форумах, как и в отдельных работах, уже давно указывалось на необходимость создания рабочей гипотезы праязыкового состояния временной системы, однако специального исследования по этому вопросу до сих пор не было (такое же положение, насколько нам известно, наблюдается в монголистике и тунгусо-маньчжуроведении). Появление ра-

боты И. В. Кормушина восполняет этот пробел, что, на наш взгляд, прежде всего и определяет ее научную значимость.

Исследование И. В. Кормушина основывается на известной концепции грамматической организации временного пространства, исходящей из возможной максимальной представленности двенадцати граммем (три абсолютных — прошедшее, настоящее и будущее и девять относительных — плюсквамперфект, имперфект, будущее в прошедшем; перфект, настоящее актуальное, посленастоящее; предбудущее, настоящее в будущем, послепредбудущее) и их реализации в конкретных временных системах.

В работе достаточно подробно освещаются существующие точки зрения на происхождение отдельных форм (типа общетюркского претерита) или группы форм (типа презенса в тунгусо-маньчжурских языках). Реконструкция в каждой группе приводит к триаде «претерит (аорист) — презенс — перфект», характерной для типологически разных языков. Остановимся подробнее на тюркском материале работы.

В системе временных форм тюркских языков претерит, как известно, занимает особое место — он представлен во всех тюркских языках с самых ранних памятников и, несомненно, является древнейшей финитной глагольной формой. Автор предлагает новое обоснование гипотезы П. М. Мелиоранского о происхождении претеритального показателя из показателя глагольного имени. Архетип показателя этого глагольного имени представляется автором в виде *т/д с огласовкой, варьирующейся в зависимости от позиции (до или после консонантного элемента). Отрицая возможность возведения претеритального показателя к форме на -дук, автор указывает на факт использования в орхо-енисейских и древнеуйгурских памятниках как формы претерита, так и формы на -дук (в отрицательном аспекте) в разных значениях: в отличие от претерита, выражающего значение абсолютного прошедшего, фор-

¹ См.: И. В. Кормушин. Категория каузатива в алтайских языках. — В кн.: «Очерки сравнительной морфологии алтайских языков». Л., 1978.

ма на *-дук* использовалась как перфект, в значении относительного предшествования. Это затрудняет, по мнению автора, обоснование предположения о развитии одной формы из другой, ибо такое развитие не могло свестись к простому «отпочкованию», а должно было сопровождаться полным функциональным преобразованием одной формы в другую, чему противоречит функциональная полноценность обеих этих форм, наблюдаемая как в древнейших памятниках, так и в современных языках.

Факт отсутствия производных на *-ды* со значением действующего лица или его признака, который обычно истолковывается не в пользу гипотезы П. М. Мелиоранского, в работе представляется естественным (с позиций той же гипотезы), поскольку «грамматизация формы путем генерализации одной из ее функций связана с деграмматизацией (лексикализацией) ее остальных функций» (с. 16) — непредставленность соответствующего значения (действующего лица или его признака) в лексикализованных образованиях свидетельствует именно о его генерализации.

Весьма интересны с лингвистической точки зрения высказывания автора о презенсе, перфекте и др. Касаясь формы и структуры времен сферы настоящего и будущего, автор отмечает, что для всех без исключения тюркских языков характерна форма презенса ~ футурума на *-р/-(-)р*. Исторически первичным для формы на *-р* было выражение грамеммы настоящего времени, однако в большинстве современных тюркских языков в этой функции используется форма на *-а*, которая, как и форма на *-р*, является общетюркским достоянием (в современных огузских языках в изъявительном наклонении она отсутствует, хотя в прошлом и была представлена в нем). Соотношение форм *-р* и на *-а* следующее: граммема настоящего неотнотельного времени в огузских языках выражает форма на *-р*, в остальных — форма на *-а*; граммема будущего неотнотельного времени в огузских языках выражает форма *-(а)джак*, в неогузских — либо форма на *-р*, либо другая форма (*-аджак*, *-мак*, *-макчы*, *-рык/-нык/-лык*, *-лук*, *-гу*, *-гук*).

На основе анализа некоторых реликтовых явлений, сохранившихся в отдельных тюркских языках, автор восстанавливает для праторкского состояния еще два типа презенса ~ футурума: на **-с/-з* и с нулевым показателем. Рефлексом первого автор считает *с/з* в отрицательной форме 3-го лица презенса на *-р* (*-мас/-маз*). Для сравнения им привлекаются чувашская форма деепричастия на *-са* и общетюркская условная форма на *-са* (предполагаемая наследница презенса на *-с/-з*).

Для подтверждения предположения о наличии в праторкском презенса с нулевым показателем приводятся следующие факты: 1) отсутствие морфологического пока-

зателя времени в некоторых отрицательных формах презенса типа турецкой формы 1-го лица единственного числа *-там* (традиционно ее считают вторичной, развившейся в результате фонетических преобразований), 2) наличие неправильного типа презенса у небольшого числа глаголов в тувинском, алтайском, казахском и хакасском языках и использование в алтайском языке глаголов в форме основы в составе аналитических форм, 3) отсутствие специального временного форманта в отрицательной форме современного чувашского будущего неотнотельного времени типа *сыр-мә-п* 'я не напишу'. По мнению автора, «типы презенсов, как сохранившиеся в цельных парадигмах (с показателями **-р*, **-а*), так и восстанавливаемые на основе разнообразных остаточных явлений (с показателями **-с/-з* и **-Ø*), следует в равной мере относить к древнейшим образованиям, восходящим к общетюркскому состоянию. Противоположение претерита на **-т/-д* и указанных презентных форм конструировало одну ось временной системы глагола в тюркских языках. Другую ось в этой системе образуют формы перфекта» (с. 39). (В дальнейшем изложении автор в это положение вносит определенные уточнения, о чем см. ниже).

Из относительных времен сферы прошедших для сравнительно-исторических построений представляет интерес форма перфекта, имеющая в тюркских языках несколько показателей: *-мыш*, *-ган*, *-ыб*.

Форма перфекта на *-мыш* используется преимущественно в огузских и северо-восточных языках, форма на *-ган* — в остальных. Ареальный характер этих форм свидетельствует, по мнению автора, об их позднем проникновении в систему времен, сопряженным с вытеснением исконной общетюркской перфектной формы на *-б/-п*.

В связи с формой перфекта на *-ган* автор останавливается на вопросе о самостоятельном существовании общетюркского причастия на *-ан*, к которому он возводит конечный элемент древней деепричастной формы на *-бан*, отрицательной формы деепричастия на *-майын*. Аффикс *-май-* автор не считает отрицательным коррелятом формы на *-а*, усматривая здесь наличие особого показателя перфекта *-й(и)*, где *й* коррелирует с *д* (*-майын/-мадын*) — аналогично тому, как это происходит в аффиксе *-йук/-дук*, который также подвергается разложению: *-йц/-ду+к*. «От взгляда на взаимодействие формантов *-йц/-ды*, *-н* и *-б* зависит и реконструкция семантического облика первого из них. Может быть, именно он являлся собственно вербальным перфектным показателем, а форманты *-н*, *-б*, *-к* (в формах *-йук/-дук*) имели синтаксическое значение, памятуя, что все эти композиты — суть функциональные, т. е. синтаксические формы глагола», — пишет автор (с. 48).

Рассматривая древнейшие типы структуры корневых и аффиксальных морфем в алтайских языках, автор обращает внимание на то, что аффиксальным структурам ГС, СГС в тюркских языках соответствуют показатели типа СГ в тунгусо-маньчжурских и монгольских языках. Тюркская структура считается вторичной, возникшей в результате преобразования структуры открытого слога. С перестройкой структуры аффиксальных и корневых морфем автор связывает формирование презентных форм на $-(^c)r$, имеющих двоякую предогласовку — широкую и узкую: начальный гласный презентного аффикса, первоначально принадлежавший корню, отошел к аффиксу в результате морфологического перераспределения. Аналогичным образом объясняется и возникновение показателя деепричастия $-a/-yl/-y$ (отождествляемого с презенсом на $-a$), представленного широким и узким гласным: $СГСГ > СГС + Г$. Таким образом, автор реконструирует презенсы на $*-sa$, $*-p$ и $*-Ø$, развившийся впоследствии в $-a/-yl/-y$. По мнению автора, эти презенсы не имели темпоральных различий. Семантические различия показателей презенса, связанные с лексико-семантическими особенностями сочетающихся с ними глаголов, постепенно утратились, и формы стали смешиваться. В отрицательной парадигме используется нулевой показатель и $-c(a)$. В положительной — взаимодействует нулевой показатель (впоследствии также $-a/-yl/-y$) с формой на $-p$. В области перфекта в работе констатируется последовательная смена и взаимодействие целого ряда форм, причем отмечается, что показатели $-n$ и $-b$ выступают в морфологически перестроенном виде. В неперестроенном виде выступает показатель претерита $-ды$. Ставится также вопрос о связи показателей перфекта $*-зы$ и претерита $-ды$.

Особо хотелось бы отметить, что реконструкция временной системы, осуществленная автором, опирается на плодотворную, с нашей точки зрения, идею полифункциональных имен-глаголов, увязывающую позднейшие линии развития отглагольного словообразования, глагольных имен и финитных форм. Говоря о допустимости сопоставления показателей собственно глагольных (финитных) и функциональных форм глагола, автор обращает внимание на несомненное генетическое единство показателей функциональных разрядов тюркского глагола (причастие, имя действия и финитная форма на $-p$, причастие и имя действия на $-дык$, деепричастие и финитная форма на $-b$ и т. д.). «Представляется, — пишет автор, — что на ранних этапах истории языка в принципе все подобного рода показатели имели полный набор функций... В дальнейшем происходила селекция функций путем сокращения или даже полного затухания употребления форм в одних ка-

тегорияльных значениях и продуцирования в других» (с. 68). Сочувственно относясь к позиции автора, мы в то же время предпочли бы несколько меньшую категоричность утверждения относительно того, что все показатели имели полный набор функций.

Таковы основные положения работы, касающиеся реконструкции системы времен в тюркских языках. Следует сказать, что реконструкция временной системы в каждой из трех указанных групп языков, осуществленная автором, имеет самостоятельную научную ценность (как нам кажется, автору менее удалось монгольская часть). Выводы, связанные с возможностью сопоставления временных показателей трех групп языков на разных этапах реконструкции, делаются впервые и вносят определенный вклад и в алтайскую проблему в целом. Касаясь схождения морфологических показателей временных систем общетюркского, общетунгусо-маньчжурского и общемонгольского, автор отмечает, что имеющиеся в алтаистике сопоставления носят по необходимости предварительный характер, поскольку реконструкции общетунгусо-маньчжурского и общемонгольского состояния в части временных форм доводятся только до состояния праязыка накануне распада, так что по существу сопоставляются разнородные величины. Завершает автор работу выводом о том, что «гипотезу о родстве алтайских языков нельзя считать доказанной из-за отсутствия достаточно полно реконструированной системы праязыка, способной объяснить хотя бы основные структурные и материальные различия в ветвях; однако нельзя считать ее и несостоятельной ввиду вероятности многих предлагаемых... сопоставлений» (с. 76).

Завершая обзор содержания работы И. В. Кормушина, следует сказать, что в этом весьма интересном исследовании встречается немало спорных положений, которые, несомненно, могут стать основой плодотворной научной полемики. Здесь прежде всего следует упомянуть полное исключение из процесса темпорализации количественно-качественной характеристики исходных форм, которые не могли не наложиться и не трансформироваться особым образом во временной системе на всех этапах ее развития. Интересная идея об исходной форме презенса на $-c$ не подкрепляется автором фонетическими закономерностями, которые могли бы поставить ее в соответствие с отрицательной формой и ее показателем $-з$. Идея реконструированной триады, о которой говорилось выше, несколько противоречиво изложена в разных частях работы.

В связи с рассмотрением формы презенса на $-a$ автор предлагает новое истолкование этимологии туркменской формы настоящего-прошедшего времени типа *язамо:к* 'я не

пишу/не писал', усматривая в ее составе показатель *-а*, общий с показателем презенса. Остроумная трактовка туркменской формы, предложенная автором, видимо, выглядела бы убедительнее, если бы традиционно признаваемый путь развития туркменской формы не подтверждался фактами диалектов, фиксирующих этапы этого перехода (*язаным ёк > язам ёк > язамо:к*)². Аналогичные образования аналитического типа (грамматические фразеологизмы) без стяжения (как в туркменском) характерны и для других языков, например казахского (*алғаныш жоқ 'я не брал'*).

Недостаточно убедительна идея о нулевом презенсе, особенно в той части, где автор рассматривает известные четыре вспомогательных глагола, не подвергнута анализу их фонетическая структура, в частности сонантное окончание корня, что могло обуславливать стяжение формы презенса. Позволим себе несколько подробнее остановиться на некоторых деталях этой гипотезы.

Автор приводит данные четырех языков (тувинского, алтайского, хакаского и казахского) — формы 1-го лица единственного числа четырех глаголов («стоять», «сидеть», «ходить» и «лежать») и толкует их как реликты нулевого презенса. Автору известна традиционная точка зрения, предполагающая развитие этих форм из более полных, но он считает в той же мере вероятным и другое допущение — исконность форм с нулевым аффиксом времени. Допущение это, конечно, возможно, но оно не равновероятно с первым. Автор почему-то игнорирует тот факт, что из четырех глаголов один — «лежать» — имеет аффикс времени — *-р* с узкой огласовкой (тув. *чыд-ыр*, алт. *jad/jad-ыр*, каз. *жат-ыр*; хакасская форма нам неизвестна). Традиционное рассмотрение глагола «лежать» в ряду других глаголов, имеющих неправильный тип презенса, понятно, поскольку предполагается, что остальные три глагола имеют тот же тип образования презенса (с аффиксом *-ыр*), но подверглись упрощению (чему способствовало то, что все они оканчиваются на *р*). Косвенное подтверждение этого мы находим в туркменском языке, где формы настоящего длительного времени этих глаголов характеризуются долготой гласного, свидетельствующей о произошедшем стяжении — *ду:р, оты:р, йө:р*. В форме *аты:р* стяжения не было (*ят+ыр*), но долгота развилась по аналогии с другими тремя формами, что свидетельствует об общей судьбе этих четырех глаголов. Остается, однако, непонятным, почему автор включил форму презенса гла-

гола «лежать» в общий ряд с глаголами, имеющими, как он считает, нулевое оформление.

Для хакаского языка автор приводит еще три глагола: *пар-*, *кил-* и *нан-* (имеющие в 1-м лице единственного числа формы *парим/парирбын, килим/килирбын, наним/нанирбын*) и на основе расхождений в личном оформлении кратких и полных форм заключает, что дублетные формы «сохраняют наиболее древнее соотношение: нулевые формы времени оформлялись, как и претерит, легкими окончаниями, *р*-овые формы присоединяли уже тяжелые — местоименные показатели лица» (с. 38). Объединение этих глаголов с первыми четырьмя, упомянутыми выше, по типу образования презенса, по-видимому, основано на недоразумении, поскольку они (во всяком случае *пар-* и *кил-*³) образуют форму презенса по другой модели — с показателем времени *-и*, о чем свидетельствует структура формы 3-го лица (ср. единственное число 1-го лица — *пар-и-м*, 2-го лица — *пар-и-зын*, 3-го лица — *пар-и*; множественное число 1-го лица — *кил-и-бис*, 2-го лица — *кил-и-зер*, 3-го лица — *кил-и-лер*). Что же касается личного оформления форм презенса этих глаголов, то оно совпадает с претеритальным только в 1-м лице⁴, так что особенности образования презенса глаголов *пар-* и *кил-* не дают сведений для предположений о типе личного оформления нулевого презенса.

Сделанные нами частные замечания ни в коей мере не умаляют достоинств рецензируемой работы. В серьезном и глубоком исследовании, по-новому рассматривающем большой круг крайне сложных вопросов, неизбежны фрагменты, отделанные с меньшей тщательностью, нежели другие его части. В целом работа И. В. Кормушина представляет несомненный и весьма значительный научный интерес. Она будет полезна для специалистов, занимающихся различными проблемами сравнительно-исторической тюркологии и алтаистики.

Э. А. Грунина, Е. А. Поцелуевский

³ См.: «Грамматика хакаского языка», М., 1975, стр. 206.

⁴ П. И. Кузнецов подметил для турецких и туркменских диалектов следующую закономерность: при утрате временной основы конечного согласного меняется и облик аффикса лица, что создает впечатление смены типа личного оформления (см.: П. И. Кузнецов. Происхождение прошедшего времени на *-ды* и имен действия в тюркских языках. — В кн.: «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика», М., 1960, стр. 45–47). Не с этим ли явлением мы сталкиваемся в случае хакаских дублетов *парим/парирбын*?

² См.: А. П. Поцелуевский. Диалекты туркменского языка. — В кн.: А. П. Поцелуевский. Избранные труды. Ашхабад, 1975, стр. 114.

Ф. А. ГАНИЕВ. КОНВЕРСИЯ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, КАЗАНЬ, 1985, 108 стр.

Природа конверсии как лингвистического явления еще не нашла в языкознании окончательного определения. Это универсальное явление, присущее почти всем языкам мира, различно трактуется разными авторами.

По мнению В. В. Виноградова, конверсия представляет собой морфолого-синтаксический способ словообразования¹. Совершенно иная интерпретация конверсии дается В. М. Жирмунским, который полностью отрицает словообразовательную сущность данного явления и видит в нем скорее полиморфизм слова, нежели омонимию конкретных лексических единиц². Интересные мысли о конверсии высказывает И. И. Смирницкий, он пишет: «...конверсия есть лишь особый вид словообразования, в частности — словопроизводства (т. е. словосложения). Поэтому не нужно определять ее как „переход одной части в другую“»³. При столь различной трактовке весьма распространенного лингвистического явления рецензируемое монографическое исследование Ф. А. Ганиева «Конверсия в татарском языке» приобретает особое значение не только для татарского языкознания, но и для тюркологии в целом.

Книга состоит из двух частей. В первой из них («Введение», «Теоретические вопросы конверсии и проблема классификации частей речи в татарском языке») дается краткий обзор изучения данной проблемы в языкознании, особенно в отечественной тюркологии, анализируется лингвистическая сущность этого явления в аспекте классификации частей речи.

На наш взгляд, Ф. А. Ганиев правомерно определяет лингвистическую сущность конверсии как лексико-грамматический способ словообразования. Отличаются новизной мысли автора об особенностях конверсий, происходящих на уровнях языка и речи. Как пишет автор: «Отличительными чертами конверсии, происходящей на уровне языка, в отличие от конверсии, происходящей на уровне речи, являются следующие признаки: во-первых, изменяется лексическое значение слова, а из-

менение лексического значения слова приводит к образованию нового слова. Иногда новое значение далеко отходит от значения исходного слова. При контекстно-ситуативном переходе слов лексическое значение не изменяется. Во-вторых, изменение как грамматической природы, так и лексического значения является постоянным, не зависит от временных факторов, от ситуации (или контекста). Поэтому почти все словари, как правило, фиксируют данное явление или как переход слова (напр., в английском языке), или как употребление слова в функции другой части речи (напр., в татарском языке). Ситуативно-контекстные переходы слов вообще в словарях не отражаются» (с. 33).

Интересны наблюдения Ф. А. Ганиева над лексико-грамматическими процессами, происходящими при переходе основы или словоформы исходного слова в другую часть речи.

По мнению автора, в этих случаях между производным словом и исходной основой устанавливается отношение внутренней семантической производности, то есть происходит изменения лексической семантики производного слова, связывающей ее со значением исходной основы, изменяются также сочетаемость производных слов и парадигма слова, хотя последнее в тюркских языках не всегда является производящей основой при образовании слов путем конверсии (с. 31).

Вторая часть книги посвящена конкретному исследованию явления конверсии в татарском языке — образованию отдельных основных и служебных частей речи путем конверсии, среди которых особо выделяется образование прилагательных, то есть адъективизация (одна из разновидностей конверсии). В этом разделе описываются переходы существительных, глагольных форм, наречий, числительных и предикативных слов в прилагательные. Рассматривается автором и образование существительных и наречий путем конверсии, то есть субстантивация и адвербиализация, хотя не все приведенные здесь случаи кажутся нам достаточно убедительными. В числе них укажем на переход местоимений в существительные: местоимения — самая отвлеченная по своей семантике часть речи, на наш взгляд, полностью сохраняют свои лексические значения и выполняют лишь грамматические функции существительных, что и составляет их сущность, иначе они перестали бы быть местоимениями. Хорошо разработаны разделы, посвященные служебным частям речи [послелограм (с. 83—90), частицам (с. 93—95), союзам (с. 96)] и междометиям (с. 90—93), хотя порядок распо-

¹ См.: В. В. Виноградов. Вопросы современного русского словообразования. — «Русский язык в школе», 1951, № 2, стр. 4.

² См.: В. М. Жирмунский. О границах слова. — В сб.: «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М.—Л., 1963, стр. 21—23.

³ А. И. Смирницкий. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке. — В кн.: «Лексикология английского языка», М., 1956, стр. 76.

ложения их в книге, как нам кажется, не вполне оправдан: междометия следовало поместить после служебных частей речи, так как они к последним не относятся.

Монография Ф. А. Ганиева завершается сравнительно обширным заключением и списком использованной литературы, неточно озаглавленной автором как «Библиография», ибо часть научных работ по данной проблеме не нашла в этом списке свое отражение.

В заключение Ф. А. Ганиев следующим образом определяет необходимость изучения всей системы конверсии в татарском языке, имеющего научно-теоретическое значение и благодаря которому «выясняются глубокие языковые процессы и харак-

терные особенности словопроизводства, которому до нынешнего времени по-настоящему не уделялось внимания». И далее: «Изучение данной проблемы имеет также научно-практическое значение: для типологических, контрастивных исследований татарского и других языков, для составления научно-описательных и учебных грамматик» (с. 102).

Мы полностью разделяем это мнение автора и полагаем, что его рецензируемая книга кладет начало проведению новых исследований, посвященных данной важной проблеме.

А. Ахундов

СЕЙІТ ҚАСҚАБАСОВ. ҚАЗАҚТЫҢ ХАЛЫҚ ПРОЗАСЫ

ҚАЗАҚ ССР-інің «ҒЫЛЫМ» БАСПАСЫ, АЛМА-АТА, 1984, 268 стр.

Работа по сбору и изучению отдельных образцов казахской народной прозы проводилась еще в прошлом столетии. Начиная с первой половины XIX века стали появляться публикации фольклорных текстов. Однако рукописные и изданные материалы показывают, что собиратели и исследователи казахского фольклора по-разному понимали и определяли жанровую принадлежность произведений устной прозы. Поэтому некоторые жанры устной прозы до настоящего времени оставались не дифференцированными с учетом их национальной и общетипологической специфики.

В рецензируемой монографии С. Каскабасова «Казахская народная проза» рассматривается указанная актуальная проблема современной казахской фольклористики. Впервые жанры казахской народной прозы анализируются достаточно полно и в системной последовательности. При этом автор подробно останавливается на теоретических аспектах литературоведения и фольклористики в плане изучения жанров и форм художественных произведений, на актуальных вопросах классификации жанров казахского фольклора в целом и народной прозы в частности. С. Каскабасов выявляет отличия фольклорных жанров от литературных, проявляющиеся главным образом в их бытовании, народном восприятии и функции. Исследование жанров устного народного творчества не может, естественно, производиться в отрыве от общего процесса развития национальной культуры, в системе которой функционируют произведения фольклора. Архаические верования и

представления прошлого нашли широкое отражение в устных прозаических произведениях, и одним из основных источников изучения многовековых этногенетических и этнокультурных процессов является фольклор, такие его жанры, как сказочная и несказочная проза.

С сожалением приходится констатировать, что вплоть до самого последнего времени многие образцы народной прозы (особенно несказочной) ускользали от внимания собирателей фольклора, старавшихся записать главным образом тексты, отличавшиеся, с их точки зрения, художественными достоинствами, произведения же несказочной прозы большей частью ими во внимание не принимались как «не фольклорные». Поэтому перед автором книги стояла двойная задача: максимально возможное привлечение имеющихся материалов устной прозы (преимущественно несказочной) из самых различных источников (дореволюционных и послереволюционных сборников, периодики, рукописей и т. д.) и исследование жанровых особенностей народной прозы.

Рецензируемая монография состоит из трех глав, в которых автор останавливается на вопросах систематизации жанров казахской народной прозы, на разновидностях несказочной и сказочной прозы.

В первой главе рассматриваются теоретические вопросы определения фольклорных жанров. Автор исходит из того, что для каждого из жанров устного народного творчества характерно преобладание одного или нескольких признаков, которые приме-

нительно к прозаическим произведениям фольклора позволяют выделить их на основании функциональных особенностей. Архаичность, полифункциональность, синкретизм, форма бытования, манера исполнения, отношение к действительности, степень художественной разработки темы, установка на достоверность и недостоверность — вот те главные признаки, которые присущи жанрам устной прозы.

Выявленные таким образом функциональные свойства народной прозы, отражающей религиозно-мифологические и эстетические взгляды народа, его историю, рассматриваются автором в историко-типологическом аспекте.

На этой основе в монографии выделяются и подробно анализируются жанровые разновидности несказочной (мифы, былички, предания и легенды) и сказочной (сказки о животных, волшебные, богатырские, новеллистические и сатирические) прозы. Следует отметить, что в работе большое внимание уделяется и проблемам терминологии. Так, термин *аңыз-әнгіме* нередко используется в значении «несказочная проза, предание, легенда». В работе вводятся некоторые научно обоснованные терминологические понятия, встречающиеся также у других тюркоязычных народов (например, *хикая* 'быличка', *әпсана-хакаят* 'легенда') и используются в конкретном значении уже известные термины: *аңыздық проза* 'несказочная проза', *ертегілік проза* 'сказочная проза', *аңыз* 'предание', *мисал* 'притча', *әнгіме* 'меморат' и др.

Вторая глава посвящена малоизученному жанру казахского фольклора — несказочной прозе. Автор при этом отмечает полифункциональность и синкретичность некоторых жанровых разновидностей несказочной прозы (мифы, былички, легенды) и сочетание в них различных мотивов и сюжетов — мифических, легендарных, сказочных, религиозных, исторических и др. Это свойство народной прозы, с одной стороны, свидетельствует о ее древнем происхождении, а с другой — выдвигает на первый план необходимость разработки своеобразной методики их изучения, так как создание и исполнение таких произведений ориентировано не на художественную подачу их, а на достоверность излагаемых в них событий. Это накладывает отпечаток и на композицию произведений несказочной прозы, и поэтому автор исследует ее жанровые разновидности в стадильной последовательности.

Самым ранним жанром фольклорной прозы являются мифы. Как отмечает С. Каскабасов, мифы казахского народа сохранили архаические черты, но, в отличие от античных мифов, не оформились в сложную мифологическую систему. Автор

пишет, что «в условиях перехода казахской народности к феодализму непосредственно от патриархально-родового строя, минуя стадию рабовладельческого общества, мифы не сложились в стройную систему, а стали распадаться и переходить в другие жанры» (с. 265).

В этой же главе впервые в казахской фольклористике рассматриваются также и другие жанровые разновидности несказочной прозы — былички, предания и легенды. Исследуя народную демонологию, автор анализирует функции мифологических персонажей, связанных с древнейшими верованиями казахов: *албасты* (враг роженни), *күлдіргіш* (смешительницы), *уббе* (водяной), *жезтырнақ* (женщина с медными ногтями), и таких популярных мифологических существ, как *шайтан*, *дио*, *пері*, *жын*.

Изучение народных преданий показало, что их сюжетика в большинстве случаев имеет локальный характер, и они в определенной мере являются устными историческими хрониками. На основе анализа текстового материала автор приходит к заключению, что со временем некоторые предания переходят в жанр легенды, поскольку в их повествовательную ткань постепенно влетаются элементы чудесного, фантастического. Такими являются, например, легенды о Коркуте, Искендере и др.

В третьей главе, наряду с волшебной и бытовой сказками, изученными достаточно полно, впервые исследуются сказки о животных, а также богатырские, новеллистические и сатирические сказки.

Автор отмечает, что для сказок, в отличие от несказочной прозы, особенно характерно широкое использование самых эмоциональных художественных поэтических приемов и средств. Учитывая эту особенность сказочной прозы, автор монографии подробно прослеживает ее поэтику и традиционные формулы (преимущественно инициальные и финальные), характеризует такие эпические приемы, как повторы, противопоставления, гиперболы, а также особенности языка и стиля. В этом аспекте казахские сказки типологически родственны сказкам других народов. Однако при этом они имеют и свою специфику: в структуру казахской сказочной прозы обязательно включаются зачин, повествующий о жизни героя до начала описываемых событий, и эпилог, рассказывающий о дальнейшей судьбе героя.

Монография С. Каскабасова вносит существенные коррективы в изучение казахской народной прозы и с интересом будет прочитана фольклористами и других тюркоязычных народов.

Р. Нургалиев, Ш. Ибраев

«УЗБЕК АДАБИЙ ТАЛАФУЗИ ЛУГАТИ»

УЗБЕКИСТОН ССР «ФАН» НАШРИЕТИ, ТОШКЕНТ, 1984, 560 стр.

Кодификация орфоэпических норм узбекского языка имеет не только научно-теоретическое, но и большое практическое значение. Выход орфоэпического словаря узбекского языка, подготовленного группой сотрудников отдела культуры речи Института языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР, явился заметным событием в культурной жизни республики.

В составлении словаря принимали участие С. Ибрагимов, М. Асамуддинова, А. Бабаева, Э. Бегматов, У. Усманова. Словарь предназначен для научных сотрудников, преподавателей и студентов вузов, дикторов радио и телевидения, артистов театра и пр. В нем приводятся нормативное литературное произношение около двадцати тысяч слов и словесных форм, рассматриваются случаи искажения произношения отдельных слов и грамматических форм, дается их правильное произношение и написание.

Узбекский язык, на котором в настоящее время в пределах Советского Союза говорят более двенадцати миллионов человек, является одним из старописьменных тюркских языков и отличается многообразием диалектов и говоров. Принято считать, что нормы узбекского литературного произношения основываются на особенностях ташкентской (в области фонетики) и ферганской (в области морфологии) групп говоров.

Для фонетической системы современного узбекского литературного языка, в отличие от большинства других тюркских языков, характерно отсутствие четкого противопоставления гласных переднего и заднего ряда, что исключает действие закона гармонии гласных.

Сложившиеся до Великой Октябрьской социалистической революции орфоэпические нормы узбекского языка в значительной своей части сохранились до наших дней, однако наряду с общепринятым традиционным произношением все шире распространяется и новое произношение, признаваемое ныне вполне литературным.

К сожалению, до сих пор еще не завершена разработка научно обоснованных норм узбекского литературного произношения, поэтому ряд вопросов орфоэпии, связанных с фонетической системой узбекского языка, составителям рецензируемого словаря приходилось решать впервые. Работая над словарем, они обнаружили значительную многовариантность в узбекском литературном произношении, свидетельствующую о том, что орфоэпические нормы устной литературной речи окончательно не сложились. Немаловажное значение имело и

решение составителями ряда вопросов, связанных с ударением: выяснение тенденций старого (традиционного) и нового произношения, а также специфических особенностей произношения русско-интернациональных слов, вошедших в узбекский язык.

Наличие в словаре некоторых недостатков в разработке нормативных рекомендаций, а также спорных фактов, с нашей точки зрения, вполне правомерно, так как это первый опыт создания орфоэпического словаря узбекского языка и «...ни один автор в качестве отдельного лица не имеет права взять на себя функции „законодателя“, предписывающего нормы произношения... К тому же полная унификация произносительной системы невозможна, и едва ли ее следует добиваться»¹.

Обратимся к рассмотрению структуры словаря и основных принципов подачи в нем материала. С левой стороны страниц словаря приводятся орфографические формы слов, а с правой — их произносительные формы в транскрипции.

Правая сторона значительно шире левой, так как включает комментарии, параллельно употребляемые и равнозначные произносительные варианты. Аномальные формы произношения слов транскрибированы (в квадратных скобках) после их нормативных форм и сопровождаются отрицательной пометой *эм. (эмас) 'не'*. Произносительные особенности притяжательных аффиксов большинства слов (за исключением наречий и причастий) приведены после сокращения *э. (эзалик кўшимчалари 'притяжательные аффиксы')*.

Правильные формы произношения падежных показателей следуют за притяжательными аффиксами, а там, где их нет, падежные показатели идут за основными нормативными рекомендациями. Полагаем, что если для имен существительных падежные окончания обязательны, то для инфинитивных форм глаголов они вряд ли оправданы.

В орфоэпическом словаре особенно важна разработка транскрипции. Буквой *а* в узбекском алфавите обозначены: а) переднеязычный мягкий нелабиализованный звук (в словаре транскрибирован знаком [ə] *элэм, эмэл, эрра*); б) задний твердый вариант данного звука в словах, заимствованных из арабского и персидского языков (*архар, бахши, вақт, хат*), и в словах, заимствованных из русского языка и через его посредство (*артист, вагон, доза, фабрика*).

Одним из трудных случаев транскрипции

¹ Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1972, стр. 6.

является передача узбекского звука, обозначающего буквой *о*. В узбекском языке эта буква означает: а) заднеязычный, нелабиализованный, более широкий гласный звук [ɔ], который транскрибирован знаком [а] (*ага, ана, апа, баш, балдак, балга, қанун, азат, қавак*); б) гласный звук [o] в словах, вошедших в узбекский из русского языка и через его посредство (*бомба, самбо, конкурс, космос*).

Буква *и* в узбекском алфавите обозначает: а) переднеязычный узкий гласный [i], который транскрибируется без изменений (*бирикиш, киши, мири, тирилик*); б) заднеязычный твердый узкий гласный [ɪ], который передается в транскрипции знаком [ы] (*қылык, қымыз, қырқма, қышлақ, ғылаф, танығли, ағыз*).

Ряд затруднений связан с передачей звуков, обозначенных буквой *у*: а) переднеязычный лабиализованный гласный передается знаком [ø] (*бөләк, гөдәк, дөкән, көрпә-төшәк, пөстәк*); б) заднеязычный (более широкий) лабиализованный гласный, передается знаком [o] (*ботқа, долана, толқын, оймақ*).

Буква *у* обозначает: а) переднеязычный мягкий узкий гласный, передается знаком [y] (*бурчак, бутун, күч, түвәк, үлүш*); б) заднеязычный (твердый), узкий гласный, передается знаком [u] (*булак, Эудук, зухур, сулув, қувур, ҳуқуқ*).

Из согласных транскрипции подвергнута буква *ж*, обозначающая спираント [ʒ] и аффрикату [tʃ]: *ж* оставлена в основном в словах, заимствованных из русского языка и через его посредство (*жандарма, журнал, жемпир, манжет, массаж*), в других словах буква *ж* передана знаком [tʃ] (*эчрик, вәжайәт, гәчәк, чәмийәт, мәчлис*). Звук [tʃ] в узбекском алфавите обозначается сочетанием *нз*, что создает затруднения на письме и в произношении. Поэтому составители передали его знаком [tʃ].

Таким образом, в целях адекватной передачи узбекских звуков составители дополнили современный узбекский алфавит диакритическими знаками, позволяющими более точно передать произношение ряда узбекских слов и словоформ.

Наряду с бесспорными достоинствами словаря отметим отдельные упущения в нем и спорные моменты.

Встречается разнобой в определении литературных орфоэпических норм некоторых слов. Ср., например, *бинафша* ('фиалка') — *гунафша, қаллик* ('невеста') — *қайлик* (диалектальное), *тойлоқ* ('жеребенок') — *тайлоқ* и др.

В отдельных случаях приводится диалектный вариант, а литературный опускается, так, например, при наличии в словаре диалектного *ёрқанот* 'летучая мышь' отсутствует литературный вариант этого слова — *қўшапалак*. Варианты *танк* и *танка* (разговорное) составители считают литера-

турными. Однако при слове *банк* не зафиксирован его вариант *банка*. Варианты *жун* ('шерсть') и *юнг* (разговорное) составители считают литературными, приводя их в одном ряду.

Ненормативное произношение встречается в любом литературном языке. Например, в узбекской разговорной речи, особенно при произнесении арабских и других иноязычных слов, звук *ф* часто произносится как *п*. В таких случаях в словаре в транскрипции дается правильная литературная форма, а в скобках отрицается его распространённый вариант, например, *ихтилаф* (ихтилап эм.), *миф* (мип эм.), *нафас* (напәс эм.), *нафәкә* (напәкә эм.), *рәфиқа* (рәпиқа эм.), *хафәқән* (хапәқан эм.), *хилаф* (хилап эм.), *фабрика* (пабрика эм.). Таких слов в узбекском языке немало. Однако в словаре не все они даны с отрицательной пометой, хотя следовало бы этот принцип соблюдать до конца.

Узбекский язык характеризуется наличием йекающих и джекающих говоров. Как известно, йекающие варианты слов считаются литературными. В связи с этим в словаре сделаны пометы: *ип* (чип эм.), *йилки* (чылкы эм.), *йилтирмақ* (чылтырмақ эм.) и т. д. С нашей точки зрения, не следовало специально выделять эти говоры, так как в этом случае отрицательной пометой придется сопровождать множество слов с начальным й.

В словаре встречаются случаи неправильного написания слов: *админстратор* (вместо правильного: *администратор*), *админстраторлик* (*администраторлик*), *антраполог* (*антрополог*), *антрапология* (*антропология*), *бепархиз* (*бепархез*), *бирадарона* (*бироадарона*) и др. Имеются также нарушения алфавитного порядка (стр. 28, 32, 104, 256 и др.), что, очевидно, связано с ротапринтным исполнением издания, не позволяющим вносить коррективы.

Словарь включает около двадцати тысяч слов и словоформ, то есть охватывает лишь наиболее употребительную часть лексики современного узбекского литературного языка², однако принципы отбора словника разработаны недостаточно четко, и поэтому большое количество слов, характерных для современного узбекского литературного языка, в словарь не вошло. В то же время в словарь вошло значительное число производных, малоупотребительных слов, таких,

² Ср., например: в последнем орфографическом словаре узбекского языка дано 65 тысяч слов («Узбек тилининг имло лугати». Тошкент, 1976), а в толковый словарь вошло 60 тысяч слов и словосочетаний («Узбек тилининг изоҳли лугати». Йкки томлик. М., 1981).

как *багажчи, бадсурат, бадшакл, байтхон, бамаза, банкирлик, банкротлик* и др.

Появление орфоэпического словаря узбекского языка весьма своевременно и будет способствовать дальнейшему повышению культуры узбекской литературной речи. Очередной и актуальной задачей узбекских орфоэпистов является более глубокое

исследование теоретических вопросов нормирования устной литературной речи и более четкая разработка орфоэпии узбекского литературного языка, что позволит осуществить издание различных типов словарей литературного произношения.

С. Караев, Ш. Шукюров

«ВОПРОСЫ ХАКАССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА»

АБАКАН, 1984, 204 стр.

Выпущенный Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории рецензируемый сборник научных трудов «Вопросы хакасского литературного языка» посвящен памяти видного хакасского языковеда, доктора филологических наук Михаила Ивановича Боргоякова (5.V. 1930—15.X. 1983), руководившего сектором языка этого института и являвшегося ответственным редактором сборника.

М. И. Боргояков начал работать в Хакасском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории в 1956 году. В 1961 году он защитил кандидатскую диссертацию «Прямое дополнение в хакасском языке», а в 1979 году — докторскую «Проблемы формирования и развития хакасского языка». Он автор двух монографий: «Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке» (Абакан, 1976) и «Источники и история изучения хакасского языка» (Абакан, 1981).

М. И. Боргоякову принадлежит свыше шести десятков разных статей по вопросам хакасского языкознания, этнографии, фольклористики и истории.

Первая часть рецензируемого сборника, посвященная вопросам фонетики, включает три статьи. Она открывается работой С. А. Кундузаковой «Явления интерференции при усвоении хакасами русских консонантных сочетаний». Автор освещает своеобразие хакасской фонетики в зеркале русского языка, показывает, что хакасскому языку несвойственно сочетание более двух согласных. Проблемы акцентологии рассматриваются в статье А. В. Кабанова «Место ударения и длительность гласных в современном хакасском языке», построенной на экспериментальных данных. Автор считает хакасское ударение разноместным, причем ударные гласные имеют то большую длительность, сравнительно с безударными (если безударные узкие гласные противопо-

ставлены ударным широким гласным), то — меньшую (если безударные гласные открытого слога одинаковы по степени подъема с ударными и противостоят ударному закрытому слогу). Результаты экспериментального исследования легли также в основу статьи Г. В. Кыштымовой «Длительность гласных хакасского литературного языка в односложных словах», трактующей об относительной длительности кратких гласных в зависимости от структуры слога (закрытые, открытые, прикрытые, неприкрытые) и качества входящих в него согласных.

Вторая (лексикологическая) часть сборника состоит из четырех статей, в первой из которых «Из истории функционирования хакасских слов в русских текстах» В. Е. Райкова рассматривает историю употребления в русских текстах хакасских слов *чатхан* 'щипковый шести- или семиструнный музыкальный инструмент', *хайджи* 'мастер горлового пения' (с производящим *хай* 'горловое пение'), *таскил* (*тасхыл*) 'высокие горы, цепь гор', *чаатас* 'древние могильники, представляющие собой группу курганов'. Интересен, на наш взгляд, анализ приведенного обширного материала, стилистических функций этих слов в русских текстах.

Тщательностью анализа большого фактического материала отличаются статьи Т. Н. Тугужековой «Лексическая сочетаемость и семантическая структура существительного *оол* в современном хакасском языке» и «Сочетаемость прилагательного *узун* и его семантическая структура», хотя изложение материала неоправданно усложнено, например: вместо термина *значение* автор использует не очень ясное сочетание *лексико-семантический вариант* (чего?) и еще менее понятную аббревиатуру ЛСВ, приводящую к монотонности изложения.

Важные теоретические проблемы синонимии многозначных фразеологических еди-

ниц на материале хакасского языка рассматриваются в статье Т. Г. Боргояковой «Некоторые вопросы фразеологической синонимии», в которой автор показывает, что в синонимические связи с другими единицами многозначные фразеологизмы вступают лишь частью своих значений.

Более многочисленны статьи по вопросам грамматики (морфологии и синтаксиса), их в сборнике шесть.

В статье «Типологические сдвиги в хакасском языке» В. Г. Карпов справедливо выступает против безоговорочной характеристики всех тюркских языков как исключительно агглютинативных. Он обнаруживает в них как пережитки доагглютинативного аморфного (изолирующего, корневого) состояния языка, так и элементы, приводящие к усилению фузионности, к стиранию четких границ между морфемами. По мнению автора, агглютинативность в тюркских языках, несмотря на свою относительную устойчивость, со временем начинает терять свою первоначальную чистоту.

Монографическое описание отдельной грамматической категории на большом фактическом материале дано в большой статье Д. Ф. Патачаковой «Деепричастные формы в хакасском языке».

«Союзный тип связи в сложноподчиненных предложениях хакасского языка» является объектом исследования в одноименной статье О. В. Субраковой, которая считает, вслед за Н. З. Гаджиевой, этот тип связи компонентов более новым по сравне-

нию с деепричастными и причастными конструкциями. Процесс образования подчинительных союзов в современном хакасском языке идет весьма активно.

В статье Т. Н. Боргояковой «Временные полипредикативные конструкции в хакасском языке» рассматриваются способы выражения временных значений в конструкциях, которые по традиционной терминологии, избегнутой автором в заголовке, именовались сложноподчиненными предложениями с временными придаточными.

Синтаксическим проблемам структуры и семантики словосочетания посвящены две статьи О. П. Анжигановой «Глагольные словосочетания с наречием в хакасском языке» и «Глагольные словосочетания с именами прилагательными», основанные на значительном материале речений и эксцерпированных текстов.

Социологическим аспектам функционирования хакасского языка в современных условиях посвящены статьи В. П. Кривоногова «Влияние национальной среды на языковые процессы у хакасов» и Л. Ф. Чупрова «Некоторые социально-психологические аспекты двуязычия».

Большинство статей сборника содержит интересный материал и оригинально интерпретирует его.

Завершается сборник статьями В. Г. Карпова о М. И. Боргоякове и списком трудов последнего, включающим шестьдесят два названия.

И. Г. Добродомов

PERSONALIA

ГАНИ АБДУРАХМАНОВИЧ АБДУРАХМАНОВ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения и сорок лет научно-педагогической деятельности видного узбекского языковеда, заслуженного деятеля науки Узбекской ССР, члена-корреспондента Академии наук Узбекистана, доктора филологических наук, профессора, ректора Ташкентского государственного педагогического института им. Низами Гани Абдурахмановича Абдурахманова.

Г. А. Абдурахманов родился 3 декабря 1925 года в Фергане. После окончания в 1946 году факультета языка и литературы Ферганского государственного педагогического института им. Улугбека он стал работать преподавателем кафедры узбекского языкознания этого же вуза.

Еще в студенческие годы Г. А. Абдурах-

манов проявил интерес к методике преподавания узбекского языка и общетеоретическим проблемам языкознания.

В 1950 году Г. А. Абдурахманов успешно защитил кандидатскую диссертацию «Субстантивированные прилагательные в современном узбекском языке». В последующие годы опубликовал ряд работ¹, принимал активное участие в составлении программ² и учебников³ для средней школы. В 1958 году он стал руководить сектором сравнительно-исторического изучения узбекского языка Института языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР и возглавил коллективную работу по теме «Методика преподавания родного языка в узбекской школе», опубликовал статьи и монографии⁴ по актуальным проблемам узбекского синтаксиса. Результаты его исследований в этой области были обобщены в докторской диссертации «Основы синтаксиса сложного предложения современного узбекского литературного языка», защищенной в 1960 году. В 1966 году вышла из печати академическая грам-

¹ Г. Абдурахманов. Субстантивированные прилагательные в современном узбекском языке, Самарканд, 1950; *его же*. Сифатларнинг отлашиши. — «Фаргона давлат педагогика институтининг илмий асарлари». IV, Фаргона, 1957; *его же*. Ажратилган иккинчи даражали бўлақлар. Тошкент, 1955 и др.

² «Урта мактаб программалари. Узбек тили VIII—X синфлар учун». Тошкент, 1953.

³ «Узбек тилидан қўлланма», Тошкент. Первое издание — 1954; восьмое издание — 1962.

⁴ Г. Абдурахманов. Қўшма гап синтаксиси асослари. Тошкент, 1958; *его же*. Основы синтаксиса сложного предложения современного узбекского литературного языка. Ташкент, 1960.

матика современного узбекского литературного языка, подготовленная с участием и под руководством Г. А. Абдурахманова⁵. Новый, дополненный вариант ее был издан в 1975—1976 гг.

В дальнейшем Г. А. Абдурахманов приступил к исследованию узбекского языка в сравнительно-историческом плане, принял участие в подготовке издания перевода «Дивана» Махмуда Кашгари на узбекский язык⁶. Перу Г. А. Абдурахманова принадлежит ряд научных статей и монографий⁷ по тюркской исторической фонетике и грамматике, а также по проблемам периодизации узбекского литературного языка.

Ученый уже многие годы ведет работу по созданию программ, учебников, учебных пособий, методических указаний по вопросам преподавания узбекского и русского

языков в школах и вузах, в том числе по грамматике (синтаксису) современного узбекского языка, по исторической грамматике, по старотюркскому языку и др. Г. А. Абдурахманов много сил отдает педагогической деятельности. Под его руководством защищены три докторских, более двадцати кандидатских диссертаций по филологии и педагогике.

Г. А. Абдурахманов — член редколлегии научных журналов по тюркологии и педагогике, член Советского комитета тюркологов, активный участник ряда международных, всесоюзных, республиканских тюркологических конференций и симпозиумов.

Партия и правительство высоко оценили научно-педагогическую деятельность Г. А. Абдурахманова, наградив его орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями, Почетной грамотой ЦК КП Узбекистана и Верховного Совета Узбекской ССР, значками «Отличник народного образования» СССР и Узбекской ССР, он дважды избирался депутатом Верховного Совета Узбекской ССР.

В настоящее время, будучи ректором Ташкентского государственного педагогического института им. Низами, Г. А. Абдурахманов продолжает активную научную и педагогическую работу.

Ученики и коллеги Гани Абдурахмановича Абдурахманова желают ему в связи с юбилеем доброго здоровья и дальнейших успехов в его научной и педагогической деятельности.

А. Рустамов.

⁵ «Хозирги ўзбек адабий тили». I. Фонетика. Лексикология. Морфология. Тошкент, 1966; «Хозирги ўзбек адабий тили». II. Синтаксис, Тошкент, 1966.

⁶ «Махмуд Кошгарий. Девону луготит турк». Таржимон ва нашрга тайёрловчи. С. М. Муталлибов, Маъсул муҳарири Ф. А. Абдурахмонов, Тошкент. I — 1960; II — 1961; III — 1963; «Девону луготит турк. Индекс-лугат», Ф. Абдурахмонов ва С. М. Муталлибовлар иштироки ва таҳрири остида. Тошкент, 1967.

⁷ Г. А. Абдурахманов. Исследование по старотюркскому синтаксису. М., 1967; *его же*. Тарихий синтаксис. Тошкент, 1974; Ф. Абдурахмонов, А. Рустамов. Навоий тилининг грамматик хусусиятлари. Тошкент, 1984.

АЛИГЕЙДАР АЛИАББАС ОГЛЫ ОРУДЖЕВ

(К восьмидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось восемьдесят лет со дня рождения члена-корреспондента Академии наук Азербайджанской ССР, заслуженного деятеля науки Азербайджанской ССР, лауреата Государственной премии СССР, доктора филологических наук, профессора Алигейдара Алиаббас оглы Оруджева.

А. А. Оруджев родился 25 ноября 1905 года в городе Кубе (Азербайджанская ССР). Первоначальное образование он получил в кубинском высшем начальном училище. После окончания в 1926 году рабфака А. А. Оруджев находился на комсомольской работе, был ответственным секре-

тарем редакции молодежной газеты «Гяндж ишчи» («Молодой рабочий»), заведующим отделом издательства «Азернешр». В эти годы он перевел на азербайджанский язык «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, ряд статей В. И. Ленина и некоторые другие труды классиков марксизма-ленинизма.

Окончив экстерном в 1940 году Азгос-университет им. С. М. Кирова, А. А. Оруджев перешел на работу в Институт словарей Азербайджанского филиала Академии наук СССР.

С 1944 года А. А. Оруджев возглавляет

словарный отдел сперва Института языка, а в дальнейшем — Института языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР.

А. А. Оруджев является одним из основных составителей и редакторов однотомных «Русско-азербайджанского словаря» (1942, 1951) и «Азербайджанско-русского словаря» (1962), четырехтомного «Русско-азербайджанского словаря» (1940—1946). В 1948 году коллективу создателей последнего словаря, и в том числе А. А. Оруджеву, была присуждена Государственная премия СССР. В последующем под руководством и при непосредственном участии А. А. Оруджева были подготовлены второе (1956—1959) и третье (1971—1978) издания этого словаря. А. А. Оруджев активно участвовал в создании «Словаря арабских и персидских слов» (1966), «Орфографического словаря азербайджанского языка» (1975); им составлен и издан «Азербайджанско-русский фразеологический словарь» (1976).

А. А. Оруджев наряду с составлением и редактированием словарей занимается разработкой теоретических проблем лексикологии и лексикографии. В докторской диссертации «Теоретические основы „Толкового словаря азербайджанского языка“», защищенной А. А. Оруджевым в 1962 году, глубоко разработаны такие проблемы толкового словаря, как вопрос о словнике, омонимии, о подаче и размещении в словаре сложных слов и фразеологизмов, о классификации значений слов, о типах толкований слов, иллюстративном материале, составе словарных статей и др. В 1965 году была издана работа А. А. Оруджева «Теоретические основы филологического толкового словаря азербайджанского языка», основные положения которой были с пользой учтены лексикографами и других тюркоязычных республик. Им написаны большие статьи «О новом издании большого русско-азербайджанского словаря» (1961), «К вопросу об отражении в русско-тюркских словарях лексико-грамматических особенностей русского языка (на материале русско-азербайджанских словарей)» (1963) и др.

Начиная с 1946 года, А. А. Оруджев работает над подготовкой четырехтомного «Толкового словаря азербайджанского языка», руководя коллективом исполнителей и сам непосредственно участвуя в его составлении. К настоящему времени вышли три тома, четвертый находится в производстве. Общий объем словаря около 300 авторских листов, он охватывает почти 50 тысяч заглавных слов и до 8 тысяч фразеологических единиц.

Много сделано и делается А. А. Оруджевым и в области азербайджанской терминологии как в теоретическом, так и в практическом аспектах.

В настоящее время А. А. Оруджев является председателем Терминологического комитета при президиуме Академии наук Азербайджанской ССР и руководит работой по составлению терминологических словарей по различным отраслям науки и техники.

А. А. Оруджев немало времени уделяет подготовке высококвалифицированных кадров словаристов. Он является членом Научного совета по проблемам лексикологии и лексикографии при Отделении литературы и языка АН СССР, членом Комиссии по унификации терминологии АН СССР, членом специализированного и ученых советов.

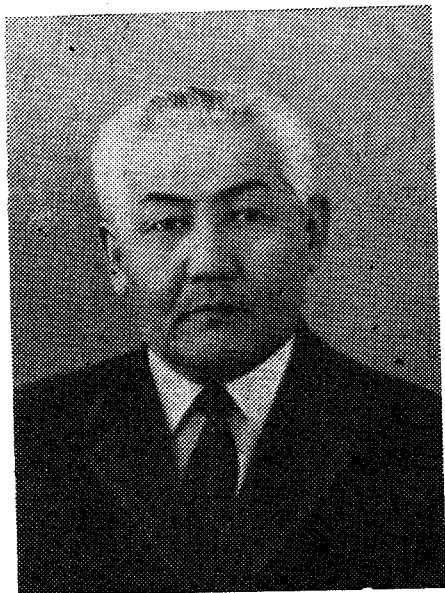
Многолетняя, плодотворная и самоотверженная работа А. А. Оруджева — одного из крупнейших лексикографов-тюркологов, была высоко оценена партией и правительством: он награжден орденом «Знак Почета», медалями СССР, Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР, ему присуждена Государственная премия СССР.

Коллеги и ученики А. А. Оруджева, поздравляя его со славным юбилеем, желают ему крепкого здоровья, долгих лет жизни и дальнейших успехов в его научной деятельности.

Б. Т. Абдуллаев

ТОЛЕУБАЙ РАХИМЖАНОВИЧ КОРДАБАЕВ

(К семидесятилетию со дня рождения)

15 декабря 1985 года исполняется семьдесят лет со дня рождения и пятьдесят лет научно-педагогической деятельности одного из видных языковедов республики, заслуженного деятеля науки Казахской ССР, доктора филологических наук, профессора Т. Р. Кордабаева.

Свою трудовую деятельность Т. Р. Кордабаев начал в 1935 году. С 1939 года он сперва работал старшим преподавателем, а затем заведующим кафедрой, проректором по учебной и научной работе, заведующим отделом Института языкознания Академии наук Казахской ССР. В настоящее время он заведует кафедрой казахского языка Карагандинского государственного университета.

Педагогическую работу Т. Р. Кордабаев успешно сочетает с научной, которая характеризуется многогранностью и широтой исследовательских интересов.

Список научных работ Т. Р. Кордабаева насчитывает более ста названий, среди них около двадцати отдельных изданий: учебников, учебных пособий, монографий, различных словарей, написанных самостоятельно и в соавторстве с другими учеными. Из работ особо следует выделить: «Категория времени глагола» (1948 и 1953), «Вопросы исторического синтаксиса» (1964), «Синтаксис казахских письменных памятников» (1966), «Синтаксис казахского языка на материале XVI—XX вв.» (1967), «Вопросы исторической грамматики» (1975, соав-

тор). Наибольшего внимания заслуживают исследования Т. Р. Кордабаева по исторической грамматике, синтаксису казахского языка и изучению старотюркских письменных памятников.

Наряду с изучением синтаксиса казахской поэзии Т. Р. Кордабаев впервые в казахской филологии исследовал синтаксис казахских пословиц. Целый ряд работ Т. Р. Кордабаева посвящен исследованию лексики и лексикографии казахского языка.

Много сил и труда вложил Т. Р. Кордабаев в разработку и исследование вопросов истории формирования и развития казахского литературного языка, в описание современного его состояния. Работа учебного «Некоторые вопросы казахского литературного языка» (1985) внесла много нового в изучение казахского литературного языка.

Немало сделано Т. Р. Кордабаевым для средней школы и высших учебных заведений Казахстана. Наряду с преподавательской деятельностью он занимался составлением программ, писал учебники и учебные пособия, многие из которых стали ныне стабильными. Несколько учебников и учебных пособий написал Т. Р. Кордабаев для казахских отделений филологических факультетов вузов республики, в том числе: «Современный казахский язык (Синтаксис сложного предложения)» (в соавторстве с И. Балакаевым), «Общее языкознание», «Структурные элементы языка» (1975). Его упомянутые выше работы по исторической грамматике, особенно по историческому синтаксису казахского языка, являются в настоящее время единственными учебными пособиями по этим дисциплинам для студентов-казахов.

Много внимания и сил уделяет Т. Р. Кордабаев подготовке научных кадров и специалистов-филологов. Сегодня трудно назвать область или район республики, где бы не работали его ученики.

Заслуги Т. Р. Кордабаева в области филологической науки и педагогики получили высокую правительственную оценку: он награжден орденом Трудового Красного Знамени, рядом медалей, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Казахской ССР. В числе его наград и орден Монгольской Народной Республики «Алтан Галас». Т. Р. Кордабаеву присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Казахской ССР».

Коллеги и ученики Т. Р. Кордабаева желают ему доброго здоровья, новых успехов в научной и педагогической деятельности, счастья и благополучия.

А. К. Курышжанов.

АБИЛЬБЕК НУРМАГАМБЕТОВ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения казахского диалектолога, доктора филологических наук Абилябека Нурмагамбетова.

А. Нурмагамбетов родился 29 декабря 1925 года в ауле № 4 Джангельдинского района Кустанайской (ныне Тургайской) области в семье педагога. В 1960 году он окончил историко-филологический факультет Казахского государственного педагогического института им. Абая. Недолго проработав учителем в сельской школе, А. Нур-

магамбетов поступил в аспирантуру Института языкознания Академии наук Казахской ССР.

В 1965 году А. Нурмагамбетов защитил кандидатскую диссертацию «Казахский говор на территории Туркменской ССР», а в 1975 году — докторскую «Западная группа говоров казахского языка». Говор казахов Туркмении, по его определению, является переходным при двуязычии его носителей. Западный диалектный массив казахского языка, согласно исследованию А. Нурмагамбетова, включает пять самостоятельных говоров (арало-сырдарьинский, каракалпакский, мангышлакский, туркменский, центрально-северный). Один из этих говоров можно охарактеризовать как «собственные» (терминология А. Нурмагамбетова), другие — как переходные или смешанные.

А. Нурмагамбетов — автор свыше пятидесяти научных работ, в том числе трех монографий: «Язык казахов Туркмении» (1974), «Западная группа говоров казахского языка» (1978), «Этимология диалектизмов в казахском языке» (1985). Следует отметить, что последняя монография является первым опытом этимологического исследования диалектной лексики не только в казахском языкознании, но и в тюркологии в целом. А. Нурмагамбетов — один из основных составителей «Диалектологического словаря казахского языка» (1969).

Коллеги и друзья А. Нурмагамбетова поздравляют его с юбилеем и желают ему доброго здоровья и дальнейших успехов в развитии казахского языкознания.

Ф. Ф. Алиев

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС В СТАМБУЛЕ

23—28 сентября 1985 года в Стамбуле проходил V международный тюркологический конгресс. Такие научные форумы каждые три года проводит Центр тюркологических исследований при Стамбульском университете. В центре внимания участников V конгресса находились проблемы изучения языка древних памятников, литературных и фольклорных связей, истории, археологии, истории медицины и музыки тюркоязычных народов, а также некоторые вопросы развития современной турецкой литературы.

В советскую делегацию, которую возглавлял Э. Р. Тенишев, входили ученые из разных городов и республик нашей страны — языковеды, литературоведы, фольклористы, историки языка, искусствоведы, этнографы.

В работе конгресса, проходившего под председательством директора Центра тюркологических исследований при Стамбульском университете профессора А. Алпарслана, приняли участие четыреста ученых из двадцати двух стран мира; было заслушано 262 доклада.

Заседания конгресса проходили по шести секциям: 1) тюркские языки; 2) тюркские литературы; 3) тюркская история; 4) исследования по исламу у турков; 5) тюркское искусство и история медицины; 6) тюркская музыка.

На первом пленарном заседании после выступлений руководителей зарубежных делегаций и организаторов конгресса были сделаны два доклада: «Основные проблемы тюркологии» (К. Карпат, США) и «Управление у турок. Атаюрк и труды по тюркологии» (М. Сарай, Турция).

В секции «Тюркские языки» были заслушаны и обсуждены доклады, в которых в основном рассматривались частные вопросы изучения языков тюркских памятников древнего и средневекового периодов, а также некоторые проблемы грамматики, диалектологии, этимологии турецкого и других тюркских языков. Значитель-

ный интерес у присутствовавших на заседании секции вызвали доклады советских ученых — Э. Р. Тенишева, А. Т. Кайдарова, Б. О. Орузбаевой, В. И. Асланова, К. М. Мусаева, З. И. Будаговой, посвященные в основном истории и особенностям отдельных тюркских языков.

В секции «Тюркские литературы» основное внимание было уделено средневековой тюркоязычной литературе и меньшее, — литературе нового времени. Здесь с докладами, посвященными теоретическим проблемам современной турецкой прозы и поэзии, выступили советские тюркологи С. Н. Утургаури и Т. Н. Меликов. Доклад о турецком фольклоре сделал М. М. Сагитов.

Тематика докладов, сделанных в секции «Тюркская история», охватывала различные вопросы — политические события, социальные отношения, правовые нормы и понятия, культурологию. Работы имели большей частью узкокраеведческий уклон и не отличались широтой проблематики. Член советской делегации В. Н. Басилов выступил с докладом о значении среднеазиатского материала для исследования истории шаманства.

Истории художественной культуры тюркоязычных народов были посвящены доклады участников секции «Тюркское искусство и история медицины». Г. Н. Пугаченкова и Л. Г. Кызласов выступили с докладами по архитектурной типологии Средней Азии и городской цивилизации тюркоязычных народов Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху средневековья.

На втором пленарном заседании конгресса Э. Р. Тенишев сделал доклад о деятельности советских тюркологов, ее научном и культурном значении, подчеркнув, что в СССР исследования во всех областях тюркологии ведутся во многих республиках, где созданы крупные национальные научные центры.

Некоторые зарубежные участники конгресса выступили с докладами, носившими

явно антисоветский характер. Однако эти выступления получили должный отпор со стороны членов советской делегации.

Турецкие ученые профессора Х. Д. Иылдыз, М. Чавушоглу, Ф. Тюркмен, О. Ф. Акюн высказали глубокую заинтересованность в расширении научных контактов с советскими тюркологами.

Участие советских тюркологов в работе

У международного тюркологического конгресса позволило ознакомить зарубежных ученых с успехами тюркологической науки и востоковедения в целом в нашей стране, а самым больше узнать о работах, осуществляемых в настоящее время за рубежом.

З. И. Будагова

СЕССИЯ ШКОЛЫ МОЛОДОГО КОМПАРАТИВИСТА

21–26 октября 1985 года Институтом языкознания Академии наук СССР на базе кафедры иностранных языков Львовского сельхозинститута была проведена сессия Школы молодого компаративиста, в которой приняли участие ученые из Баку, Вильнюса, Казани, Львова, Москвы, Нальчика, Сыктывкара, Таллина, Томска.

Сессия открылась докладом академика Б. А. Серебренникова (Москва) «Реконструкция по косвенным данным», в котором было подчеркнуто, что при реконструкции наряду с прямыми сопоставлениями должны использоваться также различные косвенные данные, позволяющие наметить правильное направление поисков. Данный тезис был подкреплен двумя примерами из тюркских языков. Докладчик напомнил о высказывавшемся предположении, что суффикс относительного прилагательного *-ly/-lyg, -dy/-dyg* и т. д. являлся в древности суффиксом совместного падежа и уже впоследствии был переосмыслен. Причем реликты древнего совместного падежа сохраняются в многочисленных относительных прилагательных. Другим примером является то, что в современных тюркских языках исходный падеж характеризуется окончанием *-dan* позднего происхождения; древний исходно-местный падеж, существовавший в тюркском праязыке, имел окончание *-ta/-te, -da/-de*. Его особенность состояла в том, что он имел два значения: место нахождения и движения от чего-либо. Формант *-n* в окончании исходного падежа докладчик считает реликтовым следом направительного падежа на *-n*. В каз., кирг., ккалл. языках имеются местоимения на *-n*. Известны случаи, когда *-n* присоединяется непосредственно к основе слова. По-видимому, в тюркских языках был какой-то направительный падеж на *-n*, который, примкнув впоследствии к окончанию исходно-местного падежа на *-da*, образовал новый послелог *-dan*.

Доклад руководителя Школы Н. З.

Гаджиевой (Москва) «Теория реконструкции» был посвящен теоретическому обоснованию указанного основного приема сравнительно-исторической методики реконструкции. Современная компаративистика, отмечалось в докладе, характеризуется более совершенной техникой реконструкции, вобравшей в себя новейшие приемы исторических и ареальных исследований, статистические, структурные методы с привлечением данных типологического анализа. Большой интерес для компаративиста представляет наличие в языке сложных тенденций, связанных с так называемыми типовыми сдвигами: современные языки, сохраняя типовые особенности праязыка при действии типологической инерции и сохранении тенденции к созданию определенного типа, реализуются обновленными средствами. Ср. способы сокращения придаточных предложений, не являющиеся абсолютно идентичными в разных тюркских языках. Н. З. Гаджиева обосновала мысль о том, что абстрактные модели словосочетаний в предложении не могут быть синтаксическими архетипами. Семантическое содержание архетипа должно иметь морфологическую опору, ибо выделение последней не только обеспечивает определенную паспортизацию выбранной синтаксической конструкции, но и позволяет проследить историческое развитие и изменение данной единицы.

В докладе Д. Г. Тумашевой (Казань) «Взаимодействие внутренних и внешних факторов в развитии фонетической системы сибирско-татарских диалектов» было проанализировано передвижение гласных в тюркских языках и сибирско-татарских диалектах. Существование этого процесса в древности, его широкое распространение в диалектах тюркских языков указывают на внутренние законы языкового развития: видимо, первоначально совпадение какого-то признака или звука сменялось поисками новых различительных особенностей для совпавших звуков. Преобладание глухих со-

гласных в сибирско-татарских диалектах (например, в тобольско-иртышском диалекте оглушаются все согласные, независимо от позиции) объясняется, вероятно, тем, что эта тенденция была поддержана какими-то субстратными явлениями, получившими развитие в диалектах сибирских татар.

Основное положение доклада И. В. Кормушина (Москва) «„Алтайские“ реконструкции» сводилось к утверждению, что резервы реконструкции, компаративистского анализа тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских параллелей еще не исчерпаны. Это положение было подкреплено конкретными примерами: др.-тюрк. *bodu* — 'красить, окрашивать', *boduγ* 'краска, цвет' и т. п., а также современные корреспонденции в тюркских языках (ср. кирг. *боёо*, *боёк*; тат. *буяу*, *буяу*; тув. *будуур*, *будук*; азерб. *боја*, *бојамаг*) имеют параллели в монгольских, тунгусо-маньчжурских языках с обоими вариантами вокализма рассматриваемой лексемы. Докладчик, предлагая считать вокализм *о—а* исходным, определил монгольские и тунгусо-маньчжурские формы по исходному вокализму как вторичные. При этом он отметил, что те же монгольские и тунгусо-маньчжурские словоформы обладают рядом черт древнейшего состояния, например, дентальностью, сохранением древних семантических линий, утраченных во многих современных тюркских языках. Могут ли эти формы при всей древности семантики и вполне определенных фонетических нюансах быть квалифицированы как заимствование? Ответ на этот вопрос не может быть получен без проведения дальнейших исследований по всем направлениям реконструкции на обширном материале.

В докладе А. Мамедова (Баку) «Роль различных методов и приемов в реконструкции фонологических особенностей пратюркского состояния» на примере явления глухости—звонкости и их перебора как в вертикальном, так и горизонтальном направлениях в тюркских языках утверждалась необходимость использования исторического, сравнительно-исторического и типологического методов в решении указанной проблемы.

В докладе Л. Г. Гулиевой (Баку) «Трансонимизация в разных топонимических системах» на материале азербайджанских и русских топонимов реконструировалась семантическая структура исходных апеллятивов, изменение ее в ониме, вызванное как эстра- так и интралингвистическими факторами, рассматривались типологические особенности каждой из исследуемых языковых систем в их преломлении к именам собственным.

Доклад О. Т. Молчановой (Львов) «Типологическая конвергентность топонимикон разносистемных языков» был посвящен анализу словообразовательных моделей в топонимии разносистемных языков, их сво-

димости к преимущественно двукомпонентным словоформам, возможности предсказать результирующую топонимическую модель в тюркских языках посредством целого комплекса способов перехода географических имен от семантически прозрачных к неясным, что произошло со значительным числом топонимов европейских языков. И вместе с тем тюркские языки на основе законов перехода «апеллятив→оним» дают ключ к реконструкции изначальной словообразовательной модели географических имен, например, германских языков. Представленность грамматических классов слов в онимии языков отражает их типологическую специфику: например, в тюркских языках широкой репрезентацией обладают не только существительные но и прилагательные (среди последних значительны относительные), и глагольные формы, и числительные. В славянских и других языках распределение грамматических классов в топонимии иное. То же относится к суффиксальным и несуффиксальным образованиям, имеющимся в именах.

На сессии были представлены и другие доклады обобщающего характера, например, В. П. Нерознака (Москва) «Празык: реконструкт или языковая реальность?». Автор считает возможным примирить это противоречие, если представить праязыковое состояние как динамически развивающееся знание о предшествующих этапах исторической языковой эволюции, а прародину — как исторически меняющийся процесс накопления наших знаний о пространственных рамках эволюции генетических общностей. Следовательно, обе величины — праязык (субстанционально-временная) и прародина (социальная, то есть пространственная) суть динамические построения, обобщающие наши знания о состоянии сравнительно-генетических исследований в той или иной области. Принцип ретрогностики, по мнению докладчика, выступает как ведущий методический прием диахронической лингвистики для ненаблюдаемых феноменов (праязыковое состояние и прародина).

Основное положение доклада Дж. И. Эдельман (Москва) «Роль артикуляционной фонетики в диахронической фонологии» можно сформулировать следующим образом: обращение к артикуляционной фонетике помогает не только уточнить функционирование реконструированных элементов синхронии и сделать синхронную реконструкцию более реалистичной, но и объяснить дальнейшие диахронические изменения реконструированной прасистемы.

В своем докладе «Системность трансформации индоевропейских архетипов как критерий их одноплоскостного существования» Э. Г. Туманян (Москва) высказала свое мнение о понятиях «праязык», «смена языков», «фактор субстрата» и др. В докладе обосновывалась возможность контроля

корректности восстановленных признаков праязыка на основе «челночного метода», то есть многоступенчатым движением по вертикальной оси вниз и вверх.

Кроме перечисленных, на сессии были заслушаны доклады Ю. С. Степанова «Синтаксическая реконструкция простого предложения», О. С. Широкова «Проблемы реконструкции диалектных изоглосс», В. А. Виноградова «Категориальная типология (задачи и принципы)», В. Я. Пархоменского «Реконструкция в бесписьменных языках», Б. П. Нарумова «Особенности реконструкции в романских языках», О. А. Оси-

повой «Реконструкция древних показателей индоевропейского активного падежа по данным древнегерманских языков и типологическим параллелям», Г. И. Андреевой «Реконструкция на синтаксическом уровне», О. В. Огоновской «Традиции компаративистики на Украине», С. Я. Шарыпкина «К реконструкции древнейшего состояния древнегреческой падежной системы» и др.

По затронутым проблемам развернулась широкая дискуссия.

Л. Г. Гулиева, О. Т. Молчанова.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» В 1985 ГОДУ (№№ 1—6)

№ Стр.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Благова Г. Ф. (Москва). О месте межуровневых явлений в развитии тюркской языковой системы	1	3— 10
Гузев В. Г. (Ленинград). Некоторые вопросы теории тюркского словоизменения в функционально-семантическом аспекте	2	3— 11
Гузев В. Г. (Ленинград). О значениях взаимного и понудительного залогов	4	3— 11
Сибигагов Р. Г. (Уфа). Модальные слова в функции предикативных средств	6	3— 10
Тенишев Э. Р. (Москва), Бирюкович Р. М. (Саратов). Реликты древне-уйгурской формы на -yuluq в современных тюркских языках	3	3— 7
Ширалиев М. Ш. (Баку). Закономерности развития азербайджанского языка	5	3— 8

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Арсланов Л. Ш. (Елабуга). О туркменско-татарском языковом взаимодействии на территории Ставропольского края	5	22— 24
Баскаков Н. А. (Москва). О тюркских лексических заимствованиях в русском языке	1	11— 19
Дрон И. В. (Якутск). Гагаузские этнотопонимы и этногидронимы ногайского происхождения	3	8— 19
Кунгуров Р., Абдурахманов Н. (Самарканд). Структурный анализ сложных слов, заимствованных в тюркские языки из неродственных языков	3	20— 22
Меметов А. (Ташкент). Арабские заимствования в современном крымско-татарском языке	5	9— 21
Мотузенко Е. М. (Бельцы). О турецком влиянии на формирование рыболовецкой терминологии Причерноморья	2	12— 20
Федотов М. Р. (Чебоксары). Б. Мункачи о тюркских элементах в венгерском языке	1	30— 37
Федотов М. Р. (Чебоксары). О некоторых тюркских заимствованиях в марийском языке	4	12— 22
Хамидова С. М. (Джизак). Русские словарные единицы в узбекской разговорной речи	1	20— 29
Юналеева Р. А., Гатаулина Р. Г. (Казань). О словообразовательной продуктивности тюркизмов в русском языке	6	11— 17

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Арзибеков Р. (Самарканд). О генезисе и типологии рубай	5	25— 33
Короглы Х. Г. (Москва). Сюжет «Юсуф и Зулейха» в тюркских литературах	6	18— 22

	№	Стр.
Фомкин М. С. (Ленинград). Вопросы эвфонии тюркской газели Султана Веледа	2	21— 27

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Аджиев А. М. (Махачкала). Кумыкские свадебно-обрядовые загадки «киритлемелер»	4	23— 28
Салмин А. К. (Ленинград). Чувашские сказки о батырах	1	38— 44
Урманчиев Ф. (Елабуга). Девушка — шакирд и воин	3	23— 29

ОНОМАСТИКА

Баскаков Н. А. (Москва). Имена собственные гуннов, булгар, хазаров, сабиров и аваров в исторических источниках	4	29— 36
Бушаков В. А. (Аскания-Нова). Термины, обозначающие селения и крепости, в топонимии Крыма	2	28— 37
Гукасян В. Л., Куранян А. А. (Баку). Тюркские личные имена в удинской антропонимии	1	45— 50
Караев С. К. (Ташкент). Древнетюркские топонимы Средней Азии	6	23— 35
Мизиев К. А. (Москва). О потамониме аггу	2	38— 41
Молчанова О. Т. (Львов). Прилагательные семантических полей «черный цвет» и «белый цвет» в ономастике алтайцев	3	30— 42
Саттаров Г. Ф. (Казань). Происхождение полисонима «Казань»	5	34— 43

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Аблаков А. (Кзыл-Орда). К грамматической характеристике управления как способа связи в казахском языке	2	42— 51
Акабиров С. (Ташкент). О толковании значений слов в филологических русско-национальных словарях	3	43— 52
Кузнецов П. И. (Москва). Глагол тур-(тар-) и понудительный залог	6	36— 41
Кызласов И. Л. (Москва). Древнехакаские надписи на плитах кургана Узун оба	1	51— 63
Махаматов А. (Ташкент). Акцентуация речевого такта в русском и узбекском языках	5	44— 46
Махпиров В. У. (Алма-Ата). Структурно-функциональное развитие антропонимических формантов в тюркских языках	4	37— 44
Сидоров Е. С. (Якутск). Этюды по сравнительно-исторической лексикологии якутского языка	3	53— 63

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Благова Г. Ф. (Москва). Лазарь Будагов—лексикограф-энциклопедист	6	42— 56
Умаров Э. А. (Ташкент). В. В. Вельяминов-Зернов — издатель словаря «Абушка»	5	47— 51

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Адягаши К. (Сегед, ВНР). О шести чувашских глоссариях XVIII века	5	76— 88
Азербайев Э. Г. (Москва). О связи местоимений в японском и тюркских языках	4	63— 74
Азербайев Э. Г. (Москва). Сравнение лексики японского и тюркских языков, связанной с названиями частей тела человека	1	75— 89
Алиев А. А. (Баку). Явление парцелляции в языке современной азербайджанской художественной прозы	3	72— 78
Асланов В. И., Буниятов З. М. (Баку). Старейший тюркско-арабский словарь	2	60— 65
Боронов А. А. (Москва). Язык эпоса «Манас» как наддиалектная форма киргизского языка	6	76— 84
Велиев С. А. (Баку). К истории образования аффикса принадлежности третьего лица	6	57— 64

	№	Стр.
Гузеев Ж. М. (Нальчик). Производные формы слов в общих словарях тюркских языков	4	51— 62
Джанашиа Нана Н. (Тбилиси). О выражении «бытия» в турецком языке	3	79— 85
Зикриллаев Г. Н. (Бухара). Синонимические отношения форм условно-желательного наклонения в узбекском языке	5	52— 61
Кадыров Т. Ш. (Ташкент). О трех лингвистических терминах словаря «Хуласса-йе Аббаси» Мухаммада Хуваййи	1	71— 74
Керимов Л. (Баку). Современные тенденции в развитии лексики азербайджанского языка	2	52— 59
Коркина Е. И. (Якутск). Об изучении якутского языка	2	74— 80
Кочкина А. Ф. (Казань). Рунические знаки на керамике Биляра	4	75— 80
Муртазов З. М. (Ташкент). Сопоставительно-стилистический анализ синонимов узбекского и русского языков	5	72— 75
Насилов Д. М. (Ленинград). К характеристике количественной аспектуальности в узбекском языке	1	64— 70
Новка Х. (Айхвальде, ГДР). К истории тюркологии в Берлинском университете	4	81— 89
Садвакасов Г. (Алма-Ата). Изучение уйгурского языка в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР	2	81— 85
Хамидов Х. (Нукус). О каракалпакском литературном языке дооктябрьского периода	2	66— 73
Чариев А. (Термез). Природа синтаксической связи притяжательной конструкции с родительным падежом в узбекском языке	3	64— 71
Чернов М. Ф. (Чебоксары). Глагольные идиоматические сочетания в современном чувашском языке	6	65— 75
Шукюров А. Дж. (Баку). К вопросу об этимологии послелога <i>sağu</i> / <i>sağı</i> и история его развития в азербайджанском языке	4	45— 50
Щека Ю. В. (Москва). Смещение значения категориальных форм глагола в турецкой разговорной речи	5	62— 71

ПУБЛИКАЦИИ

Насилов В. М. (Москва). Аффиксы включения	3	86— 98
---	---	--------

РЕЦЕНЗИИ

Алиев К. Г. (Баку). Э. М. Мурзаев. Словарь народных географических терминов	4	101—103
Алишев С. Х., Ахметьянов Р. Г. (Казань). Д. Б. Рамазанова. Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии	4	94— 96
Асланов В. И. (Баку). Агамуса Ахундов. Азербайжан дилинин фонетикасы	1	92— 95
Ахундов А. (Баку). Ф. А. Ганиев. Конверсия в татарском языке	6	89— 90
Будагова З. И., Джафаров Дж. (Баку). А. К. Алекперов. Лексическая семантика простых глаголов в современном азербайджанском языке	1	95— 96
Галиуллин Т. (Казань). «Татар әдәбияты тарихы»	5	94— 95
Грунина Э. А., Поцелуевский Е. А. (Москва) И. В. Кормушин. Системы времен глагола в алтайских языках	6	85— 88
Джунисбеков А. (Алма-Ата). Б. Қалиев. Қазақ тіліндегі дауысты дыбыстардың редуциясы	3	100—102
Добродомов И. Г. (Москва). «Вопросы хакаского литературного языка»	6	94— 98
Закиев М. З., Махмутов Х. Ш. (Казань). Фатых Урманчиев. Героический эпос татарского народа	5	93— 94
Зиннатуллина К. З., Галиуллин К. Р. (Казань). «Русско-татарский словарь»	4	100—101
Исламов М. И. (Баку). М. С. Воронкин. Северо-западная группа говоров якутского языка	5	89— 90
Ишаев А., Шарипова К. (Ташкент). Машхура Туропова. Ўзбек шевалари синтаксиси	5	90— 91

	№	Стр.
Кайдаров А. Т., Кажибекоев Е. З. (Алма-Ата). К. М. Мусаев. Лексикология тюркских языков	4	90— 92
Камалов А. А., Шакуров Р. З. (Уфа). А. Г. Шайхулов. Татарские и башкирские личные имена тюркского происхождения	2	91— 93
Караев С., Шукюров Ш. (Ташкент). «Ўзбек адабий талаффузи луғати»	6	92— 94
Кононов А. Н. (Ленинград). А. Н. Баскаков. Предложение в современном турецком языке	1	90— 92
Кононов А. Н. (Ленинград). «Турецко-русский словарь (Неологизмы)»	2	86— 87
Липец Р. С. (Москва). «Манас». Киргизский героический эпос. Книга I	4	103—107
Муртаджиев М., Нурманов А. Н. (Андижан). Н. М. Махмудов. Ўзбек тилидаги содда гапларда семантик-синтактик асимметрия	3	99—100
Нигматов Х. Г., Ахматов Н. Р. (Бухара). Б. Бафоев. Навоий асарлари лексикаси	1	96— 97
Нигматов Х. Г. (Бухара). Ф. Абдурахмонов, А. Рустамов. Навоий тилининг грамматик хусусиятлари	4	92— 94
Нигматов Х. Г. (Бухара), Нурманов А., Дадаходжаев Э. (Андижан). Дж. Буранов. Сравнительная типология английского и тюркских языков	2	87— 89
Нургалиев Р., Ибраев Ш. (Алма-Ата). Сейит Қасқабасов. Қазақтың халық прозасы	6	90— 92
Петросян И. Е. (Ленинград). «Turcica. Revue d'etudes turques», Tome XVI	4	107—108
Родионов В. Г. (Чебоксары). «Революция чăваш литературы. Текстсем».	4	98— 99
Рустамова А. (Баку). Е. И. Маштакова. Турецкая литература конца XVII—начала XIX в.	2	89— 91
Тенишев Э. Р. (Москва), Махмутов Х. Ш., (Казань). Нурмөхәмәт Хисамов. Бөек язмышлы әсәр	4	96— 98
Ханмурзаев Г. Г. (Махачкала). А.-К. Ю. Абдуллатипов. Литература правды жизни	3	102—104
Шерматов А. (Ташкент). М. А. Мамедов. Лингвистический анализ географических названий в смешанных ареалах	1	98— 99
Юсупов Р. А. (Казань). Г. Ф. Саттаров. Мәктәптә туган як ономастикасы	5	92— 93

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Алиев Ф. Ф. (Алма-Ата). «Вопросы истории формирования и развития казахского литературного языка»	1	100—101
--	---	---------

PERSONALIA

Абдуллаев Б. Т. (Баку). Алигейдар Алиаббас оглы Оруджев	6	97— 98
Алиев Ф. Ф. (Алма-Ата). Абилябек Нурмагамбетов	6	100
Аралбаев Ж. А., Копыленко М. М. (Алма-Ата). Шора Шамгалиевич Сарыбаев	2	98— 99
Атанязов С., Соегов М. (Ашхабад). Пигам Азимов	1	102—103
Гайдаржи Г. А. (Бельцы). Людмила Александровна Покровская	2	99—100
Ганиев Ф. А. (Казань). Абрар Гибадуллович Қаримуллин	3	105—106
Кунгуров Р. К., Раджабов Н. Р. (Самарканд). Улуг Ташмухаммедович Турсунов	1	103—104
Курышжанов А. К. (Алма-Ата). Толеубай Рахимжанович Кордабаев	6	99—
Мамедов Н. Дж. (Баку). Азиз Шариф	2	96— 98
Поцелуевский Е. А., Тенишев Э. Р. (Москва). Николай Александрович Баскаков	2	94— 96
Рустамов А. (Ташкент). Гани Абдурахманович Абдурахманов	6	96— 97
Ходжиев А., Махмудов Н. (Ташкент). Азам Шерматов	5	98— 99
Шенгелия Н. Н. (Тбилиси). Нодар Николаевич Джанашиа	5	97— 98

№ Стр.

ХРОНИКА

«Азербайджанско-прибалтийские литературные связи»	2	107—108
Благова Г. Ф. (Москва). Одиннадцатое пленарное заседание Советского комитета тюркологов	2	101—107
Будагова З. И. (Баку). Международный тюркологический конгресс в Стамбуле.	6	101—102
Гулиева Л. Г. (Баку), Молчанова О. Т. (Львов). Сессия Школы молодого компаративиста	6	102—104
Ибрагимов К., Ибрагимов С. (Ош). Третьи научные чтения, посвященные памяти академиков И. А. Батманова, К. К. Юдахина, Б. М. Юнусалиева	5	104—106
«История киргизской советской литературы»	1	105—106
«Классическая азербайджанская поэзия (XIX—начало XX века) и устное народное творчество»	5	106—107
«Лингвистический анализ географических названий Азербайджана»	5	107—108
Максютова Н. Х. (Уфа). Ареальные исследования в языкознании и этнографии	5	100—104
«Низами и грузинская литература»	3	108—109
«Проблемы развития азербайджанской художественной прозы конца XIX—начала XX века»	2	107
«Семантико-синтаксическая асимметрия в простом предложении узбекского языка»	3	107—108
«Сигнификативная оппозиция синтаксических конструкций по признаку утвердительность — отрицательность»	1	106—107
«Современное казахское устно-народное и индивидуальное творчество (жанровый состав и структурно-функциональные особенности)»	2	108—109
«Творчество Кайсына Кулиева»	3	107
«Теоретические проблемы синтаксиса азербайджанского языка»	3	108
«Формирование и становление методологических принципов узбекской советской литературной критики»	1	107
«Языковая модальность и средства ее выражения в якутском языке»	1	105

НЕКРОЛОГИ

Абдуллаев Вахид Абдуллаевич	4	109—110
Гусейнзаде Мухтар Гусейн оглы	5	109—110
Наделяев Владимир Михайлович	5	108—109
Сафаев Ахмед Сафаевич	2	109

С О Д Е Р Ж А Н И Е

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Р. Г. Сибагатов (Уфа). Модальные слова в функции предикативных средств 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Р. А. Юналеева, Р. Г. Гатаулина (Казань). О словообразовательной продуктивности тюркизмов в русском языке 11

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

- Х. Г. Короглы (Москва). Сюжет «Юсуф и Зулейха» в тюркских литературах 18

ОНОМАСТИКА

- С. К. Караев (Ташкент). Древнетюркские топонимы Средней Азии 23

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- П. И. Кузнецов (Москва). Глагол тур- (тар-) и повелительный залог 36

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

- Г. Ф. Благова (Москва). Лазарь Будагов — лексикограф-энциклопедист 42

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- С. А. Велиев (Баку). К истории образования аффикса принадлежности третьего лица 57
М. Ф. Чернов (Чебоксары). Глагольные идиоматические сочетания в современном чувашском языке 65
А. А. Боронов (Москва). Язык эпоса «Манас» как наддиалектная форма киргизского языка 76

РЕЦЕНЗИИ

- Э. А. Грунина, Е. А. Поцелуевский (Москва). И. В. Кормушин. Системы времен глагола в алтайских языках 85
А. Ахундов (Баку). Ф. А. Ганиев. Конверсия в татарском языке 89
Р. Нурғалиев, Ш. Ибраев (Алма-Ата). Сейіт Қасқабасов. Қазақтың халық прозасы 90
С. Караев., Ш. Шукюров (Ташкент). «Ўзбек адабий талаффузи лугати» 92
И. Г. Добродомов (Москва). «Вопросы хакасского литературного языка» 94

PERSONALIA

<i>А. Рустамов</i> (Ташкент). Гани Абдурахманович Абдурахманов	96
<i>Б. Т. Абдуллаев</i> (Баку). Алигейдар Алиаббас оглы Оруджев	97
<i>А. К. Курышжанов</i> (Алма-Ата). Толеубай Рахимжанович Кордабаев	99
<i>Ф. Ф. Алиев</i> (Алма-Ата). Абилябек Нурмагамбетов	100

ХРОНИКА

<i>З. И. Будагова</i> (Баку). Международный тюркологический конгресс в Стамбуле	101
<i>Л. Г. Гулиева</i> (Баку), <i>О. Т. Молчанова</i> (Львов). Сессия Школы молодого компаративиста	102
Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская тюркология» в 1985 году (№№ 1—6)	105

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>R. G. Sibagatov</i> (Ufa). Modal words as predicative means of a language	3
--	---

LANGUAGES IN CONTACT

<i>R. A. Yunaleyeva, R. G. Gataulina</i> (Kazan). On word-formative productivity of Turkisms in Russian	11
---	----

PROBLEMS OF LITERARY CRITICISM

<i>Kh. G. Korogly</i> (Moscow). Plot of «Jusuif and Zuleikha» in Turkic literatures	18
---	----

ONOMASTICS

<i>S. K. Karayev</i> (Tashkent). Old Turkic toponyms of Central Asia	23
--	----

DISCUSSIONS

<i>P. I. Kuznetsov</i> (Moscow). Verb tur-(tar-) and causative voice	36
--	----

HISTORY OF HOME TURCOLOGY

<i>G. F. Blagova</i> (Moscow). Lazar Budagov is a lexicographer-encyclopaedist	42
--	----

REPORTS, SURVEYS

<i>S. A. Veliyev</i> (Baku). Towards a history of formation of formal affix of third person	57
<i>M. F. Chernov</i> (Cheboksary). Verbal idiomatic combinations in modern Chuvash	65
<i>A. A. Boronov</i> (Moscow). Language of «Manas» epos as a sub-dialectal form of Kirgiz	76

REVIEWS

<i>E. A. Grunina, Y. A. Potseluyevskiy</i> (Moscow). И. В. Кормушин. Системы времен глагола в алтайских языках	85
<i>A. Akhundov</i> (Baku). Ф. А. Ганиев. Конверсия в татарском языке	89

<i>R. Nurgaliyev, Sh. Ibrayev</i> (Alma-Āta). Сейіт Қасқабасов. Қазақтың халық прозасы	90
<i>3. Karayev, Sh. Shukurov</i> (Tashkent). «Ўзбек адабий талаффузи луғати»	92
<i>I. G. Dobrodomov</i> (Moscow). «Вопросы хакасского литературного языка»	94

PERSONALIA

<i>A. Rustamov</i> (Tashkent). Gani Abdurahmanovich Abdurahmanov	96
<i>B. T. Abdullayev</i> (Baku). Aligeydar Aliabbas ogly Orudjev	97
<i>A. K. Kuryshjanov</i> (Alma-Āta). Toleoubay Rakhimjanovich Kordabayev	99
<i>F. F. Aliyev</i> (Alma-Āta). Abilbek Nurmagambetov	100

CHRONICLE

<i>Z. I. Budagova</i> (Baku). International Congress of Turcology in Istanbul	101
<i>L. G. Guliyeva</i> (Baku), <i>O. T. Molchanova</i> (Lvov). Session of School of young comparativists	102
«Index articles published in «Soviet Turcology» in 1985, № 1—6»	105

© «Советская тюркология», 1985 г.

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*
 Корректоры *А. Е. Сорокина, Г. В. Жилин*

Сдано в набор 17.02.86 г. Подписано к печати 24.04.86 г. ФГ 11275. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
 Заказ 518. Тираж 2480. Цена 1 руб. 10 к.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.